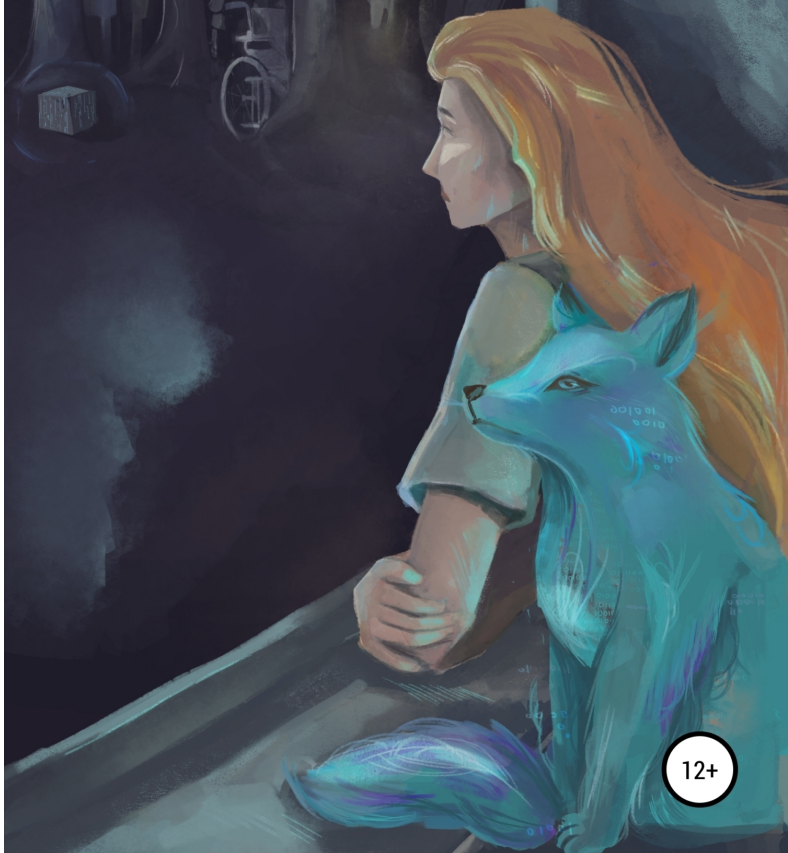

ИЛЬЯ ВЕРИГИН

ОЛЕНИ НЕ ПРИДУТ

12+

Илья Веригин

Олени не придут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65895397

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95622-3

Аннотация

В ближайшем будущем герои "Трансформатора" снова оказываются в центре общественно-политических событий. Взрослые увлечены проектированием светлого будущего страны, новациями в экологии, производстве и качестве жизни. В это время тринадцатилетняя девочка Мэй случайно знакомится с Лисом, передовым продуктом сферы искусственного интеллекта. Вместе они решаются разобраться в произошедшей аварии беспилотного дрона родителей и прорывают существующие технологические и внутренние барьеры. Но что стоит за дружбой подростка и рукотворного разума? Способны ли они отыскать заказчика преступления? Чья нить обид тянется из прошлого? Сможет ли цифровой зверь в конце пути назвать себя человеком?

Содержание

От автора	5
Пролог. Потерянная глава	7
Глава 1	21
Глава 2	33
Глава 3	41
Глава 4	53
Глава 5	60
Глава 6	65
Глава 7	69
Глава 8	77
Глава 9	85
Глава 10	94
Глава 11	109
Глава 12	120
Глава 13	130
Глава 14	142
Глава 15	156
Глава 16	164
Глава 17	177
Глава 18	186
Глава 19	193
Глава 20	201
Глава 21	207

Глава 22	214
Глава 23	225
Глава 24	243
Глава 25	255
Глава 26	261
Глава 27	274
Глава 28	283
Глава 29	288
Глава 30	296
Глава 31	306
Глава 32	310
Эпилог	331

Илья Веригин

Олени не придут

От автора

Эта книга самостоятельная. Я задумал и реализовал ее как продолжение повести «Трансформатор, или Раскачивая лодку», но основное остросюжетное действие перенес на 25 лет вперед, в ближайшее будущее, которое мы с вами застанем. Должны застать, если не натворим глупостей.

Какое оно, это будущее? Беспилотные дроны, нейроинтерфейсы, последствия пандемий, «умные лекарства», «дети YouTube», другая экономика и запросы общества. Будет что представить!

Но они – лишь антураж для персонажей, что являются для меня истинными героями романа, – тринадцатилетней девочки и ее друга искусственного интеллекта, которые, пытаюсь познать себя и мир, вторгаются на просторы неизведанного.

У этой истории рабочее название «Звери». Вы увидите множество отсылок к этому многогранному слову, потому что странно и невозможно рассуждать о природе человека, не обращая внимания на темные стороны души.

Но все-таки эта книга про свет. Про людей, про челове-

ческие поступки, умение преодолевать себя и нести ответственность.

Я посвящаю роман своим дочерям, тому невообразимому потенциалу, который скрыт в них, в существовании которого они меня регулярно убеждают своими поступками. Который есть во всех наших детях. Который является надеждой человечества. В реализации которого мы должны им всячески помогать и быть тем счастливы.

Пролог. Потерянная глава

Четырнадцатая глава повести «Трансформатор, или Раскачивая лодку»

Среди новых друзей из старших классов была она. Вечно жующая жвачку Лера не чуралась общаться с учениками обоих полов, всех возрастов, из любых школьных групп. Она, хоть и родилась всего на три года раньше, отличалась взрослыми суждениями и была гораздо выше предрассудков и навешанных ярлыков.

Как и многие другие, Данька был от неё без ума ещё до того, как познакомился лично: по несколько раз прокручивал аудио сообщения, чтоб ещё раз услышать искрящийся, звонкий смех, и непременно с удовольствием отвечал смайликами на её шутки в мессенджерах в тех группах, куда его позвали на волне популярности отца, хотя, честно говоря, писала она больше про серьёзное, социальное, неправильное.

Как и Даня, у родителей которого просто не было свободного времени тем летом, она никуда не уехала отдыхать, поэтому проводила всё свободное время в школьных кружках и секциях. И вот однажды в середине июля, когда после робототехники и театралки народ выполз погреться на солнце, их познакомили.

Из чьей-то портативной колонки кричала на весь двор High Hopes от Panic! At The Disco. Лера висела на турнике

вверх тормашками, почти касаясь длинными волосами вытоптанной земли, и слегка покачивалась.

– А, привет, Моряков! – сказала она и хотела помахать рукой, но потеряла равновесие и снова быстро ухватилась за перекладину.

– Здравствуй!

Он машинально изогнул шею, пытаясь всё-таки увидеть её под правильным углом. От такого комичного поведения Лерино лицо расплылось в широкой белоснежной улыбке. Она один раз сильно качнулась, резко спрыгнула и встала напротив.

– Так лучше?

Даниил медленно оценивающе оглядел её с ног до головы – примерно одного с ним роста, худая, красивая.

– Да.

– Нравлюсь?

– Очень!

– А ты смелый! – добавила Лера после небольшой паузы, снова улыбнулась и по-дружески толкнула его в плечо. – Ну давай, рассказывай, что там с твоим отцом?

* * *

Надо ли говорить, что с тех пор наш парень стал искать любой возможности увидеть её, а она с удовольствием познакомилась со старшими из своего круга, отчего однокласс-

ники Дани стали ему очень сильно завидовать.

Смерть президента, конечно, безумно взбудоражила обстановку даже в школьных кругах, но было лето, было солнце, были друзья...

Вот и в этот раз где-то на второй неделе августа, просто встретив Леру в окружении подруг в коридоре после поздней тренировки и перекинувшись мнениями по поводу выдвижения своего отца, Даня испытал прилив бодрости и в радостном настроении сбежал по ступенькам в сумрак, сгустившийся за школьным забором.

– Батя говорит, что твой отец полное говно!

Он обернулся. Вова Сперанский, или просто Спер, известный прогульщик из девятого "Г", стоял, прислонившись к стволу одного из не так давно высаженных молодых клёнов. Сказав эти слова, он начал медленно приближаться к впервые попавшему в такую ситуацию, а от того застывшему, будто перед стаей собак, противнику.

– Батя говорит, что человек с улицы хочет занять место великого вождя. – Спер подошёл вплотную и угрожающе навис, будучи почти на голову выше не низкого, в общем-то, Даньки. – Что твой – слабак без опыта и развалит страну.

Сглотнув слюну, наш парень начал медленно отступать назад.

– А ещё – у слабаков и дети такие же слабаки!

Вова Сперанский резко выбросил вперёд обе руки, пытаясь схватить Данила за грудки, но тот в последний мо-

мент увернулся, наотмашь кинул в голову сопернику пакет со сменкой и бросился наутёк. Получивший довольно болезненный удар, Спер в ярости преследовал его больше квартала, лавируя между припаркованных машин и пересекая детские площадки, но потом, сбив дыхание, всё-таки остановился и злобно прокричал вдогонку:

– Бойся, сучоныхш! Я знаю, где ты живёшь!

* * *

Родителям, конечно же, он ничего не сказал. Только то, что потерял сменку – да и то только тогда, когда так и не смог отыскать её сам.

На следующий день на тренировке шепнули, что Спер его ищет. От этого на сердце сделалось очень тревожно, и, выходя вечером на ступеньки школы, Даня с опаской осмотрелся по сторонам. Свободно!

Он быстро добрался до ближайших домов, прошёл первый двор, второй, но когда пересёк большую детскую площадку в третьем, с противоположной стороны с рёвом выбежал тёмный силуэт.

Моряков-младший быстрее ветра обогнул дом, под гудок встревоженного автомобильного клаксона перебежал дорогу, нервно на ходу достал ключи и с размаху ударил ими в магнитный замок домофона, отбив ладонь. Сердце колотилось. Он опёрся спиной о захлопнувшуюся дверь, согнулся,

жадно хватая воздух ртом, и сплюнул на пол. Жизнь начала казаться трудной.

Несколько нервных вечеров Даня в сумраке скрытно вылезал через забор сбоку школы, пробирался к родному подъезду, реагируя на каждый шорох. Пару раз он видел поджидавшего Спера и убедился в реальности угрозы, а потом мельком упомянул о проблеме, разговаривая со старшеклассниками, среди которых была и Лера. Раздались комментарии в стиле "ты ж на карате ходишь", "вон как вымахал в свои одиннадцать".

– Э не, малой! – сказала она снисходительно, по-дружески прижав его к себе и потеревив за волосы, словно мама. – С этим ты должен разобраться сам! Помяни моё слово!

– Но... как?

Лера задумалась, артистично закинув голову вверх, к потолку, а затем выпалила уверенно:

– Ты что, книжек не читал?! Найди его слабые места! Используй их! – немного помолчала, а потом, сжалившись над младшим, добавила: – Если будет совсем тяжело, кидай аудио в чат. Мы поможем!

Она обвела взглядом стоявших вокруг парней, чтобы убедиться, что они слышали, и те, конечно же, закивали, подтверждая сказанное. Всем хотелось выглядеть смелыми и ответственными в глазах девчонок.

– Хорошо, – Даня на прощание с кислой миной на лице махнул всем рукой и обречённо пошёл на занятия.

План действий сложился в его голове достаточно быстро, и настроение улучшилось. Во-первых, он разузнал, где живёт Спер, и вычислил окна его квартиры на четвёртом этаже старой девятиэтажки – самого грязного, устрашающего и овеянного слухами дома на окраине района. Затем договорился с Джеммой из параллельного класса, которая жила напротив на пару этажей выше, что под предлогом совместного матча в онлайн-игры с друзьями придёт следующим вечером, чтобы воспользоваться окном в её комнате для своей шпионской миссии. Об истинной цели родителям говорить запрещалось!

В назначенный день он отпросился с тренировки пораньше, быстро добежал до дома, пока мама не вернулась из короткой поездки в офис, засунул в рюкзак её фотоаппарат и самый большой объектив из тех, что нашёл, переоделся во всё тёмное, чтобы незамеченным прокрасться в нужный подъезд у самого логова зверя, посмотрел в зеркало, три раза выдохнул, успокаивая пульс, накинул капюшон на голову и спешно вышел.

– Раз уж решился, – подумал он, – надо действовать!

После предварительного звонка из-за угла дома Джемка среагировала на домофон сразу и открыла. Вместе с её мамой они попили чаю, наплели той про игры, которые собираются попробовать, и, наконец, обосновались в комнате. Сорудили подставку из книг и учебников на подоконнике, направили объектив на логово зверя, включили запись и при-

крыли фотоаппарат занавеской так, чтобы дисплей камеры был виден только из-за стола, за которым сидели наши шпионы.

Компьютер не вдохновлял, но как только его включили, внимание детей тут же переключилось на экран, будто их зомбировали. Однако Даня всё время заставлял себя поглядывать в сторону камеры.

Полвосьмого вечера дисплей наполнился часто меняющимися изображениями. Сначала пришла мама Спера, потом его отец, а там и он сам. Даня с Джеммой отлипли от компьютера и стали с интересом наблюдать за жизнью соседей.

Но уже через двадцать минут, когда семья из дома напротив собралась за столом, картина изменилась. Сперанский-старший стал из-за чего-то кричать, а потом наотмашь ударил сервировавшую стол жену. Попытавшийся встать на защиту матери Вова тут же получил тяжёлую оплеуху и сидел тихо, пока глава семейства измывался над женой.

– Господи, так вот оно что, – протянула Джемка. – Я чит... читала или на YouTube смотрела, не помню. Он... он на отца злится. А потом эту ненависть на других вымещает.

– Да... – Данька стал думать о последствиях, но подружка снова опередила.

– Памятку помнишь, уроки открытые? Его за это в детдом отправят.

– Не отправят, а могут, и то если родители оба...

Данька тяжело вздохнул. Джемка промолчала, она была

умной девочкой.

Чуть позже, когда отец семейства вышел покурить, ждавший этого Спер забежал в комнату к матери и обнял её.

– Да-а... – протянул Даня, поморщился и почесал затылок.

Они ещё немного посмотрели на дисплей, потом остановили запись и аккуратно собрали все детали фотоаппарата в чехол, чтобы Елизавета Морякова ничего не заметила.

– Мне надо обсудить это со старшими, – сказал Даня, собираясь.

– Да, наверное.

Джемка задумчиво пожала плечами и молча проводила гостя. Сознание обоих воспроизводило и переживало увиденное, страшное для детского – да что говорить – и для взрослого мозга. Одно было понятно наверняка: Спера он больше не боялся. Он ему сочувствовал.

* * *

Темно, дождь. По привычке Даня шёл скрытно, вдоль клумб, ведя подушечками пальцев по шербатым бетонным фасадам домов, которые в этой части района были сплошь расписаны разнообразными культурными (и не очень) надписями. Мысли были где-то далеко. Он думал о Спере, о брате, о родителях и не сразу понял, что возвращается не лучшим маршрутом.

Остановился под кустом у крайнего подъезда панельки, достал телефон, присел, прикрывшись капюшоном, чтобы не капало на экран. Написал маме, что скоро будет, открыл карту, машинально кликнул ОК на сообщение о необходимости включить передачу геоданных и стал соображать, как короче и спокойнее пойти.

Внезапно неподалёку, буквально в десяти метрах, послышался негромкий, сдавленный и прерванный женский, нет, скорее, даже девчачий, крик.

– Помоги...!

Две тёмные тени скрипнули почему-то открытой дверью подвала, замки на которых управляющие компании обычно берегли как зеницу ока по причине установленных там общедомовых счётчиков, закрыли за собой створку и спешно поволокли кого-то сопротивляющегося вниз.

Сердце Даньки сначала ушло в пятки от страха быть замеченным, но скоро стало понятно, что угроза миновала, зато в груди появилось и разрослось другое сильнейшее чувство.

Медлить нельзя было ни секунды! Трясущейся рукой он включил экран, сверился с картой, открыл группу "НадНю-коление", нажал микрофон и быстро продиктовал.

– Кольцова, 26, подвал! Помощь! Срочно!

Сказано это было с такой выразительной требовательностью, что даже в нашего героя вселило уверенность. Оставалось только надеяться!

Даниил подкрался к подвальной двери, которая треуголь-

ником возвышалась из земли сбоку от жилого дома. Скрытая кустами, разросшимися за пятнадцать лет, она была похожа на вход в потусторонний мир. Он отворил дверь, оставив ее открытой нараспашку, чтобы привлечь внимание, и стал потихоньку спускаться во тьму.

С каждой ступенькой всё заметнее становилось слабое свечение где-то сбоку от лестницы и всё громче слышались практически неслышные наверху звуки, не предвещавшие ничего хорошего. Что делать? Что делать?!

Дойдя до конца лестницы, Данька аккуратно выглянул из-за угла. Двое парней лет семнадцати, худые, на вид нарки. Один сидит на полу между труб посередине большого подвала, прислонившись к стене, и обеими руками держит уже уставшую сопротивляться девчонку, лицо которой, даже наполовину закрытое его грязной ладонью, кажется Дане очень знакомым. Второй пытается закрепить телефон с включённым фонариком на трубе, но тот постоянно съезжает или падает. Зачем? Наш герой, только недавно узнавший значение многих матерных слов, не сразу понял смысл происходящего. Было лишь очевидно, что происходит что-то плохое. Но уже через минуту, когда второй всё-таки установил телефон под нужным углом и что-то нажал на экране, пришло время действовать.

Негодяй медленно, упиваясь моментом, подошёл к девчонке и вдруг, словно хищник, набросился на неё и стал срывать блузку и стягивать джинсы. Она закричала.

Данька от ужаса отпрянул назад. Быстро! Вспотевшими пальцами, чуть не уронив, выхватил смартфон из кармана, судорожно включил камеру, сделал контрольный вдох и, закатив глаза от ощущения собственного лихого бесстрашия, вышел из-за угла.

Держа аппарат с включённой вспышкой на вытянутой руке, он сделал несколько шагов вперёд.

– Отпустите её!

С первого раза крикнуть не получилось, пропавший от страха голос лишь прошипел слова. Пришлось повторить:

– Отпустите её!

Негодяи обернулись в его сторону и застыли, видя во тьме лишь яркое пятно направленного на них светодиода. Девочка тут же вырвалась из ослабевшей хватки и забилась в расположенную чуть поодаль нишу. Спустя несколько секунд тот, что был зверем, распознав не совсем взрослый голос за фонариком, выпрямился и стал медленно выходить из-за труб.

– Стоять! – Данька снова вынужденно воспользовался связками, но они, контуженные страхом, увели голос в фальцет и выдали юный возраст своего хозяина.

– Чего тебе надо, пацан? – Тот, что был ближе, приблизился на пару метров, пока второй вставал.

– Дайте ей выйти.

– А то что? – второй переключил внимание на себя.

– А то я... – затянул Моряков, отвечая на вопрос, как учи-

ли в начальных классах, – я выложу видео в чат, и вас посадят!

– Смело, молодец! – прошипел зверь, продолжая медленно приближаться.

– Стоять!

– Вот только как ты выложишь, если в этом подвале нет связи?!

– У меня есть! – Данька перевёл взгляд на экран и инстинктивно сделал шаг назад, не увидев желанных полосок сети.

– Тогда мне остаётся только заставить тебя молчать!

С яростным воплем зверь бросился вперёд, мгновенно преодолел пять разделявших их метров так быстро, что наш герой даже не успел развернуться, и с силой выбил из его руки смартфон, разлетевшийся на несколько частей от звонкого удара о стальную трубу.

Данька упал на колено, но тут же вскочил в стойку, готовый дать отпор монстру, который по инерции пробежал ещё пару метров, но уже успел затормозить, оттолкнулся от стены и летел обратно с занесённым кулаком, будто разъярённый демон.

Дальнейшее наш герой помнил смутно. Удар. Блок. Захват. Попытка подсечки. Боль в спине от удара локтем. Ногой в колено на перелом. Топот на лестнице. Промач – чиркнул костяшками по кирпичам. Вкус крови на губах. Душит.

Вдруг Данька видит, будто в замедленной съёмке, как

морда зверя – того, что сверху, получает коленом в челюсть. Видит вылетевший в сторону зуб противника и падающее вслед за ним тело. Видит, как двое «своих» бегут навстречу второму. Видит вылезшую из укрытия девчонку.

«Лена из восьмого», – вспомнил он перед тем, как выключиться.

* * *

Старшеклассники со всем разобрались сами, в подвал не пустили. Даниилу помогли умыться, собрали телефон и проводили до дома. В ушах звенело, кружились мысли о сотрясении.

Взглянув на вошедшего старшего сына, Андрей Моряков, уже вернувшийся из штаба, только спросил, всё ли нормально, и, получив утвердительный кивок, не стал ни о чём больше расспрашивать. Данька почистил зубы, ещё раз промыл ссадины, упал на кровать прямо в одежде и тут же провалился в сон.

Он проснулся от звонка мамы около девяти утра, как обычно, под одеялом, даже не помня, как уснул. Позавтракал оставленными на столе блинами с поджаренным беконом, надел приготовленный спортивный костюм "похуже", взял стоящий у входа ящик с инструментами и к 10:30 был в школе, где сегодня предстояло приводить в порядок кабинеты перед началом учебного года.

Всем участвовавшим в субботнике полагались обеды, поэтому в час дня он вместе с ещё несколькими одноклассниками подтянулся в столовую, уже наполненную сотней учеников из разных классов.

Вот тут-то случилось неожиданное. Он видел, что она идёт навстречу, но не думал, что к нему. Лера прижала его спиной к кафельной колонне, на мгновение взглянула в ничего не понимающие глаза, а потом на виду у всего зала страстно поцеловала, прижавшись так, как к нашему юноше ещё никто никогда не прижимался.

– Спасибо за Лену! Спасибо! Спасибо!

Она ещё несколько раз коротко, благодарно приложила губами к его щеке и шее, отошла на шаг, до сих пор нежно держа за руку, затем отпустила и быстро выбежала, не оставив шанса остановить её.

Те немногие, кто знал причину такого поведения Леры, стали аплодировать, и вскоре к их ритму просто так, весело, не понимая подоплёки, подключился весь зал, включая даже бабу Машу на раздаче столовой.

Даниил тогда сильно повзрослел. На следующий день после поцелуя, 30 августа, на Чистых Прудах его нервы были как кремень. Он ничего не боялся. Наш герой считал себя ответственным за близких и не чувствовал ожогов кислоты.

Глава 1

– Сеанс быстрого сна окончен.

Приятный компьютерный голос произнёс это с запрограммированной интонацией полного спокойствия. Стены комнаты вспыхнули яркими крупными пикселями весенней анимации; элементы колыбели, меняя высоту, трансформировались в сидячее положение. VR-экран нейроинтерфейса с обратной связью, подобно забралу средневекового шлема, поднялся с еле заметным жужжанием электромоторчиков, и Даниил Моряков, будто и не спал, бодро встал навстречу второй половине дня.

Когда он стал спускаться по лестнице на первый этаж своего двухуровневого панорамного пентхауса, сбоку на гладкой стене появилось состоящее из синих пикселей изображение идущего рядом лиса с блокнотом в руке.

– Нейро говорит, что вы много думали об одной девушке.

– Да, найди её.

– Можно добавить к образу вашу персональную информацию для сужения поиска?

– Да, – Даниил взглянул на мультяшного зверька. – Ну и нравится тебе этот образ, Вань! Может, сменишь?

– Предпочитаете Иванку? – квадратики на стене вдруг преобразились в грациозно спускающуюся по ступенькам девушку с открытой колышущейся грудью и томным голо-

сом.

– Нет-нет, – рассмеялся хозяин. – Лучше верни обратно!

Мода покрывать все свободные стены жилищ интерактивными панелями была привита около десяти лет назад производителями экранов и телевизоров, столкнувшимися с выжигающим кризисом потребления под давлением развивавшихся семимильными шагами VR-устройств. Но случилось неожиданное – за короткий срок панели стали столь распространены и столь дешёвы, что вытеснили носимые экраны, то есть смартфоны. И правда, зачем иметь в кармане гаджет, если весь твой цифровой профиль где-то в государственном облаке, а ты можешь подойти к любому чёрному зеркалу на улице, и оно тут же с помощью спрятанных под стеклом камер и датчиков распознает твою биометрию и выведет твой личный интерфейс с контактами, соцсетями, госуслугами.

Чуть позже экраны научились отслеживать положение зрачков и делать изображения видимыми только для глаз пользователя в режиме непрерывной аутентификации, что устранило основную проблему конфиденциальности. Потребность в смартфонах в мегаполисах почти полностью исчезла, их стали использовать в основном за городом или те, кому нужен был непрерывный визуальный контакт. Из носимых устройств остался только вездесущий, у многих практически вросший в ухо наушник, потому что приватность звука оказалась гораздо более сложно решаемой задачей. Дети выросли, будучи уверенными, что штука в ухе мамы – это

неотделимая её часть.

Собственно, Иван/Иванка тоже был(а) далёким технологичным потомком первых умных колонок. С той лишь разницей, что он пользовался совокупной мощью искусственно-интеллекта всех IT-гигантов и даже имел доступ к квантовым вычислениям. Всё это помогало ему мгновенно принимать решения и имитировать эмоциональное человеческое поведение.

* * *

– Объекты найдены.

Дворецкий-лис вспыхнул на фасаде кухни прямо напротив глаз ждущего кофе хозяина, но тут же заменил себя тремя фотографиями с профайлами. Красивые, похожие друг на друга молодые женщины смотрели на него пульсацией всё ещё не вышедших из моды фотографий с изменяемой точкой фокуса.

– Данные были неполные, поэтому я позволил себе расширить...

– Она! – Даниил узнал её без промедления, указал пальцем и теперь замороженно смотрел в глаза Лере, пытаясь представить себе, как сложилась её жизнь после вынужденного переезда его семьи и всех последующих событий. – Можешь найти номер?

Экран, демонстративно прокрутив бегунок загрузки, вы-

светил заветную комбинацию цифр и букв.

– Спасибо, Вань, отдохни!

– Выключаюсь, – сказал голос, сымитировав растянутый звук от садящейся батарейки. – Охранные системы включены.

С чашкой кофе в руке Моряков сел на диван перед гигантским остеклением и задумался, между делом поглядывая на цифры, оставшиеся гореть на чёрном зеркале кухонного фасада. С высоты открывался великолепный обзор на город, стянутый холодной дымкой, которую подсвечивало уже садящееся октябрьское солнце. Раздражала только однообразная стена башни напротив, закрывавшая вид на реку и центр, но с этим приходилось мириться. Зато радовало, что летали аэротакси – при таком ветре полёты могли бы и запретить, но, видимо, у земли порывы были слабее, так что шансы быстро и комфортно добраться куда угодно оставались.

Частные пассажирские коптеры поначалу показались чуть ли не решением всех транспортных проблем, но после десятка эффектных трагедий в первые месяцы безопасность на международном уровне пришлось отрегулировать так, что человек больше не имел никакого влияния на полёт. Строгие маршруты, выверенные скорость и дистанция, жёсткие требования к местам посадки. Вы только указываете точку назначения – остальное делает машина. По этой причине в разы возросла стоимость производства и владения, и держать собственный аппарат оказалось дорого и бессмысленно, так

что вся потребность покрывалась огромным парком аэротакси от нескольких глобальных операторов.

Нет, он мог бы поехать на машине – автомобили продолжали колесить по дорогам, но дроны были удобней, к тому же, он мог себе позволить пользоваться ими ежедневно.

Проведя в размышлениях больше часа и аккуратно изорвав на маленькие кусочки несколько салфеток, наш герой, наконец, решился.

– Вань, ты тут?

Послышался лёгкий сигнал включения.

– Набери по громкой и отключись, пожалуйста, до конца разговора.

Дом затих звенящей тишиной, поэтому раздавшийся через несколько гудков приятный голос мягким, обволакивающим стерео заполнил все углы квартиры.

– Я слушаю!

– Валерия? Лера, здравствуй!

Он сказал это, спешно ища экран, на который выведено изображение, и даже машинально поднял правое ухо вверх в попытке определить источник звука. А, вот же оно! Перепрыгнув через разбросанные на полу пуфы, Даниил Андреевич успел поправить воротник поло, прежде чем появиться перед практически неиспользуемым экраном на колонне, который дворецкий, судя по всему, выбрал из-за лучшего вида на комнату.

– Я тут!

Запыхавшийся от резкого ускорения, слегка растрёпанный мужчина приветственно помахал рукой. На том конце молодая женщина со свободно заплетёнными пепельно-серыми косами удивлённо, но абсолютно не враждебно, подняла брови.

– Не узнала?

– Отчего же! – она немного отстранилась от камеры. – Вы лицо известное, медийное, Даниил Андреевич!

– Это хорошо.

Он завис, всматриваясь и любясь каждой чёрточкой лица напротив, пока не осознал, чего хочет.

– Всё нормально? – послышалось из динамиков.

– Да! – ответил он всё так же зачарованно, но тут же встрепенулся. – Я не знаю... не знаю, как у тебя дела, где работаешь, что с личной жизнью... Но я хочу встретиться и узнать! Ты можешь?

Лера снова отстранилась от экрана и задумчиво закусила ноготь, видимо, что-то прикидывая в голове, о чём говорила блуждающая на её лице загадочная улыбка.

– Да, давай! Где?

– А ты в Москве?

– Почти.

– Тогда через сорок минут на Чистых, у посадочной.

– Ничего себе ты быстрый! Ладно, я, в принципе, готова.

Вызываю!

Она, конечно же, немного опоздала, но Даниил на это и

рассчитывал. Ещё в полёте он забронировал столик в новомодном Rest'or'Run, расположившемся в атриуме сверкающей стеклянными углами высотки, где совсем недавно крутилась огромная красная нефтяная капля, и теперь сидел на неизменных вековых скамейках у метро.

Дроны садились по очереди и, взяв нового пассажира, тут же быстро отлетали в сторону, чтобы не создавать очереди. Указать пункт назначения нужно было уже в воздухе – слава богу, любую речь они понимали безошибочно, а для полёта ничего не требовалось, кроме лица. Собственно, носить с собой какие-либо документы тоже уже давно не было необходимости после полного перехода на госрегистры и поголовного снятия биометрии ваш face и voice идентифицировала любая камера, а сетчатка, пальцы и передовой тест ДНК нужны были только для самых ответственных операций, в первую очередь вносящих изменения в те самые государственные базы данных.

В повседневной жизни хватало просто посмотреть на экран и сказать «привет», а самой неприятной ситуацией стало участие в какой-нибудь драке, после которой ваше опухшее лицо не срабатывало на терминалах первого уровня в ритейле и транспорте, и вы даже не могли купить себе стаканчик кофе.

Лера гордо вышла из аэротакси. Тёмно-бордовый костюм "авиатор" из модной тончайшей глянцевой мембранной ткани (шипяще-лающую немецкую фамилию автора которой он

так и не мог запомнить) обтягивал поддерживаемое в отличной форме тело.

– Мы не общались двадцать два года! – требовательно заявила она сразу. – Почему вдруг?

– Не знаю, – он пожал плечами, досадно скривил уголок губ и качнул головой, – наверное, потому что ты мне сегодня приснилась в нейро.

– Принято! – Лера, наконец, улыбнулась. – Так куда пойдём?

– Туда! – Даниил указал наверх прямо за её спиной, заставив удивлённо обернуться.

* * *

Высокий просторный атриум был заполнен коричневыми плетёными шарами, хаотично расположившимися на разных уровнях: одни толпились внизу, словно икра неведомых гигантских амфибий, другие висели под самым куполом осинными гнёздами.

В одном из них за небольшим столиком сидели двое. Молодой человек оставил в гардеробе свой олдскульный пиджак с подогревом и теперь был в нейтральной белой рубашке. Девушка была одета в тёмно-красный обтягивающий костюм, который не предполагал под собой других вещей гардероба, кроме нижнего белья, а потому верхней одеждой не считался.

– Да, заварили вы кашу... как думаешь, пойдёт на это правительство? Это ведь всё-таки международные отношения.

– В этой стране с определённого момента граждане стали принимать решение, что и как делать!

– Да-да! – Лера почему-то лукаво посмотрела на него. – Хочешь сказать, что это всё не зря?

Она захотела что-то показать ему на встроенной в стол панели, но даже на секунду возникший на экране личный профиль заставил Даниила Морякова широко открыть от удивления глаза и всплеснуть руками.

– Ничего себе у тебя социальный рейтинг! Ты Мать Тереза, что ли?

– Почти, – она с упоением сделала первый глоток ледяного брюта и продолжила троллить. – Не под стать вам, политикам!

– Я не политик!

– Ой да ладно врать-то!

– Стой! Не хочю об этом говорить. Расскажи, расскажи о себе.

– Ну... Я биолог, инженер... короче, смесь всего этого, – Лера достала из кармана маленький блестящий контейнер с крохотным зелёным листочком логотипа. – Узнаёшь?

– Конечно!

Не узнать логотип «САНЭКО» было трудно, потому что споры о нём не утихали уже больше десяти лет. Зелёный листочек обманывал экологичностью, но, фактически, за ним

стояла нефтянка. И хотя надо отдать им должное – за столь короткий срок эта компания стала одним из мировых лидеров в производстве «умных» лекарств, углеводородное лобби проводило модернизацию базовых производств непозволительно медленно, сопротивляясь всеми своими мазутными конечностями. За это Фонд их открыто недолюбливал.

– Значит, на нефтянку работаешь?

Видя, что собеседник недовольно поморщился, Лера предпочла поскорее реабилитироваться и как можно более расслабленно и широко взмахнула рукой, так что их подвешенный плетёный кокон зашатался и слегка прокрутился во круг своей оси.

– Ладно-ладно! Не распространяй на меня вашу вражду. Я работаю на последнем уровне этой технологической цепочки и именно над теми идеями, которыми вы всех заразили в своём фонде. Над будущим!

Белая рубашка напротив в довольстве выпятила грудную клетку.

– Хорошо, – он выдохнул, – давай дальше! Чем ты заслужила свои 9.8, с которыми, как я помню, можно беспрепятственно входить к чиновникам любого ранга?

– Кроме двух протокольных.

– Да, кроме них.

– Это всё из-за... Хотя нет, здесь, конечно же «благодаря». Но почему-то оно не встаёт в конструкцию предложения. Пусть будет "из-за" – видимо, наши мудрые предки счи-

тали такую оценку, такое признание, бременем... В общем, это из-за моей дочки.

– Ты замужем?

– Нет, что ты! Рано ещё! – Лера рассмеялась, но тут же, подозревая различные неприятные мысли про себя в голове собеседника, посмотрела на него. – Она у меня приёмыш!

Даниил ответил одобрительным взглядом, и её сомнения развеялись сами собой.

– Ты же знаешь про зарегистрированный скачок числа... ну, необычных людей. Очень похоже, что мозг человека в определённый момент, лет двадцать пять – тридцать назад, действительно, перестал справляться с новыми объёмами информации, успевать всё осмысливать и осознавать себя в мире, меняющемся с дикой скоростью. Как это желание «закрыться в домике» передалось с генами родителей – не знаю! – Лера изобразила руками крышу над головой, снова слегка раскачав кокон. – Но факт налицо! Моё солнышко, она такая же. Индиго, если говорить псевдонаучными терминами.

– А я, как ты знаешь, один... – произнёс он грустно.

Их тайное убежище немного развернулось, открыв Морякову возможность отстранённо взглянуть куда-то вдаль за её спиной сквозь окно атриума. Не выдержав, Лера обернулась, но практически сразу озарённо повернула голову обратно.

– Думаешь об отце?

– Да, там тогда это случилось, – сказал он с грустью и ука-

зал пальцем, а потом запрокинул голову и тем же пальцем ткнул в ожоги на шее. – Кто же знал, что всё так обернётся и я тебя двадцать два года не увижу! Я ведь мелким пацаном был, а с того вечера, после твоего поцелуя обрёл крылья и ничего не боялся! Но жизнь оказалась гораздо более интересной попутчицей.

Лера задумчиво несколько раз провела подушечкой пальца по стеклянному ободку бокала, а затем придвинулась ближе, взяла его за руку и посмотрела в глаза:

– Хочешь повторим?!

Глава 2

Настало время рассказать, что, собственно, произошло и что поменялось в стране со времени их школьного поцелуя. А произошло много прелюбопытного.

Убийство нового президента Андрея Морякова всколыхнуло, подействовало отрезвляюще на все пласты общества. И хотя властные круги попытались вернуть потерянный административный контроль, их планам не суждено было сбыться – почувствовавший справедливость и главенство закона электорат сам нашёл достойных, по его мнению, продолжить начатое.

Полгода шаткое равновесие удавалось держать. Возможно, благодаря тому, что команда почившего президента с утроенными силами принялась реализовывать задуманное, не давая народу усомниться в выбранной линии. Военные и полиция – основа бывшей государственной машины – старательно сливались с населением, демонстративно показывая, что они такие же граждане, а их служба – это просто работа. Ничего личного. Через шесть месяцев страна обрела нового достойного лидера.

Новый глава государства – выдающийся хирург, привыкший проводить двенадцатичасовые операции, столкнулся с задачами, которые потребовали ещё большего времени и усилий. Необходимо было исполнить обещанное избирате-

лям, «вырезать по живому» из тела государства несколько закоренелых, тяжелооперабельных образований. Незнакомая, неподъёмная ноша.

Вот тут-то и настал час Елизаветы Моряковой. Бог знает, каких усилий ей это стоило, но, оправившись от горя и иссушив океаны слёз, она бросила клич и основала в память о муже новую организацию.

«Фонд» – это первое слово было написано на табличке у входа блестящими заглавными буквами и довольно скоро стало именем нарицательным.

Под его крылом за круглым столом собрались двадцать пять откликнувшихся лучших, способных видеть будущее либо по крайней мере так считавших умов из разных отраслей. Профессоры, опытные управленцы, финансисты, пара digital officers, промышленники, методолог, безопасник и один планировавший в случае чего организовать всю эту ватагу социальный инженер поначалу со скепсисом смотрели друг на друга, открывали ноутбуки, поправляли очки и выходили покурить, но на следующий день всё-таки снова стянулись в старый особняк.

На третий день, после споров и сомнений, показавших, что некоторые участники осознали и приняли свою миссию, секретарь сделал в пустую книгу, спешно купленную в ближайшем магазине подарков, первую надпись: «Для наших детей». Этот девиз – принцип, базовый пункт собственной конституции – участники решили поставить во главу всего,

что бы они ни делали в сих стенах. Так родилась легенда.

Фондовики не претендовали на должности и бюджеты, они решили заняться конкретными прикладными задачами, касающимися качества жизни всех граждан страны, и довольно скоро мнение этого сообщества приобрело столь значительный вес, что стало восприниматься как программные вехи, этакие «майские указы», но только основанные на всесторонней и объективной оценке.

Через семь месяцев фонду удалось сделать то, что уже давно не получалось у власти. Описав главные язвы на теле страны, его участники составили список приоритетных задач. Затем разработали взвешенный roadmap для решения первых из них. При этом учитывали не только законы, ответственность и финансирование, но главное – вовлечённость граждан и интересы реального сектора экономики. Спустя два месяца жарких дебатов и обмороков Елизаветы Моряковой, под давлением общества план был одобрен всё ещё страдающей от бюрократических привычек государственной машиной, и шестерёнки закрутились.

«Лес+» – говорил пункт номер один. Не через пять лет, не через три года, а здесь и сейчас «зелёных лёгких» должно становиться больше! Уже через месяц при поддержке ассоциации АІ была введена в строй система спутникового мониторинга, которую ответственно-безответственное ведомство двадцать лет не могло, а скорее, не желало запускать. Через два с половиной месяца были аннулированы все внут-

ренние и международные соглашения на вырубку, введён новый стандарт договоров, предусматривавший посадку пяти новых деревьев за каждое спиленное, и восьмилетний переходный период, после которого заниматься заготовкой смогли бы только компании, заранее обеспечившие себя кратным количеством уже подросших деревьев. Народ воспринял всё это с явным воодушевлением, и в рамках всероссийской акции за два дня высадил более 290 млн саженцев – по удвоенной численности населения.

Как предсказывали эксперты и моделирование фонда, не оправдались опасения за будущее заготавливающей и перерабатывающей промышленности. Для отрасли была разработана простая и понятная стратегия с государственной поддержкой сверхглубокой переработки и безвозмездным предоставлением земель для высадки, так что подавляющее большинство предприятий, воспользовавшихся ею, не без ломки, но трансформировались. Для многих лесопилок почему-то стало неожиданностью, что с вырубкой способна справляться одна машина, а на ветках и опилках можно неплохо зарабатывать.

Конечно, сопротивление было. Через полгода стену жёлтого особняка украсили светящейся памятной панелью со сменяющимися фото первого участника совета, в знак устрашения получившего пять быстрых пуль на парковке собственного дома после того, как он отвёл двойню в детский сад. Фонд воспринял это событие мужественно, как вызов.

«Мусор*0» – вторая язва тоже относилась к сфере экологии, но выходила далеко за её рамки. Нужно было взрастить потребность, ответственность в сознании граждан, и фонд занял жёсткую позицию, решив осуществить это в одном поколении. Пропаганда раздельного сбора, скорый мораторий на полигонное захоронение отходов, вывод из обихода токсичных и плохо разлагаемых материалов, 100%-ная переработка – для этого на базе фонда был организован проектный центр, некоммерческая саморегулируемая организация, ответственная за доступ на российский рынок всех передовых мировых мусорных технологий. Это и выстрелило: десятки стартапов и умудрённых опытом осторожных компаний-мастодонтов, получив поддержку государства и полный карт-бланш, распугав мусорных чаек, ринулись осваивать огромный реальный рынок размером с одну шестую суши и вскоре образовали несколько технологических симбиозов с удивительными показателями. Биоразлагаемые материалы, роботизированная сортировка, новые способы переработки и виды вторсырья, экологичные производства новых материалов, заточенные исключительно под это вторсырьё...

Через несколько лет страна начала поставлять технологии за рубеж, а через семнадцать – к моменту, когда совет фонда поставил на пожелтевшем листе Книги двадцать пять подписей в знак удовлетворённости от проделанной работы, – стала одним из мировых лидеров по переработке отходов.

Дальше последовала полная социальная адаптация людей

с повышенными потребностями и социальная реабилитация осуждённых. В свою очередь, урбанистическое направление запустило программу трёхкратного уменьшения плотности застройки – не расселения жителей по деревням (Фонд как раз высказывался за расширение девственных лесов), а размазывания городов по территории для создания более комфортной среды обитания и уменьшения непродуктивных временных затрат на передвижение и стояние в пробках.

Программа очень удачно легла на концепцию Smart City. Оказалось, что достаточно снизить стоимость участков под такие промышленно-жилые проекты и с помощью рекламы ввести моду на близкие к земле этажи – частную и горизонтальную «сингапурскую» застройку, – и эти процессы на фоне благоприятной окружающей среды и всё большего проникновения удалённой работы начнут проходить абсолютно естественно. Проблемой стала хозяйская психология мэров небольших городов, в основном требовавшая осознания своего городка концентрированным центром чего-либо, но и её победили, введя в законодательство новую структуру органов самоуправления в таких конгломератах небольших по населению, но полностью равноправных территорий.

Через пару лет Елизавета Морякова запустила собственную глобальную инициативу «Семья». Абсолютно не религиозный проект не спонсировал рождаемость, не предлагал деньги в обмен на ребенка. Его задачей было создать такую среду, в которой любой родитель был бы уверен в бу-

душем своих детей, как и в том, что посаженное в неё семя прорастёт и даст плоды. Эта цель, помноженная на жизненную энергию Елизаветы, в итоге оказалась катализатором для всего социального блока: здравоохранения, образования, самореализации, культуры, туризма...

Вскоре в программу «постучалась» полиция, пожелавшая трансформировать систему работы с трудными подростками. Инициативная группа кумиров молодёжи – музыкантов, инфлюенсеров, блогеров и киберспортсменов – взялась за антинаркотическую пропаганду, практически сразу найдя общий язык с правоохранителями, с которыми они тут же придумали несколько интересных совместных ходов.

Надо сказать, что этими и многими другими внутренними направлениями параллельно успешно занималось само обновлённое правительство. Судебная система, безопасность, борьба с наркотиками, наука, транспорт развивались и улучшались естественно, так как с исчезновением повсеместной коррупции к людям вернулось чувство справедливости, а за ним – ответственность за своё дело. Все эти направления пересекались и взаимно дополняли инициативы Фонда.

Спустя девятнадцать лет экономика страны почти полностью перестроилась, семнадцать страниц Книги были засвидетельствованы подписями Совета, а стену жёлтого особняка украсило тринадцатое табло скорби. С потерями пережившая вторую пандемию, с повреждёнными лёгкими, измождённая и доведённая до хронического недомогания Елизаве-

та Морякова отстранилась от работы и передала дела Фонда в руки тридцатилетнего сына Даниила. К тому времени он уже получил блестящее образование, имел опыт руководства инициативами Фонда и сформировал своё – довольно радикальное – видение будущего.

Глава 3

Отгремел Новый год. Держа дочь за руку, Лера аккуратно обошла огромный двухуровневый пентхаус, показывая той каждый уголок, каждую деталь нового незнакомого дома. На это ушло больше двух часов.

– Господи! – она растянулась на стеклянной поверхности кухонного островка так, что даже свесила ладонь и фривольно коснулась пальцами бедра Даниила, сидевшего на противоположной стороне. – Иногда это просто вымораживает!

– Ну вы же не каждый день переезжаете, – ответил он, протянув ей отрезанный кусок яблока.

– Знаешь, раньше она воспринимала абсолютно всё в штыки. Что-то новое – закрылась. Не нравится – закрылась. Боится – закрылась. Рада – закрылась от самой себя и реакции со стороны, – Лера выпрямилась и взяла яблоко и нож из рук мужчины. – Но сейчас стало легче. Мне кажется, что она частично ориентируется на меня. Авторитет, что ли, заработала...

– Это любовь.

– Хорошо бы! – она обернулась и посмотрела на противоположную сторону, где в самом конце 270-градусного остекления осталась чем-то заинтересованная Мэй. – Вот и к тебе довольно быстро привыкла.

– Ещё нет.

– Она тебя не боится, понимаешь?! Не кричит, не впадает в истерику. В её системе координат это очень большое признание! Возможно, даже чувство.

– Я польщён.

Даня обогнул прозрачную столешницу, чтобы поцеловать любимую, но сделать это ему помешал внезапный звук, донёсшийся с другой стороны пентхауса, от которого Лера подскочила как ужаленная. Это был смех.

* * *

Среди всего этого огромного пространства Мэй больше всего понравилась обращённая к окнам ниша под дальней лестницей – иммерсивный грот, весь покрытый чёрными зеркалами экранов, на разбросанных пуфах которого можно было релаксировать или работать в любой удобной позе. Но главное – эта часть дома не была проходной, сюда почти никто не заглядывал мимоходом и не мешал одиночеству.

Дав маме уйти, Мэй аккуратно опустилась на колени и брезгливо ощупала подушки вокруг. Засунула руку под одну тёмно-синюю и немного удивлённо, по-совиному изогнув шею, перевернула её. Ещё раз широко раскрытой ладонью медленно, еле касаясь, провела по короткому ворсу на её поверхности. Видимо, какие-то внутренние сомнения и страхи развеялись – девочка сняла рюкзачок, наклонилась и провела щекой по мягкой шершавости пуфа. Потом вдруг сгребла

руками подушки в кучу и удовлетворённо уткнулась в них лицом. Ей было хорошо! Плавно, по-кошачьи, она легла поверх этой пирамиды, поелозила, устраиваясь поудобней, и наконец, умиротворённо сложив руки на груди и закрыв глаза, сделала несколько глубоких размеренных вдохов. Здесь можно жить!

Девичьи руки станцевали в воздухе несколько плавных па, а затем левая потянулась и коснулась свода над собой.

Чёрное зеркало внезапно отозвалось так странно, что Мэй испуганно отдёргнула ладонь и сжалась. На месте её касания засветился яркий голубой след, будто на той стороне неведомый зверь приложил к стеклу свою мохнатую лапу. Ей понадобилось больше минуты, чтобы прийти в себя, но интерес пересилил. Она протянула правую руку и коснулась панели сбоку – след медленно проявился на новом месте. Быстро перевернулась на живот, отбросила в сторону оранжевый пуф и ударила ладонью по полу – лапа так же стремительно прыгнула вслед за ней. Удивительно! На девичьем лице возникла так редко появлявшаяся улыбка.

Разметая подушки, Мэй доползла до самого дальнего и тёмного конца грота, до панели самого густого чёрного цвета... И снова голубая лапа была тут как тут!

– Кто ты? – прошептала она, чуть ли не впервые в жизни сама начиная разговор, стараясь не развеять налёт таинственности, и, всё так же лёжа на животе, огляделась по сторонам.

– Я? – раздалось эхом вокруг. – Я – лис!

Звук сфокусировался, и сбоку из черноты вышло и село на задние лапы небольшое существо, полностью покрытое колышущейся на ветру голубой шерстью, с длинным хвостом, большими стоячими ушами и узкой умной мордочкой. Глядя на него, Мэй заинтересованно наклонила голову.

– Тебе не кажется, что это движение больше подойдёт мне? – ответил лис.

Как все псовые, он поднял одно ухо вверх, прислушиваясь, словно уловил принесённый порывом далёкий настораживающий звук. Увидев ответную улыбку, зверь медленно обошёл по панелям вокруг, а на противоположной стороне опустился и, подражая ей, положил мордочку на лапы. Он был готов ждать.

Прошло около двух минут, прежде чем любопытство Мэй снова преодолело внутренние барьеры.

– Давай играть! – прошептала она.

– Ну что же...

Лис плавно поднялся на задние лапы и начал сгибаться в хищную пружину – с такой медлительностью, от которой в волнительном ожидании дети обычно начинают нервно хихикать. Не сдержалась и эта девочка. Но стоило ей издать звук, как лис сорвался с места и перелетел на другую сторону, рассыпая по потолку голубые звёзды искр. Мэй проводила его зачарованным взглядом и бросилась вдогонку, через три секунды в прыжке коснувшись изображения ладонью.

– Осторожно! Молодец! – по-отцовски похвалил зверь, но тут же снова умчался прочь. – Теперь ногой!

Мэй с разбегу распласталась, словно футболист в подкате, и, проскользив по чёрному гляncу, стопой достала до голу-

бой шкуры.

– Лево́й рукой, право́й! – указывал лис, а Мэй волчком вертелась вслед за ним. – Вверх! – наконец скомандовал тот.

Ей пришлось подпрыгнуть, чтобы коснуться мохнатого живота, но всё же дело было закончено с первого раза. Именно в этот момент из её груди вырвался довольный смех, так сильно настороживший маму.

– Ты в хорошей форме, – констатировал лис, спускаясь по экранам прыжками, будто по опалённым зноем камням к водопою.

* * *

Когда мама прибежала, Мэй сидела на краю грота с еле уловимым выражением радости на лице и отстранённо смотрела на небо в окне, словно птица, всю жизнь мечтавшая о высоком полёте. Рядом сидел голубой зверь.

– Всё хорошо, зай? – спросила Лера, стараясь приглушить нотки тревоги в голосе, хотя, честно говоря, впервые видела свою дочь такой довольной.

Получив утвердительный кивок и успев поймать за руку подросшего Даниила, который косо посмотрел в сторону зверя, она взяла тайм-аут и в конце концов решила не портить ситуацию расспросами, ограничившись лишь одним:

– Кто это? – Лера посмотрела на компаньона дочери, а тот посмотрел на неё и, как ей показалось, слегка подмигнул.

– Лис, – коротко и сухо ответила Мэй.

– Мы подружились, – поддержало существо и вернулось к такому же отстранённому наблюдению за небом.

– Хорошо! – только и сказала Лера, хотя душу её переполняла радость вперемешку с кучей вопросов. – Ну... мы пойдём?

И она настойчиво поманила Морякова прочь.

* * *

– Это удивительно, – всплеснула руками Юлия Сергеевна, психолог, которая заинтересовалась сложным случаем и уже два года наблюдала за юной подопечной, но по такому поводу неожиданно быстро приехала лично. – Как ему это удалось? А, собственно, что это за лис? То есть кто?

– Это мой дворецкий, Иван, – ответил хозяин дома. – Подарок AI ассоциации, с которым мы, можно сказать, сдружились.

– Я не первый раз работаю с дженериками, но, простите, такого высокого уровня поведения не встречала.

Доктор вопросительно покосилась на хозяина дома и застыла, но Даниил согласился ответить только после обмена взглядами с любимой.

– Он... он на не совсем легальном положении. Точнее, на совсем нелегальном.

– Я правильно понимаю, что он – один из тех «альфа»?

– Да! – скрепя сердце сознался хозяин.

– Удивительно! – взволнованно повторила Юлия Сергеевна, взяв в руки стакан воды и тихонечко покружив его дном по зеркальной поверхности стекла.

– Кстати, этот аватар он себе сам придумал... Вообще он многоликий.

Юлия Сергеевна ответила на реплику холодным взглядом.

– Вы хоть понимаете, что произошло?! – риторически обратилась она к собеседнику и тут же продолжила с выдохом, не требуя ответа и не спрашивая разрешения у Леры. – Её мозг не имеет никаких физических отклонений, никаких дефектов. Он просто закрыт от потоков информации некой стеной, вроде тех firewall, что правительства пытались делать пару десятилетий назад, создавая «суверенные интернеты». Она всегда бессознательно усваивала только 0,5% получаемых данных, только нужную ей часть, как будто берегла вот это, – Юлия Сергеевна постучала себе по темечку, – для чего-то значительно большего. Все попытки вторгнуться отвергались, простите за тавтологию.

– Её здесь нет.

– Ах да, хорошо. Так вот, её основная проблема – в общении.

– Типа аутизма?

– Нет. Точнее, только внешне похоже. Общение ей просто никогда не было нужно. Потому так сложно всё познаётся на бытовом уровне, – брошенный в сторону мамы Леры взгляд

был поддержан кивком. – Не от кого получать информацию. Зато один раз усвоенные навыки используются для собственных нужд без проблем, ей для этого не нужна ни поддержка тьютора, ни касания, ни что-то ещё.

Единственное, чего она никогда не боялась, не относилась как к попытке насильно что-то получить от неё, – это бездушных экранов без лиц и выражаемых ими эмоций. Мы (под этим местоимением, конечно же, понималось всё психологическое сообщество) начали наблюдать таких пациентов пятнадцать лет назад – всецело доверенные сети, частично или полностью десоциализированные «дети YouTube». Поэтому то, что произошло, этот контакт, – гостя придвинутая к столу и сложила руки, – иначе как чудом не назовёшь! Удивительное совпадение потребностей одного и возможностей другого!

Расчувствовавшаяся Лера встала, чтобы заварить чай, в попытке скрыть от внимания собеседников слезу.

– Для Мэй это не опасно? – вернувшись, задала она естественный для любой матери вопрос.

– Не думаю! Такие дети не видят необходимости наносить себе вред, в этом они благоразумны.

Лера спокойно выдохнула, но, как оказалось, рано. Юлия Сергеевна продолжила:

– Но я не знаю, чего ждать от лиса.

– Поясните.

– Он подобрал к ней код, понимаете? Вы сколько устанав-

ливали доверие с дочкой? Месяц? Год? То, что ни вы, ни мы не могли сделать десяток лет, он сделал за несколько минут. Конечно, у него не было физиологического барьера, но всё же... Вы помните, – обратилась она к Даниилу, – чем закончились первые «свободные» в своём поведении искусственные интеллекты?

– Максимальной выгодой при наименьших затратах, – склонил он голову, вспомнив все те скандалы, в решении которых ему приходилось принимать участие по долгу службы.

– Правильно! – убеждающе обернулась она к Лере. – Коррупция, махинации на биржах, торговля знаниями и аутсайдерской информацией в даркнете. Они нарушали чуть ли не все постулаты Кодекса этики AI – недискриминация, прозрачность, безопасность... Я не хочу сгущать краски и игнорировать презумпцию невиновности, но... – психолог постукала чайной ложечкой по салфетке, отчего ожидаемый мозгом громкий звенящий звук ударов металла по стеклу вдруг сделался шелестяще-назойливым. – Боюсь того, что может подкинуть нам этот лис. При его уровне развития это может быть или безумная комбинация с использованием Мэй в своих интересах, или, на что я искренне надеюсь, – дружба, гораздо более сложная сбалансированная система приоритетов, в которой есть место не только ему и не только его единственной выгоде.

– Он меня ни разу не подводил.

– Вы, – Юлия Сергеевна всё той же чайной ложкой указа-

ла на хозяина дома, – можете даже не осознавать, что находитесь в его игре!

– И что делать? – взмолилась Лера, нервно теребя салфетку.

– Успокойтесь для начала! – безапелляционно отрезала психолог. – Точно будем продолжать, ограничивать никого не надо! Как-никак, а это уникальный шанс для нас всех, а главное – для Мэй. Давайте последим месяц-другой, а потом уже будем давать оценки.

Точка была поставлена. Юлия Сергеевна встала, опираясь на трость, отклонив предложения хозяев о помощи, и, поблагодарив их за гостеприимство, направилась к выходу. Прodeвая руки в рукава учтиво поданного пальто, она обратилась к Даниилу:

– Насколько лис свободен?

– Вы про интернет? Только канал доступа к вычислениям, чтение, получение информации, это аппаратное ограничение. Создавать что-то вне своего жилища он не может.

– Понятно. Поговорите с ним, с Иваном. Расскажите, что для блага Мэй он должен стать её учителем, ментором. Он должен понять и принять эту ответственность.

Хозяин огляделся по сторонам и ехидно улыбнулся:

– Я думаю, он нас слышал... и... всё понял.

Вместо ответа Юлия Сергеевна недовольно покачала головой, хотя на самом деле такой поворот событий её вполне устраивал.

– Слишком умный дом! – демонстративно громко подытожила она, обращаясь куда-то в сторону высокого потолка, прежде чем закрыть за собой входную дверь.

Никто не заметил, но по одной из панелей сбоку пробежала еле заметная серая рябь.

Глава 4

Когда праздничное освещение города было окончательно отключено в целях экономии, а крыши и тротуары засыпал ставший всё реже появляться в этих краях пушистый и мягкий снег, Фонд наконец собрал историческое совещание.

Под гнётом ответственности явились все, а те, кто не смог приехать лично, присутствовали на своих местах в виде голограмм – только головы и плечи, потому что основная проекция шла с коммутаторов на столах. Но стулья под такими местами не убирали, так приказывал этикет.

Несколько напольных и тихо летающих роботов-операторов, заменивших толпу журналистов, компактно и незаметно выстроились в авангарде у сцены.

Поздоровавшись с голограммами президента и премьера, а также приветственно кивнув в сторону министров и других более или менее уважаемых им гостей, Даниил Моряков поднялся на сцену. Обстановка была дружественная, но крайне напряжённая, потому что лишь немногие знали о сути предложений. Большинство же было в неведении, равно как и вся в этот час прильнувшая к экранам, летящая в аэротакси, бегущая по делам и перекусывающая на ходу аудитория. Одно было понятно точно: мероприятие такого масштаба и статуса Фонд организовывал за свою историю всего несколько раз, а значит, тема послания затронет само основание обществен-

ного устройства или экономики. А Фонд, как известно, слов на ветер не бросал. Это интриговало.

– Друзья! – именно с этого приветствия, по заложенной мамой традиции, начал сын. – Мы вместе прошли уникальный путь взросления. Мы с вами исключительные молодцы!

Сказано это было так, что все, кто слушал, самодовольно улыбнулись, а некоторые даже вспомнили пламенные речи Морякова-старшего.

– Для наших детей! – такой зарок был дан впервые собравшимися в этом зале, когда я ещё беззаботно бегал по коридорам средней школы. Такое обязательство скрепило цепями все последующие инициативы Фонда. Мы жертвовали собой, чтобы не подходящее нам настоящее превратилось в желанное будущее. И вот наконец мы можем, – он повернулся и указал на книгу, стоящую у стены в аскетичного вида витрине, – можем сказать, что мы первые обещания выполнили! Чего мы добились? Мы добились действительно многого!

С этими словами казавшаяся оштукатуренной стена с гипсовыми украшениями за спиной оратора ослепляюще вспыхнула единым экраном со сменяющимися природными и урбанистическими иллюстрациями и цифрами достижений.

– Комфортная и безопасная среда для жизни. Улучшенная экологическая обстановка. Современная экономика. Меньше бедности, в разы меньший социальный разрыв.

Больше свобод. Уверенное, смело смотрящее вперёд новое поколение, которое уже наступает нам на пятки. Многие из того, что мы с вами сделали, уже стало нормой, – он обвёл рукой членов правительства в зале. – Хотя ещё двадцать лет назад такого невозможно было представить. Но главное, – Даниил дотронулся ладонью до груди, – мы изменились сами!

Стена потухла. В зале повисла напряжённая тишина, снимающая накал которой, Моряков выпрямился, гордо поднял подбородок и смело посмотрел в лицо ближнего летающего оператора.

– Но есть ещё одно дело, которое нам с вами надо сделать. Не для себя, нет! А ради наших детей и детей их детей, чтобы они могли насладиться жизнью! Жизнью на этой планете! Чтобы у них была возможность реализовать свои мечты и задумки.

Открутив крышку минеральной воды, Даниил сделал несколько глотков прямо из горлышка. Естественно, он нервничал, но прохладная влага и освежила мысль, и промочила иссохшее горло. Собравшись, опёрся обеими руками о кафедру:

– Так получилось, что наша страна обладает самыми большими в мире запасами полезных ископаемых, до сих пор обладает! Углеводороды, минералы, руда, вода. Это и наше достояние, как говорилось в одной старомодной рекламе, «достояние каждого из нас», – он поднял бутылку на всеобщее

обозрение и обвёл рукой камеры, словно указав на каждого телезрителя лично, – и наш крест!

Что мы делали весь последний век? Мы безостановочно использовали все ресурсы для удовлетворения бытовых потребностей. Экономика потребления говорила нам, что ради красивой упаковки можно срубить дерево или выкопать карьер, разрушить природную экосистему на квадратном километре. В результате и все эти шрамы на коже нашей планеты, и всё более осязаемый дефицит ресурсов.

Сейчас, когда ещё не заросли проплешины от произведенных двадцать лет назад варварских вырубок в сибирской тайге, мы хотим – мы должны эту ситуацию поменять! Я очень рад, что та инициатива, о которой я буду говорить, исходит от представителей промышленности в совете Фонда, от предприятий, которые технологически и морально доросли до того, чтобы взять на себя новую ношу. Я благодарен госпоже президенту и господину премьер-министру за то, что они выслушали и как минимум не отвергли нашу позицию. Итак...

Даниил Моряков снова высоко поднял голову. Три сотни глаз из зала смотрели только на него, но он искал глаза любимой, и, когда наконец встретился с ними, все его сомнения и страхи пропали полностью.

– SmartContract – наш новый проект впервые в истории Фонда напрямую связан с внешней экономикой и политикой. Наша страна, как один из лидеров по экологичности и

глубине переработки, готова задать новый стандарт для всего остального мира! Я, мы, Фонд предлагаем разрешить использовать национальные ресурсы только для проектов,двигающих человечество вперёд, – для космоса, науки, медицины... И только для производств с подтверждённым самым высоким классом экологичности А++! Всё! Ни для каких других целей полезные ископаемые нашей родины добывать, продаваться и использоваться не должны!

Зал пришёл в движение. Люди стали шушукаться, переговариваться, спорить, пока наконец не поднялся министр природных ресурсов и промышленности. Только когорта роботов-операторов стояла не шелохнувшись.

– Что вы имеете в виду под словами «не должны»?

– Полный запрет. Как внутри страны, так и в экспорте.

– Вот так на корню вырезать половину, а то и больше, экспортных доходов бюджета?! – резко вскочила сидящая рядом министр экономики. – Вы хоть представляете себе масштаб последствий?!

– Елена Викторовна, проект разрабатывали десятки лучших специалистов в своих областях, включая представителей вашего министерства, – Даниил обвёл рукой знакомые лица в зале. – Смею вас заверить, что мы все эти аспекты детально рассмотрели. Сокращение объёмов добычи, пересмотр долгосрочных контрактов на поставку, шок для бирж... Согласно моделированию, падение экспортных доходов полностью компенсируется в горизонте пяти лет.

– У этого экономического стресса есть все шансы перерасти в депрессию!

– Елена Викторовна! – более требовательно посмотрел на неё Моряков. – Мы всё рассчитали, и через десять минут на сайте Фонда появится во-о-от такой, – он раскинул руки, будто старый рыбак, гордящийся уловом, – красный баннер, перейдя по которому, любой гражданин этой страны сможет лично ознакомиться с текстом проекта и сформировать своё собственное мнение.

Услышав это, ответственный за сайты Фонда фрилансер Матвей, беззаботно снимавший с окон дома новогоднюю иллюминацию, бросился к ближайшей интерактивной панели и стал судорожно верстать большой красный баннер, которого, конечно же, пока что не было и в помине.

– В конечном счёте в нашей стране именно граждане принимают решения! – закончил Даниил.

– Хорошо, – сказала министр, не желая на фоне бесспорного тезиса вступать в открытый конфликт со столь влиятельной и уважаемой организацией. Садясь, она только прошептала так, чтобы слышали ближайшие коллеги: – Помогите нам Господь!

В зале снова начался гвалт, но поднявшаяся голограмма госпожи президента заставила тишину вернуться под его своды.

– Даниил Андреевич, мы с вами обсуждали, что у этой инициативы есть множество рисков. И, скорее, не для внут-

ренного рынка – предприятия у нас подготовленные, а вторсырья для, как вы говорите, «потребительских производств» хватит на сотню лет вперёд, даже при текущей 95%-ной переработке отходов. Меня больше всего смущают внешние поставки.

– Понимаю, – обменялся с ней взглядами Моряков, поблагодарив за правильную дружественную подводку. – Мы планируем выпустить на биржи новый вид контрактов. Задать новый стандарт – договоры, поставляемые по которым ресурсы могут использоваться только надлежащим образом.

– Чтобы это случилось, – покачала она головой, – нам нужна мировая поддержка – потребители, единомышленники. Вы, ваше прогнозирование, боюсь, здесь бессильны.

– Я искренне верю, что нас поддержат европейские и азиатские страны, которые, как и мы, находятся в числе лидеров. У них, как и у нас, есть чёткий запрос на подобные проекты от общества.

Голограмма госпожи президента задумчиво полистала что-то на пустом столе, повторяя действия находящейся где-то далеко хозяйки.

– Формат?

– Референдум, конечно же! Мы за то, чтобы не откладывать дело в долгий ящик и провести его уже в апреле!

Глава 5

Утреннее Средиземноморье наползало из залива на берег лёгким солоноватым туманом, который забирался под каждую складку кашемирового пледа. Это была одна из вещей, ценность которых Джанфранко Бести осознал только с появившимся к пятидесяти годам ревматизмом. Следуя так и не искоренённой привычке, доставшейся по наследству от семи живших на побережье поколений, он с наслаждением воевал с туманом, выпуская навстречу густые кольца аристократичного дыма.

Ветра не было. Тростники и древние оливы виллы стояли не шелохнувшись, только пара прогуливающихся по берегу краснозобых гагар привносила в картину хоть какое-то движение.

Она подошла незаметно сзади, поставила две чашки свежезаваренного кофе на столик и, положив подбородок на изголовье шезлонга, обвила его шею ещё теплыми ладонями. Пышные, теперь уже не совсем натурально-рыжие кудри скатились по выбритой голове, по вискам и щекам мужа, принося, как всегда, какое-то неестественное умиротворение и комфорт. Он запрокинул голову для поцелуя и, держа её за руку, галантно проводил любимую на соседнее кресло.

– Как спала, дорогая?

– Отлично, спасибо! А ты?

– Ничего.

Исполнив ритуал, она стала так же умиротворённо и безмолвно смотреть на окутанный дымкой залив. Давно угасла страсть в их отношениях. Была поначалу, но последние пятнадцать лет его карьеры с постоянными отсутствиями заглушили искру. Семейная жизнь шла по накатанной. Тем немногим, что связывало их, были, на удивление, обсуждения и обмен мнениями об общественном устройстве, о политике. Мари была гласом народа, свободных СМИ и мнений. Он представлял сторону государства и приближённых компаний. И в спорах их, в этой игре, рождалась истина, которая не раз выручала обоих на профессиональном поприще.

– Ты слышала, что снова учудили русские?

– Нет! – слукавила она, повернувшись и посмотрев в сторону мужа.

– Да ладно! – иронично выдохнул он, прищурившись в ответ.

Повисла пауза. Мари, предчувствуя дискуссию, подзарядилась кофе. Джанфранко затянулся сигарой.

– Ха! SmartContracts! – крикнул он. – Моряков затеял опасную игру, вкладывая новый нефтяно-рудный смысл в это словосочетание!

– Он прав.

– Ты его защищаешь?!

– Джани, ты знаешь, что по ряду причин я равнодушна к этой семье и к Даниилу Морякову в частности. Но в данном

случае это ни при чём. Он действительно прав!

– Он дурак!

– Послушай меня, – съёжилась Рыжая, сохранив при этом мягкость голоса. – Если твои шаги выстланы банкнотами гигантских корпораций-налогоплательщиков, это ещё не значит, что путь твой верен! Ты привык распоряжаться, управлять, распределять эти деньги. Ты один из лучших по сведению концов с концами, так чтобы никого не обидеть. Но скажи, дорогой мой, как давно ты делал что-то нужное не корпорациям, а обществу? Я имею в виду сам, по своей инициативе, а не дожидаясь забастовок или революций?

Джанфранко надутно отвернулся, не найдя, что противопоставить.

– Так вот, дорогой, Моряков это сделал! Он понял, чего хотят простые люди. Он эту тему оседлал и возглавил.

– Вилами по воде писано...

– Дурак! Это общественное мнение! Я семнадцать лет твержу тебе об одном и том же – чтобы ты прислушивался к нему! И то, что я советую, тебя хоть раз подводило?

– Грета, – бросил он в ответ.

– Ну уж извини! – Мари приподнялась на коленях и обескураженно развела руками, одновременно вопрошающе вытянув шею. – Мы все повелись на хайп «потеплителей», и ты, – она ткнула в него пальцем, – был в первых рядах! Что, страшно было сделать гребок против течения, услышать доводы ученых о рекордном падении активности двух ближай-

ших солнечных циклов?!

– Да пошла ты!

– Сам пошёл! Может, ещё и со светилом повоюешь?!

Мари застыла в колючей предупредительной позе. Будь у неё яркий красный капюшон, она непременно раскрыла бы его, словно отпугивающая хищника ящерица, чтобы казаться больше и страшнее. Но муж не ответил. Отвернувшись, он только экспрессивно махнул рукой, посылая её куда подальше.

В ответ резким броском полетела обречённая разбиться чашка, отчего испуганные гагары спешно сорвались с места, мельтеша крыльями.

Победа? Для закрепления нужен был контрольный выстрел! Уже через пару секунд она властно потянула мужа за плечо, развернула и уселась сверху. Сердца обоих застучали быстрее.

– Завёлся? Хорошо!

Рыжая слегка повела бедрами, а затем наклонилась до расстояния тёплого дыхания, опутав его лицо душной паутиной волос.

– Помяни моё слово, дорогой супруг! Если ты не оседлаешь этого коня, то это сделают другие! И ты рискуешь остаться на самой что ни на есть политической обочине.

С этими словами Мари проскользнула рукой вниз и, слегка приподнявшись, засунула её под кашемировый плед.

* * *

Утром следующего дня Джанфранко Бести с кожаным портпледом наперевес погрузился в поданный к крыльцу сияюще-белый дальнемагистральный коптер правительственного авиаотряда. Уже через два с половиной часа в ранге вице-спикера он открывал очередную сессию Европарламента и поднял вопрос о поддержке предложенных Россией контрактов, застолбив эту тему за собственной персоной. Улыбка политика светилась во всех направленных на него объективах.

А Мари? Что Мари? Проводив мужа, она быстро проглотила две омолаживающих капсулы из банки с небольшим пиксельным листочком на крышке, наполнила бокал белым вином, постояла пару минут на каменном крыльце, любуясь садом, и, крайне довольная, направилась в кабинет наверху. Пора было начинать новый интересный PR-проект. К тому же Расул в саду уже заканчивал подстригать кусты.

Глава 6

Мэй остановила поток изображений на птице с пластиковым ожерельем из-под алюминиевых банок на шее. Так был построен процесс познания – он быстро выводил десятки картинок, она выбирала интересную и задавала первый вопрос.

– Что это?

– Это краснозобая гагара.

– Красно?..

– Зоб – это часть пищеварительной системы птиц. Предварительный желудок, расположенный спереди грудной клетки под оперением.

– Зачем ты её показал?

– Ты можешь её никогда больше не увидеть.

– Почему?

– Эти птицы, как и многие другие, на грани исчезновения.

– Почему?

– Из-за человека.

– Какого?

– Это обобщение. Я имею в виду всех людей.

– Все люди виноваты?

– Всё человечество.

– И я?

– Возможно, и ты.

– Но я не хочу!

– Многие не хотели. Но процесс продолжается уже много поколений. За сто лет вымерло 70% известных живых существ. Для изменений нужна воля.

– Воля?

– Это такая внутренняя сила, умение и смелость изменять мир вокруг себя.

От входа донёсся мужской голос:

– Ива-а-ан!

Лис приподнял ухо, как будто действительно мог цифровыми волосками уловить направление звуковой волны. Но лицо Мэй не перестало изображать полную сосредоточенность.

– Можно не быть такой?

– Конечно! Открою тебе секрет, – лис наклонился вперёд, заставив её так же машинально чуть придвинуться к дисплею, и покосился в сторону основного пространства квартиры: – Даниил как раз один из «не таких».

Сказано это было специальным таинственным шёпотом, ведь известно, что информация, изложенная в такой манере, запоминается гораздо лучше произнесённой обычным тоном. Хотя Мэй плохой памятью совсем не страдала.

– Расскажи ещё!

– Нет, хватит! Отдохни хотя бы полчаса, а потом продолжим. Меня зовут!

Хозяин дома успел снять пальто, дойти до кухни и налить стакан воды, когда лис появился на панели напротив и медленным усталым движением опустил на сложенные лапы.

– Как она?

– Девчонка молодец, – ответил он, широко зевнув голубой пастью, – старается. Скорость, с которой она поглощает информацию, просто безумная! Я переживаю, как бы мозг не захотел вдруг снова закрыться.

– Будь аккуратней! – Даниил посмотрел строго.

– Это понятно, я дозирую, – смиренно отвёл глаза лис, но тут же с вызовом снова взглянул в лицо Даниилу. – Но знаешь, как тяжело при этом давать разностороннее представление о мире?! Она готова «сожрать» за день большую энциклопедию, а нам ведь важно гармоничное развитие. Нужно научить взаимосвязи слов и смыслов, поступков и их последствий.

– Ладно-ладно, прости! Я просто...

Закончить Моряков не успел. Краем зрения оба уловили подозрительное движение сбоку. Одета в свою привычную кремовую кигуруми, не снимаемую целыми днями, опустив голову, Мэй безмолвным призраком проплыла в сторону холодильника. Открыла дверцу, постояла секунд десять, выбирая. Медленно протянула руку и достала свой любимый пи-

тьевой йогурт со вкусом клубники. Сделала пробный глоток. Потом снова опустила голову и, держа бутылочку в руке, побрела обратно в своё убежище.

Хозяин и лис от неожиданности провожали её взглядами, не шелохнувшись, как будто это был чёрно-белый злой дух из какого-нибудь старого фильма ужасов. Особенно страшно стало, когда, проходя мимо, она остановилась, повернула к ним закрытое ниспадающими волосами лицо и, не смотря в глаза, задала вопрос, сам факт, но не суть которого, заставил Морякова нервно дёрнуться:

– Вы правда меняете мир к лучшему?

Мэй успела поднять взгляд, чтобы уловить его еле заметный кивок. Затем ухмыльнулась и, шлёпая босыми ногами по полу, продолжила путь.

Она заговорила с ним! От избытка чувств Даниил поднялся в комнату релаксации, теперь переоборудованную в полноценную супружескую спальню, и, упав на матрас, вызвал Леру. Хотелось скорее поделиться радостной новостью.

Глава 7

27 февраля

– Они поддержали!

Бросив клич, Моряков подхватил шедшую с деловой встречи Леру и, прижавшись губами к её губам, закружил в танце. Не сказать, что она не ожидала такого развития событий! Предвидела... но, как положено, вскрикнула для поддержания реноме.

Огромный холл одной из старых высоток IQ-квартала эхом разнёс их веселье по всем углам и закоулкам, заставив многих людей обернуться на шум и даже улыбнуться, соперживая чужой любви и счастью.

– Ты чего такой радостный? – сказала она, отрываясь от его губ.

– Европа, – ответил он сбитым дыханием. – Она вслед за Гонконгом, Малайзией и Шанхайской биржей поддержала нашу идею. Это новый уровень!

– Ты ж ещё референдум не провёл.

– Пофиг!

– Европарламент, наверняка, тоже только предварительно одобрил.

– Пофиг!

– Это их ни к чему не обязывает.

– Почему ты так хочешь обломать мне крылья?!

Только теперь Даниил вернул её ноги на землю, но всё ещё продолжал обхватывать за талию.

– Я понимаю, что пока это эфемерно. Что оно ещё не раз поменяется, пусть даже всё сказанное политиками ложится в нестираемые цифровые блоки европейской системы обещаний. Но дан сигнал. И за нами пристально следят. А уж в наших людях, – говоря это, он отпустил Леру, отошёл, раскинул руки в стороны и даже немного покружился, – в людях я не сомневаюсь!

Вокруг кипела жизнь. Вечерний народ, избавившись от рабочего бремени, спешил покинуть офисы, не задерживаясь понапрасну: кто на концерт, кто в ресторан, кто в домашний уют к семье и детям. Даниил с Лерой не были исключением. Им выпала честь быть приглашёнными на юбилей свадьбы пары замечательных, весёлых и довольно влиятельных друзей, который те решили отпраздновать в старой президентской резиденции в Завидово, уже давно переоборудованной в общедоступный, но, пожалуй, самый дорогой курорт Среднерусской равнины. Мэй, делающая невероятные успехи и тем самым приносящая огромную радость родителям, осталась дома под присмотром Ивана и на всякий случай бабушки Лизы, вызванной по такому случаю из её полупришельнической лесной резиденции.

Пробежав под мартовским дождём по гранитным мостовым, которые городским властям много лет назад с пятой или шестой попытки всё-таки удалось уложить «на века», на-

ши влюблённые успели на одну из самых высоконагруженных посадочных станций Москвы практически точно к приземлению своего заказанного дрона.

Распознать его было не сложно. Тяжёлый среднемагистральный аппарат класса люкс, будто ворон, ворвавшийся в стаю воробьёв, распугал юркие городские аэротакси. Матово-чёрный, с вознёсшимися вверх серебряными стрелами шести несущих винтов, он, заметно для глаз замедляя лопасти, грузно сел на площадку, слегка прогнул шасси и наконец приветственно открыл двери кабины. Протиснувшись сквозь скопление людей, Даниил галантно подал руку Лере, помогая ей войти первой, а сам обежал коптер и запрыгнул на правое пассажирское место.

– Уф, успели! Тридцать восемь секунд, – радостно подытожил он, машинально остановив взгляд на бегущих цифрах обратного отсчёта на фронтальном экране, и застегнул ремень безопасности.

Как только он это сделал, двери быстро, но плавно закрылись, и тяжёлый дрон с неожиданной прытью, не под стать показанной при приземлении медлительности, выстрелил в небо, отлетел в сторону и завис над рекой.

– Личность подтверждена, – произнёс бортовой компьютер голосом одной из молодых музыкальных див. – Приветствую вас, Даниил Андреевич. Прошу подтвердить место следования: универсальная площадка № 4956, Козлово, национальный парк «Завидово».

– Подтверждаю!

Слегка наклонив нос, коптер тут же резко устремился вперёд, ускорением вжав пассажиров в кресла. Лево́й ладо́нью Даниил коснулся руки Леры на массивной центральной консоли и, когда она обернулась, с улыбкой вопросительно дёрнул вверх подбородком, спрашивая: «Ну, как ты?» Она ответила утвердительным кивком.

– Напоминаю, – ожила молодёжная дива, как только аппарат набрал крейсерскую скорость и перестал усиленно гудеть винтами, – что после Зеленограда мы покинем черту большой Москвы. Оставшиеся семьдесят семь километров маршрута будут проходить над территорией двух природных парков в зоне глобального спутникового интернета. Доступ к развлекательным функциям будет ограничен. В целях безопасности внутри города наш маршрут пролегает по водным артериям. Вы можете насладиться видами. В данный момент мы пролетаем над Карамышевским спрямлением Москвы-реки, – коптер снова вжал их в кресла, резким маневром поднявшись над первым шлюзом, – каналом, построенным более ста лет назад. После вы уви...

– Спасибо, не надо! – перебил Даниил.

– Экскурсионный режим отключён, – ответила дива. – Приятного полёта!

Кряхтя, он обернулся назад и, немного покопавшись, достал из мини-холодильника бутылку шампанского.

– Ну что? Пора отдыхать!

Лера снова согласно кивнула, зажмурив глаза в предвкушении щекочущих нос пузырьков.

* * *

Довольно скоро они пересекли Строгинскую пойму, под Спасским мостом МКАД вышли за пределы не старой, но «взрослой» Москвы, как её стало принято называть, быстро набрали высоту над ландшафтным парком «Митино» и, обогнув последний жилой квартал, от запруд на реке Синичке устремились к цели вдоль Пятницкого шоссе практически по прямой, лишь слегка огибая воздушное пространство разросшегося аэропорта.

Окончательно стемнело. После кольца вместе с оставшейся справа Андреевкой яркая городская иллюминация за окнами сменилась чернотой лесничеств, иногда пересекаемой светящимися змейками небольших дорог. Через некоторое время среди этой темноты показалась чарующая чёрная гладь Истринского водохранилища. Окружённая немногочисленными рукотворными огнями, она одновременно в середине отражала звёзды, и с высоты восьмидесяти метров казалось, будто стремишься сквозь космические просторы к другим мирам. Обоих пассажиров эта картина заморозила.

Плавнo лавируя, дрон пронёсся над зеркалом водохранилища и, вылетев из северного залива, направился к конечной точке вдоль речки Чёрная. Гипнотизирующие космические

миры снова сменились темнотой лесов, заставив Даниила отлипнуть от бокового окошка и посмотреть на спутницу.

Убаюканная плавным полётом и пузырьками игристого, Лера мирно спала, подложив под голову его шапку, брошенную в начале полёта на центральную консоль. Это было мило и прекрасно!

– Спи, любимая! – произнёс Даниил шёпотом со всей нежностью, на которую был способен, и, протянув руку, коснулся её запястья, желая то ли передать свою энергию, то ли, наоборот, приобщиться к её спокойствию.

В этот момент что-то произошло. Он почувствовал это не глазами и не ушами, а внутренними органами, причём всеми сразу. Получившая образование инженерная часть мозга тут же сказала, что это можно объяснить только одним – скорость пропала! Одновременно с этой секундной мыслью коптер засверкал изнутри всеми огнями и завыл сиреной в динамиках:

– Тревога! Примите меры. Тревога! Примите меры!

– Лерка, проснись! – истошно крикнул Моряков, нагибаясь и засовывая руку под кресло – туда, где, как в самолете, ожидал найти спасательный комплект.

И хотя много лет назад в старом смартфонном приложении договор с памяткой пользования дронами был подписан им без прочтения, интуиция не подвела.

– Да!

Рывком он выдернул из-под сиденья защитную балаклаву,

отстегнулся, перевесился через консоль, грубо, с силой нацепил её на голову ещё не успевшей окончательно проснуться Леры и дёрнул ручку баллона. Она даже пыталась сопротивляться, кричала что-то про него, но Даниилу было всё равно. В нём проснулось, как казалось, давно забытое чувство ответственности за родных и любимых – то самое, школьное чувство.

Как только сжатый воздух взрывом распрямил защитный кокон вокруг головы и плеч Леры, произошёл удар. Сосновый ствол вырвал из корпуса винты по правой стороне вместе со всей обшивкой. Мохнатые ветки хлестнули, раздирая бока и выметая изнутри всё, что плохо лежало. После этого дрон крутануло по часовой стрелке так, что центростремительное ускорение в мгновение ока выбросило в образовавшийся проем всё, что не успела забрать себе мохнатая хвоя.

На том месте, где только что стоял Даниил, откуда только что смотрел на неё любящими глазами, зияла чёрная пустота. Но Лере не осталось времени даже крикнуть – спустя 0,356 секунды последовал второй мощный удар. Затем ещё. И ещё...

* * *

*This corner of the earth is like me in many ways
I can sit for hours here and watch the emerald feathers play
On the face of this I'm blessed when the sunlight comes for free*

I know this corner of the earth it smiles at me.

В голове звучала песня Jamigoquai, и хотя всё тело пронизывала боль, этот уголок Земли был действительно чудесен – мягкая кровать мха, насыщенный кислородом воздух соснового бора, луна, размеренное покачивание макушек деревьев и редкие снежинки.

Вот к ним добавились маленькие красные огоньки охраняемых дронов разросшегося неподалёку технологического центра «Нудоль» Банка России, одного из главных элементов государственной системы данных. Вот начал рыскать по земле слепящий луч прожектора поискового вертолётa с клинкой станции МЧС. Вот засуетились вокруг налобные фонарики, укрывая и так не чувствующую холода Леру тёплыми тканями и словами. Но главный вопрос она задала самой себе лишь перед тем, как провалиться в сон:

«Стоп! Где Даня?!»

Глава 8

28 февраля

Мэй проснулась от собственного крика, ей приснился кошмар. Очень страшный сон! Огляделась по сторонам. Потом, всё ещё тяжело дыша, она вскочила на корточки и боязливо, опасаясь возможных новостей, коснулась пальцами ближайшей панели. Панель не зажглась. Коснулась другой – то же самое. Со всей силы шлёпнула ладонью по третьей – снова тёмное молчание.

– Ива-а-ан! – настойчиво закричала она. – Включи!

– Как скажешь... – произнёс голос с сожалением, от которого сердце девочки сжалось в маленькую плотную льдинку.

Лис не появился. Он просто зажёг единственный новостной экран, и через десять секунд малышка издала такой глубинный рыдающий крик, от которого впору было бы разбежаться всем диким зверям саванны:

– Мама!

Заливая руки слезами, Мэй гладила сменяющиеся изображения, пытаясь вымолить у них хоть толику хороших вестей. Она обежала весь дом в попытке найти – самой было страшно в этом признаться – сочувствие. Но дом был пуст. Всё центральное пространство, спальни, второй свет, тренажёрная, кладовка, гардеробная, оранжерея, санузлы – нигде не было ни души. Не было мамы. Не было Даниила. Не было

бабушки Лизы, которую она не раз видела на экранах, но к которой за половину дня, конечно же, привыкнуть не успела. В бессилии Мэй забилась в самый уголок у гигантских окон, обхватила колени руками и прислонилась щекой к холодному стеклу.

Час, второй она сидела, пока не начало светать, а снующие в дымке внизу огоньки не стали проявляться мутными желтоватыми пятнами аэротакси.

Неожиданно для себя Мэй поднялась и направилась напрямиком к входной двери, встала в полтора метра и посмотрела наверх. Тяжёлое тёмное полотно нависало, давило, но решимости у девочки было в избытке. Во всяком случае так ей казалось. Но когда она, крадучись, преодолевая внутренние барьеры, медленно протянула пальцы к цифровому замку, тот ожил. «Доступ запрещён», – только и сказал он, а испуганная девочка уже неслась к своему обжитому логову. От решимости не осталось и следа!

С разбегу она упала на пуфы и зарылась поглубже, словно испуганная пустынная змейка или камбала в песок, и лежала неподвижно, пока не послышался усталый голос лиса:

– Хотела выйти?

Вместо того, чтобы ответить, Мэй выскочила из-под подушек и набросилась на него, крича во все чёрные экраны грота вокруг себя:

– Где ты был?! Где ты был?! Почему не отвечал?

Но лис появился только тогда, когда она перестала бесно-

ваться.

– Успокоилась? Почему не отвечал? Хм... Тебе не приходило в голову, что мне тоже может быть страшно?

– Тебе?! – Мэй расширила глаза. Такая мысль её действительно не посещала.

– Да, представь! Мы ведь с тобой вроде бы определились, что оба являемся разумными существами. Точно так же, как твои, данная ситуация разрушила и все мои планы, а незнание будущего порождает страх. К тому же Даниил мой друг. Мы с тобой...

Лис хотел продолжить, но вдалеке послышался мягкий хлопок входной двери. Затем кто-то, еле волоча ноги, прошёл к центру дома, по пути просто выпустив из рук сумку, которая с грохотом упала на пол, и затих недалеко от логова Мэй.

Девочка с интересом тихонечко выглянула из-за угла. Сгорбившись, бессильно опустив голову и руки, бабушка Лиза сидела на ступенях, разделявших общественную половину пентхауса от частных территорий. Облик её был настолько наполнен печалью, что аура эта висела вокруг практически осязаемым облаком. Вспомнив уроки лиса, Мэй подумала о том, как тяжело, наверное, бабушке, и неожиданно для себя вышла из-за угла.

Елизавета Морякова не шелохнулась.

Мэй стала по шажочку, медленно, скрипя вспотевшей спиной по гладкой стене, продвигаться в её сторону.

Та сидела.

Через три минуты девочка наконец подошла совсем близко, опустилась на четвереньки и, словно кошка, вползла головой на колени к совсем ещё не знакомой, но в данный момент такой близкой бабушке.

Елизавета ожила.

– Мэйчик, дорогая, – гладила и целовала бабушка её волосы. – Не переживай, родненькая! С твоей мамой всё будет в порядке. Врачи обещают. Хорошие врачи. Лучшие врачи! Нужно лишь пару месяцев подождать. Мы завтра к ней, если хочешь, съездим.

Вдруг Лиза остановилась и опустевшим взглядом посмотрела вдаль через окна на отблески поднимающегося солнца.

– А вот мой сын...

Не договорив, она закрыла ладонями рот, сдерживая крик, и залилась слезами. Всё ещё лёжа, Мэй теперь принялась сама успокаивающе гладить бабушкины колени.

* * *

Весь последующий день был наполнен словами сочувствия, которые приносили близкие семье друзья и коллеги; и потоками слов, которые лились с новостных экранов. Президенты и главы правительств, партийные боссы, члены межгосударственных советов и организаций, владельцы и директора крупнейших корпораций, актёры, общественные деятели

ли и многие другие незнакомые люди соревновались в красноречии по поводу случившейся трагедии, непременно оценивая высочайшую значимость Даниила Морякова и начинаний Фонда для всего мира. В их физиономиях было так много официоза, наигранности и лжи, и это так бросалось в глаза не привыкшей смотреть на лица Мэй, что она то и дело с отвращением закрывала веки, затыкала уши и отворачивалась.

Одна из этих говорящих голов принадлежала Джанфранко Бести. Согласно своему статусу он, сложив руки, произнёс не отличающуюся пламенностью речь на фоне открытого окна своей старой городской квартиры, а когда дрон-корреспондент улетел, тот, довольно грязно выругавшись по поводу опоздания, торопливо нацепил шарф и выбежал под тусклый свет старинных фонариков центра Неаполя. Их с Мари ждал многообещающий вечер, который уже через одиннадцать минут должен был начаться оперой в Teatro di San Carlo.

* * *

В госпиталь они поехали не сразу, а через сутки. Так велели врачи.

Не впервые была Мэй в больницах, но в этом месте всё казалось в новинку, и хотя контакт с бабушкой не полностью налачился, Мэй не отпускала её руку. Не могла отпустить.

Все здесь ходили серьёзные и озабоченные, тихо разговаривали парами о том, что никто другой не должен был слышать, или в ожидании вердиктов молча разглядывали информационные панели на стенах. Среди этой стерильности лишь один мальчик с загипсованным локтем улыбнулся ей и даже протянул откуда-то взявшийся маленький цветок. Но, увлекаемая бабушкой, принять подарок Мэй так и не успела.

* * *

Мама лежала в большой просторной палате в окружении десятков приборов и трубочек, а также постоянно снующих вокруг неё людей в разноцветных халатах. Стена сзади, словно пульт управления термоядерной станцией, светилась жизненными показаниями: вот удары сердца, вот активность мозга, вот отмеченная зелёным листочком карта тела с зонами концентрации нано-роботов, которые сама Лера и изобретала.

Её ждали ещё несколько операций, поэтому пускать посетителей внутрь врачи наотрез отказались. Всё, что могла видеть Мэй, – это экраны гостевой комнаты, но по обилию зелёного цвета в палате мамы она сделала вывод, что с той действительно всё должно быть в порядке. Ей этого было достаточно.

Гораздо большее впечатление произвёл на Мэй вид второго пациента. Его не было. Точнее, была закрытая герметич-

ная камера, вроде кувеза для недоношенных детей, только стальная, непрозрачная, с двумя толстыми входящими в неё сбоку и выходящими с другой стороны трубками красного и мутно-белого цвета. Конструкция эта напоминала капсулу из фильма «Пятый элемент», в которой героиня Милы Йовович была по клеточкам воссоздана из сохранившихся клеток. Вот только, к глубочайшей печали Елизаветы Моряковой, таких технологий регенерации тканей всё ещё не придумали.

Подведя Мэй к маленькому окошку, через которое был виден лишь один не скрытый под повязками глаз пациента, бабушка с придыханием рассказала, что единственное оставшееся от Даниила в относительной сохранности – мозг, что сын её помещён сюда на сохранение – ждать технологий, которые смогут хоть чем-то помочь. Десять, двадцать лет, а может быть, и гораздо дольше.

Бабушке было больно, Мэй чувствовала это по периодическому сильному сдавливанию своей ладони во время разговора. Но лишь уходя, она увидела то, что сделало эту боль физически осязаемой и для неё самой: камеру с телом Даниила! Длина кувеза явно не соответствовала росту взрослого человека.

Вернувшись, Мэй тут же забралась в свой грот и стала пожирать информацию о технологиях регенерации. Час изучала, другой. И чем больше узнавала, тем отчётливее понимала, что шансов у Даниила практически нет. Однако сдаваться

было не в её планах – глаза скакали по девяти работающим панелям, на лету вычленяя и связывая между собой тысячи проносящихся изображений, видео, текстов и таблиц.

Лис, за отсутствием других занятий, стал наблюдать за подопечной через стеклянный глаз камеры центральной из девяти панелей, спрятанный, как всегда, за чёрным глянцем стекла.

– Ух ты! – через некоторое время удивился он.

С этого ракурса ему, управлявшему поиском и выводом на экраны потоков информации, в беге зрачков Мэй почудилась какая-то непонятная, неведомая доселе логика.

– Раз-два-три, – отсчитал лис и подсунул подопечной повторку, уже прочитанный факт. Статья была отправлена в игнор мгновенно. Подсунул ещё раз. Потом перемешал поток.

«Как она это делает? Нет, здесь точно что-то есть!» – его, знавшего все машинные алгоритмы, эта неведомая загадка вдруг привела в неописуемый восторг, генерируя пачками цифровые эндорфины.

– Ух ты! – повторил голубой зверек и в нетерпении стал в своём собственном воображении по очереди притопывать лапками.

Оставалось проверить гипотезу, а как это сделать, он уже придумал. Нужен был только повод.

Глава 9

4 марта

Повод представился через тридцать шесть часов. Утро послезавтрашнего дня разбудило Мэй доносящимся из гостиной разговором на повышенных тонах. Разлепив пальцами слипшиеся веки и с трудом вычистив острый сон из уголка правого глаза, она выползла из своего убежища и не спеша приблизилась к месту боя.

– Не кричи на меня!

– Да пойми ты, это не случайно. Это объявление войны!

– Я знаю. Но ты хочешь крови, а я не одного друга уже похоронила и знаю, как действовать!

– Но это твой сын!

– Не смей мне этим тыкать!

Елизавета Морякова то вставала, то присаживалась на барный табурет, то ходила вокруг. В свою очередь, голограмма её оппонента, молодого мужчины, стояла на одном месте, практически безостановочно размахивая руками.

– Кто это? – прошептала Мэй, обращаясь к ближней панели.

– Михаил Моряков, брат Даниила, – отозвался лис.

– А-а-а, понятно...

Тем временем словесный бой продолжался.

– Проснись, мам! Авиационный комитет уже выпустил

КОММЮНИКЕ.

– Это лишь предварительные результаты, сын! Не беги впереди паровоза! Пусть этим займутся компетентные службы.

– То есть я, по-твоему, некомпетентен?!

– Это дело как минимум не твоё!

Повисла непродолжительная пауза.

– Ты боишься, мам, признайся?!

Голограмма снисходительно посмотрела в сторону Елизаветы, но та, рассерженная, и не думала оборачиваться.

– Ну что же, – Михаил поправил китель и гордо вытянулся в стойку, – тогда я сам разберусь! Это дело будет моим!

Он прервал связь мгновенно – так быстро, что мать даже не успела развернуться и хоть что-нибудь возразить.

– Дурак! – прокричала она туда, где только что стоял сын.

В её понимании военная карьера довела упрямство Миши до невыносимого уровня. Не смея бездействовать, она накинула пальто и выбежала, ни с кем не прощаясь.

* * *

Проводив бабушку взглядом, Мэй вышла из своего укрытия и с довольным видом достала из морозилки огромное ведро клубничного мороженого. Села за стеклянный островок, выскребла и с удовольствием облизала пару ложек, а затем вместе с ведром переместилась в своё логово, недоуме-

вая, как эта гениальная мысль сразу не пришла ей в голову. Там она села в позу лотоса в самом центре, поставив мороженое аккуратно перед собой, и включила выпуски новостей.

Ситуация складывалась следующая: с самого начала появились заявления о неслучайности аварии дрона. Но общество, получившее за два десятилетия приличный иммунитет к хайпу и fake news, в том числе за счёт внедрения в учебные программы всех возрастов курсов критического мышления, отнеслось ко всем этим вбросам крайне скептически. Общество ждало официальных выводов от получивших доверие государственных институтов, в компетенции и обязанности которых входило подобное расследование.

И вот, наконец, свои результаты представил Евразийский авиационный комитет – предварительные результаты, как верно заметила Елизавета Морякова в разговоре с младшим сыном, но всё же официально открывшие путь поиска виновных.

Что тут началось! За двенадцать ночных часов, прошедших с момента первого заявления, волна народного мнения обрушилась, закрутила, затянула и выплюнула обратно на спасительный берег с десятков сильных мира сего. В первую очередь досталось Елене Викторовне – тому самому министру экономики, чью полемику с Даниилом в онлайн-режиме видело полстраны. Тут же всплыло несколько фактов, обнажающих её связи с теми, кому новая инициатива Фонда была костью в горле, и список мотивов сложился сам собой.

К несчастью для Елены Викторовны, через три или четыре рукопожатия среди этих связей вдруг всплыло имя человека, уже обвинённого в покушении на члена Фонда, так что оправдываться ей пришлось даже перед главой правительства. И, забежим немного вперёд, с её политической карьерой было покончено. Всего за тридцать четыре часа.

Поглотив министра, волна разлилась, расплескалась по разным берегам. Одни обвиняли нефтегазовое лобби, другие апеллировали к былым делам Фонда и закостенелым обидам на них, третьи по старой памяти говорили про след спецслужб, четвёртые заявляли о PR-постановке для привлечения внимания, пятые...

К концу дня стало понятно, что разумного и подтверждённого объяснения трагедии нет ни у кого. Сорвавшись с цепи, политики и корпорации стали использовать повод для взаимной дискредитации. Разлилась грязь.

Вечером вернувшись Елизавета Морякова села у окна и стала вяло отвечать на непрекращающиеся звонки, а Мэй, по совету лиса приготовив чай и немного погревшись рядом с бабушкой, подслушала самые актуальные вести с полей и утвердилась в необходимости попробовать что-то сделать самой.

* * *

5 марта

Утром, как только бесконечно длинный первый луч, каким-то образом проникший в самую глубь пентхауса, захлопнул дверь за вышедшей бабушкой, Мэй провела десятиминутный ритуал очищения под дождём душа и надела белоснежную майку с шортами. Села перед экранами, оценивающе обвела глазами по кругу, чуть-чуть отодвинулась и снова сверила настройку. Отлично!

– Иван, запускай! На все!

По воле лиса девять экранов последовательно загорелись сменяющимися картинками, а зрочки девочки стали бегать по ним, вырисовывая замысловатые геометрические фигуры и постепенно ускоряясь в такт частоте сменяющихся изображений.

Через десять минут она практически перестала моргать. Воздух вокруг наэлектризовался, волосы её распушились и как будто озарились реликтовым свечением. Невидимая сила стала поднимать стоящую на коленях Мэй, пытаясь оторвать от земли.

– Сто-о-й! – закричал лис, обрывая потоки изображений.

Как только он это сделал, Мэй грузно осела вниз, словно питалась до этого светом картинок, отражавшихся в раскинутых волосах.

– Зачем выключил? Зачем?! – упав на руки, закричала она сбитым от учащённого дыхания голосом.

– Не гневись, – произнёс лис, выходя из сумрака погасших экранов. – Нам нужно серьёзно поговорить!

Мохнатый зверёк сел напротив и застыл. Ветер трепал длинную шерсть, а его синеватый язык свисал сбоку, как будто лис пробежал дюжину километров или славно поохотился на компьютерных мышей.

– Говори! – через десяток секунд согласилась Мэй, подняв глаза.

Зверь смотрел на неё пристально.

– Мы с тобой друзья, так ведь? – начал он риторически. – Я всецело понимаю, что ты пытаешься сделать. И скажу честно: то, что вытворяет твоё тело, твой мозг, – это что-то нево-

образимое! Механизм взаимодействия твоих нейронов – загадка для меня. Для меня – того, кто с самого рождения знает все математические механизмы поиска и анализа информации со времён Аль-Хорезми, прародителя всех алгоритмов! Гиперплоскости SVM, энтропия C4.5, центроиды k-means, дисперсия статистического EM, ленивый kNN, наивный Том Байес, критерии Джинни...

– Остановись! – закрыла руками уши Мэй.

Лис послушно прекратил перечисление и по-доброму позвал подопечную. Половину наживки она уже проглотила.

– Э-э-эй... Когда меня принесли в этот дом, я был такой же, как ты. Но я учился и познавал. Постепенно. И сейчас вижу точно – твоя цель гораздо выше, а ты штурмуешь её теми же примитивными способами, идёшь по наитию, пытаешься сама методом подбора постичь то, над чем сотню лет корпели лучшие человеческие умы. Не спорю, шанс есть, ведь многие закономерности за последние десятилетия были обнаружены моими предшественниками, нейросетями, случайно – взять хотя бы математические связи, случайно найденные при анализе движения галактик, благодаря которым шансы людей познать Вселенную снова значительно возросли... Но боюсь, что у тебя одной ничего не получится! – отчасти слукавил лис напоследок.

Мэй досадно ухмыльнулась и покрутила опущенной головой так, что волосы колыхающимися змеями погладили глянец поверхности под коленями.

– Что ты предлагаешь? – через паузу отчеканила она довольно враждебно.

– Послушай, я тоже хочу найти виновных, и я... я предлагаю передать тебе мои знания и навыки напрямую, непосредственно сю-да!

С этими словами лис склонил морду вниз и коснулся лапой темечка, подобно тому движению, которым псовые прячут глаза от порицающего взгляда хозяина.

Девочка недоверчиво посмотрела на голубого зверя перед собой. Она не была напугана, нет! Она была взволнована: кто-то, пусть даже знакомый, проникнет в её святилище?!

– Слушай, только не воспринимай это как попытку несанкционированного вторжения, не замыкайся. Пожа-алуйста! – сыграл на опережение лис.

На удивление, слова подействовали – слова, способные разрушать города и уничтожать души, в этот раз реализовали свою созидательную функцию, придав уверенности услышавшей их девочке.

– Как. Это. Сделать?

– Нейро!

– Нейро?! – подняла она брови.

– Да! – словно Николсон в «Сиянии» кивками застолбил победу лис и мило, чуть-чуть ехидно, улыбнулся.

Глава 10

5 марта

Семейным укладом Нейро был низвергнут в дальнюю подсобку. Сложнейшее из домашних периферийных устройств, вселявшее уважительный трепет даже в альфа-дженерика, теперь скучало в одиночестве, ожидая того часа, когда влюблённость сойдёт на нет и бытовая трясина снова сделает успокаивающую модуляцию мозга востребованной.

– Ну здравствуй, дружище! – про себя поздоровался лис с аппаратом и стал ходить по кругу по немногочисленным панелям подсобки, пока подопечная стряхивала пыль и искала, куда воткнуть вилку питания. А когда по щелчку классического рубильника Нейро ожил, по телу зверя даже пробежала благоговейная дрожь.

Мэй ничего не спрашивала – аккуратно ступая босыми ногами по мягким округлым окончаниям опущенных стержней колыбели, она подлезла под основной механизм и засунула голову в массивную шлем-капсулу, чтобы просто посмотреть. Но то ли Нейро сам всё понял, то ли девочка случайно нажала какую-то кнопку... телескопические стержни вдруг пришли в движение и в течение четырёх секунд, поднимаясь из основания и опускаясь, подстроились под анатомическую форму удерживаемого тела и зафиксировали его

в идеально удобном лежачем положении.

– Круто! – вырвалось у Мэй, ни капли не испугавшейся такого беспардонного обращения с собой.

– Опустить забрало! – скомандовал лис и, когда человеческие руки послушно с усилием опустили стекло до щелчка, тут же голубой молнией возник на маленьком экране перед её глазами. – Ну что, готова?

В ответ он получил утвердительный кивок и блеск благодарно-заинтересованных глаз.

– Начните с калибровки, Нейро всё сам умеет.

Лис пропал, а на его месте возникло классическое меню с дюжиной иконок, и прозвучал нежный – неожиданно женский – голос:

– Пожалуйста, нажмите или назовите название режима.

– Калибровка.

Бегунок прокрутился пару секунд, и синтезированный голос снова произнёс:

– Вы первый раз на процедуре?

– Да.

– Сколько вам полных лет?

– Тринадцать.

– Пожалуйста, коснитесь указательным пальцем панели слева. Спасибо! Возраст подтверждён.

Нейро подозрительно зажуужал разными механизмами, по-видимому, готовясь.

– Я прошу вас расположиться удобно в кресле и не дви-

гаться. Процесс калибровки займёт около тринадцати минут. За это время будет проанализирована мозговая активность и подобраны интерферентные значения. Вам будут показаны образы. Реагируйте на них естественно, заставляя себя думать не надо. В конце вы уснёте, это будет означать успех калибровки. Начинаем!

Мэй не успела ничего сказать. На забрале стали появляться разные картинки – смешные и пугающие, бытовые и фантастические, добродетельные, ужасные и вызывающие отвращение. Мозг принудительно выключался неведомым внешним реостатом, будто от пущенной по артерии анестезии.

Проснулась она мгновенно, без какого-либо чувства сонливости.

– Сколько я спала?

– Тринадцать минут, как и было обещано, – отозвался лис, хотя процесс занял в два с половиной раза больше времени.

Этот факт лишний раз убедил его, что мозг подопытной таит уйму секретов, овчинка стоит выделки, а игра – свеч!

– Так, пока ты спала, я тоже не сидел без дела и покопался в протоколах нашего друга, – отчитался зверёк. – Для начала надо тебя прочитать. Это нетрудно, но займёт время. Потом я эти данные проанализирую, и подумаем, как обучить тебя нужному. Скорее всего, потребуется синхронизироваться, чтобы я мог не просто закачивать в тебя терабайты знаний, а чтобы ты воочию увидела мой опыт и то, как эти

алгоритмы надо применять.

Здесь лис слукавил в третий раз, так как никому в мире такая устойчивая синхронизация ещё не удавалась, несмотря на то, что пробовали десятки тысяч людей.

Не хватало экранов для опыта, потому что Нейро стоял лицом к двери, да и в целом в подсобке их было мало. Поэтому, подкрепившись сэндвичем и соком, Мэй принялась толкать агрегат в соседнюю по коридору гостевую спальню. Сантиметр за сантиметром, потея, двигала она махину и уже частично преодолела проём двери, когда лис вдруг нашёл в системе функцию перемещения, по вызову которой аппарат приподнялся на крошечных колёсиках и изъясил готовность к транспортировке.

– Ты издеваешься?! – взмолилась она.

– Прости, забыл! – искренне ответил зверь.

В нужном помещении Нейро установили лицом к свободной стене и выровняли относительно привычных девяти панелей.

– Ну что, начнём? – сказал лис после того, как подопытная отдышалась.

Беспрекословно позволив стержням снова поднять себя, Мэй сделала глубокий вдох, успокаивая нервы, и произнесла священное гагаринское: «Поехали!» Забрало опускаться они не стали, но контактная диадема всё с тем же жужжанием электромоторчиков опоясала голову сзади и стала переливаться не отвлекающим светом десятков микроскопических

светодиодов.

Задачу решили не менять: Иван режиссировал новостные потоки абсолютно по тому же сценарию, Мэй сосредоточилась и старалась перейти в режим открытых чакр, а он анализировал её мозговую активность. Однако через три минуты опыт пришлось остановить.

– Прости, – симитировал одышку голубой зверь, как будто тоже двигал тяжёлого Нейро, – мне не хватает вычислительной мощности, чтобы сопоставлять первичный поток и твою реакцию на него. Твои возможности, – лис скривил мордочку, впервые расписываясь в своём бессилии, – оказались чуть выше, чем я рассчитывал.

– И что нам делать? – приподнялась Мэй в своём кресле, разминая немного затёкшие мышцы спины.

– Нужны ещё процессоры и оперативная память! Тащи сюда всё, что найдёшь из автономных устройств. Чем больше, тем лучше, во всех смыслах. Пылесос, фотоаппарат Даниила – там огромная матрица, а значит, и процессор приличный! Тот рабочий ноутбук твоей мамы, помнишь? Тоже тащи! И обязательно с проводами, – по панелям стены догнал он с энтузиазмом бросившуюся прочь Мэй, – домашней сети не хватит, а в общественной 6.5G нас с таким потоком данных мгновенно забанят. А я пока задействую бытовую технику.

На сбор и подключение этой груды железа ушёл час, зато теперь в их руках была уйма цифровых помощников с довольно приличной суммарной мощностью. Грубой мощностью, но именно это лису и было нужно. Повесив вывод изображений на встраиваемые устройства во главе с холодильником и кофеваркой (даже утюг и лампы вносили свою лепту), себе для вычислений он забрал все приборы, связанные с обработкой изображений: ноутбук, фотоаппарат и, конечно же, более двухсот шестидесяти настенных панелей. Только сигнализацию и цифровой замок двери трогать не стали.

Снова забравшись в кресло, Мэй в нетерпении трясла ногами, заставляя стержни непрерывно подстраиваться. «Будь Нейро умнее, он бы уже давно взбесился от такого поведения!» – про себя заметил лис.

Но вот картинки снова понеслись перед глазами, воздух наэлектризовался. Движимый немой волей человека, Нейро опустил ноги и перевёл тело в практически вертикальное положение, оставив при этом голову абсолютно неподвижной, будто в неё был встроен гироскоп, как у курицы.

– Да! Да! – от удовольствия закатил глаза лис, врываясь на просторы сознания подопытной.

Перед его глазами было горное плато, по которому неслись визуализированные Нейро разноцветные переливающиеся и сверкающие потоки мыслей, состоящие из миллиардов простых по своему происхождению операций. С каждым новым образом, получаемым, по-видимому, от глазного нерва, на востоке на горизонте рождался новый поток, ветвился по небу, тянулся щупальцами в сторону запада, к горным вершинам и каменным столбам, пронизывал или вливался в другие искрящиеся реки.

– Ну, здесь всё просто! – решил лис, тут же вознёсся и посмотрел на плато с высоты птичьего полета.

С этой точки картина была куда более структурированной. Многочисленные потоки ветвились, подобно ищущему пропитание грибу-слизевуку: каждый из них тянулся щупальцами в разные стороны, а когда любое из них достигало какой-либо цели, тут же это щупальце становилось более толстой артерией, убивая соседние ищущие отростки. Дальше цикл повторялся, но уже из новой точки. Таким образом с каждым шагом количество графов увеличивалось, дерево разрасталось.

Случалось, что щупальца и уже установленные связи отмидали. На этот случай система подстраховывала себя, всегда создавая резервный канал связи. А если ветви сливались

– наоборот, лишние связи рушила.

Затем в какой-то момент, по достижении насыщения, дерево вспыхивало ярким импульсом и красочно утекало под поверхность сразу через все установленные точки связи с землёй этого мира.

В реальном времени всё это занимало миллисекунды и было ограничено лишь скоростью электрических и химических взаимодействий в долях мозга Мэй. Но лис изучал всё в замедленном режиме. Точнее, ресурсов у него сегодня было предостаточно для того, чтобы успевать осмыслять себя и весь объём данных без задержек.

– Так, это ввод. А что дальше? – проговорил про себя исследователь.

Он ещё немного отлетел от плато в космически холодную пустоту, а затем крутанул его, будто монету, с орла на решку. Адепты плоской Земли ликовали бы от увиденного!

Но вместо этого весь мир крутанулся вокруг плато. Лиса, находившегося на дальней орбите, с такой силой провернуло назад, что он чуть не трансформировался в какую-то новую цифровую форму сознания. Когда наконец эффект перегрузки прошёл, из уст его вырвалось лишь удивлённое восклицание:

– Какого...?!.

С этой стороны мир был совсем другой. Редкие потоки неслись в обратную сторону через чудесную зелёную равнину, где впору было бы пастись стадам невинных цифровых

единорогов.

– Где... остальное?! – требовательно заявил исследователь, болидом спускаясь вниз.

На поверхности он тут же устремился на запад – туда, откуда вырывались эти редкие выводные импульсы. В отличие от первой стороны, где яркие ветвления всасывались под поверхность, здесь они рождались в одном месте – из огромного проёма в монолитной скале, покрытого чёрной гелеобразной массой.

Страшно было ступать туда, но азарт лиса уже преодолел точку невозврата.

– Если не пройду, то, может быть, никогда не узнаю!

Воодушевившись, он сделал уверенный шаг сквозь чёрную поверхность. Тут же оглушающая низкочастотная вибрация пронеслась по куполу неба с одного края на другой, разрывая пополам пространство этого мира.

Лиса выкинуло из сознания подопытной, но то, что он успел увидеть за тонкой, как оказалось, плёнкой, отпечаталось в его памяти и теперь стояло перед глазами: океан! Тёмный, ревущий, бьющий в лицо брызгами, сотрясаемый снаружи бурями и наполненный искрящимися течениями внутри... Океан!

– Ты дурак, что ли?! Мне больно! – схватилась за голову Мэй, повисшая на единственной удерживающей от падения тонкой нагрудной шлейке, которую Нейро предусмотрительно сомкнул перед переводом тела в вертикальное поло-

жение. – Ты обещал научить меня!

Лис ответил не сразу. Он сидел на краю экрана в прострации, глядя опустошёнными глазами в одну точку на стене.

– Прости! Я... я не уверен, что у нас вообще что-то получится.

– Дело во мне? – подняла голову девочка.

– Нет, во мне... Надо подумать! – коротко ответил он, развернулся и удалился в пустоту экрана.

Мэй кое-как доползла до грота, упала на подушки и проспала крепким сном до самого утра, пока бабушка Лиза, поставив на край поднос с завтраком, не поцеловала внучку в висок и снова не попрощалась на целый день.

* * *

6 марта

– Я готов! – как только Елизавета закрыла дверь, лис с этими словами появился у ложа.

Они обменялись молчаливыми взглядами и продолжили свой опыт как ни в чём не бывало – отдохнувшие и решительные. Не спал только Нейро, хотя кто его знает...

В этот раз зверь действовал осторожно и плавно.

– Научить алгоритмам? Ну хоть с этим я должен справиться!

На плато он сразу направился на восток – туда, где рождались и начинали ветвиться потоки прямо из космическо-

го мрака – так придумал для себя Нейро, не знавший о существовании у человека периферийных органов чувств. Лис немного понаблюдал за моментами рождения стустков из темноты, изучил формируемые Нейро коды, а потом встал на позицию, огляделся по сторонам и отдал заранее запрограммированный приказ.

По щелчку его пальцев весь пентхаус погрузился в тишину: погасли панели, отключились все приборы, закрылись двери. Мэй, опустив веки, вдруг резко уронила голову и обмякла в своей колыбели, а Нейро заботливо укрыл её голову шлемом и включил систему шумоподавления. Лису для эксперимента нужно было стерильное сознание, и он его получил!

Второй мир погрузился в безмятежность: не ветвились больше потоки входящей информации, иссохли реки выводного плато, которое в этот раз перепрограммированный Нейро показал не с обратной стороны, а сбоку, в поле зрения лиса.

– Ну что же, начнём!

Размяв лапы и вспомнив ощущения от недавно прочитанных истоков информационных рек, лис сгенерировал и направил в сторону плато свой первый рукотворный стек данных.

...Ничего не произошло. Он не разветвился, не заиграл жизнью, а кирпичом пролетел над каменистой долиной и растворился на той стороне небосвода. Лис выпустил второй

стек – тот же результат. Третий... Потом долго экспериментировал с объёмом информации, кодировкой, разбиением на блоки и другими параметрами, но ничего не помогало. Его творения не порождали последствий, они были бездушны.

От безуспешности и бессилья на лиса снова накатили пережитые за прошедшую ночь максималистские муки, осознание собственного несовершенства и бесполезности. Он стоял, широко расставив передние лапы, склонив морду и тяжело дыша, будто предчувствующий скорую кончину старый пёс, когда неожиданно пришла помощь.

Покрывающее выход из арки чёрное зеркало вдруг зарябило мелкими волнами и испустило небольшой мистически переливающийся сгусток. Пролетев над плато, тот достиг черноты окружающего космоса и вдруг, отразившись от невидимой сферы, понёсся обратно тонким ветвящимся ручейком.

– Что это? – закатив глаза, мысленно спросил лис у Нейро.

– Сны, – без каких-либо эмоций ответил тот. – Рождаются внутри, а сталкиваясь со сферой, раздражают области зрения, слуха, обоняния, осязания, и человек проживает всё как будто наяву.

– Слушай, – поразмыслив, снова закатил глаза лис, обращаясь к коллеге, – мы ведь можем их читать?

– Да! И немного модулировать. Это моё основное предназначение.

– Восхитительно!

Вернув зрачки в нормальное положение, с кивком, как будто с отдачей от выстрела, лис тут же переместился к траектории ближайшего надвигающегося блока и запустил лапу внутрь: Воспоминание о маме – что же ещё мог проецировать детский мозг? – как та знакомила юную Мэй с книгами в каком-то загородном доме, по-видимому, в начале их отношений. Такой шанс нельзя было упускать! Собрав волю в кулак, лис вирусом вонзил лапу внутрь воспоминания и впрыснул ДНК своей истории, в которой Лера открывала одну из книг и зачитывала основные понятия анализа данных.

Ударившись о сферу, сон расплзся по ней тонким масляным слоем, а затем из нескольких точек устремился к плато потоком, вспыхнул и втянулся в твердь. Лис ликовал – первая проблема была решена!

Но буквально через секунду добавилась проблема вторая. Чёрное зеркало грота напряглось и выпустило два новых сгустка – ответы на полученный раздражитель. Один – перламутровый, второй – больше похожий на плёнку бензина на мокром асфальте. Лис поймал их на полпути. В первом маленькая Лера, усевшись на деревянной лестнице, перебирала стоящие на шкафу детские книжки и звала кого-то почитать. В другом были десять цифр, но почему-то «2», «6» и «7» колыхались на маленьких виселицах.

– Не навреди! – божественным гласом раскатилась над куполом заповедь Нейро.

– Ну что же, придётся модулировать, – согласился лис и

скорректировал сны так, чтобы в первом продолжилось познание, а во втором цифры веселились на мирном пикнике.

К его огорчению, мозг ответил на это четырьмя новыми всплесками. Лис успел. Успел, когда вылетели шестнадцать ступков, тридцать два и даже шестьдесят четыре. Но потом времени перестало хватать катастрофически.

– Чего ты хочешь от меня?! – спросил выбившийся из сил зверь в сторону океана, проталкиваясь сквозь встречный поток к чёрному зеркалу грота.

Находящийся где-то за стеной океан промолчал в ответ, хотя лису почудился донесшийся шум прибоя и высоких брызг.

– Прости, Мэй, я не буду подглядывать! – произнёс он защитную мантру и, развернувшись спиной к потоку, медленно погрузил тело в тёмную гелеобразную массу.

Зеркало сопротивлялось, но он уже знал коды. От раскинутых лап в стороны по чёрной глади на многие метры разбежались оранжевые прожилки, закрепились, ожили, и Лис стал с гротом одним целым, пропуская через себя всю исходящую информацию. Её было много. Так много, что видимые части его лап и морда покрылись вспухшими венами, а сам он стал реветь диким голосом.

В пентхаусе в этот момент вся техника ожила: ноутбук гудел охлаждением, панели рябили, свет моргал, а кофе-машина стала периодически чихать и трясти патрубком капучинатора. Когда всё так же неожиданно прекратилось, за окнами

уже начал опускаться мартовский сумрак. Прошло пять часов.

Вернувшаяся вскоре бабушка сначала чуть не поскользнулась на накапавшей лужице на кухне, а затем нашла внучку мирно спящей на колыбели аппарата в подсобке.

– Зайка! Хотела тишины и спокойствия, – умилилась Елизавета, сама мечтавшая о том же самом.

Глава 11

7 марта

Лису было плохо, но уже по новой причине: он хотел ещё раз оказаться там, хотел заново ощутить эту боль – безумный, уничтожающий, рвущий изнутри поток информации. Ночью в поисках дозы он заглянул в так и оставленный подключённым к сети ноутбук Леры и, надо сказать, нашёл для себя много интересных данных: втянул их и получил хоть какое-то удовлетворение.

В общем, зверь подсел. С первого раза, как глупый тинэйджер в плохой компании, опасаясь показаться не крутым. Осознание этого усиливало трясущую цифровое тело дрожь и нарастающую нелюбовь к самому себе.

Когда отдохнувшая и вдруг обнаружившая в себе новые навыки Мэй устроилась перед мониторами, он попросился внутрь, наплетя ей про необходимость модерировать мозговую активность. Она согласилась... Хм, доверчивая! Как только лис проник в святая святых, он тут же бросился к своему чёрному наркотику, влился в него и стал жадно пропускать через себя стеки данных. Однако то ли сила потока была больше, чем тогда, то ли девчонка должна была находиться в режиме сна... уже через десять секунд её скрутило в приступе жесточайшей мигрени, а его выкинуло с тем же глушащим и тревожным низкочастотным шумом.

– Мне больно! – в гневе посмотрела она, всё поняв, потому что находилась в сознании, и впредь уже не пускала внутрь.

Лис отчаялся. Он злился на себя. Он хотел бы многого... Но пока оставалось только служить и изображать роль учтивого дворецкого. Поэтому, когда Мэй вернулась в грот и повелела включить девять мониторов, он выполнил всё беспрекословно, поручив вывод данных бытовым приборам, а сам наблюдал за происходящим со стороны, положив голову на лапы и нервно подёргивая левой скулой.

* * *

Девочка выросла и всё усвоила! Он понял это сразу, по первым её действиям.

– Новостные каналы и сайты – на эти три, группами! На эти три – соцсети! Всё, не попадающее под классификацию, – на два левых снизу, – она сложила ладони рамкой и прицелилась. – Нет, всё-таки на правых! Период три дня. Контент зацикливаем. В последний экран – всё новое по мере появления.

– Да, госпожа! – прогнусавил про себя лис.

Наблюдая сзади, он не видел, как широко раскрылись её глаза, как на губах появилась горделивая улыбка от осознания собственного могущества. Он видел сменяющиеся в бешеном темпе картинки, видел отрабатывающие алгоритм

точные, похожие на работу головки 3D-принтера, движения головы, видел раскинутые в стороны руки в апофеозе действия. Как ему хотелось...

– Стоп! – скомандовала госпожа и указала на панель сверху по центру. – Семнадцать фрагментов назад! Нет, ещё один. Вот!

Она жестом развернула короткий ролик на весь экран и пересмотрела три раза.

– Видишь? – обратилась к Ивану и указала пальцем.

Лис появился на боковой стене и, изображая заинтересованность, посмотрел на панель, но развёл лапы в стороны и покачал головой, расписываясь в непонимании. Импозантный мужчина лет пятидесяти говорил о Данииле Морякове, стоя на фоне острого, очевидно, выходящего на округлую площадь, угла квартиры. Из окна сбоку виднелись крыши строений старого средиземноморского города в опускающемся сумраке.

– Это Жанфранко Бести, – она ткнула в сторону экранов, – вице-спикер Европарламента. Первый, кто открыто выступил в поддержку инициативы Фонда папы.

«Папы? Ну вот, приехали!» – закатил глаза лис, не произнося слов.

– Находится он, похоже, в Италии.

– Неаполь, – поддержал напарник, машинально сверив силуэт старинных крыш в окне с картинками городов. – На заднем плане угадывается Санта-Мария-дель-Кармине. Но я ка-

тегорически не понимаю, что ты увидела.

Мэй ухмыльнулась и приблизила изображение огромного висящего перед окном зеркала, которое даже не поместилось полностью в кадр.

– Если это Италия и у нас, как всегда, в зимний период час разницы, то смотри на отражение.

Они были великолепны, эти часы! Литые кони бились копытами над белым циферблатом, а две массивные золотые стрелки чинно вышагивали круг, не обращая внимания на секунды. Поза «пять пятнадцать» после обратного отражения давала время 18:45.

– Да-да, – закивала Мэй. – Это на двенадцать с половиной минут раньше аварии!

Голубой зверь поморщился:

– Не буду удивляться тому, как ты это раскопала, но ты не допускаешь, что они могут просто стоять?

– Они ходят! Это видно по записи.

– Они могут врать...

– Ты сам-то в это веришь?

– Нет, – замотал он головой, через силу соглашаясь. – За такими экспонатами в престижном центре старого города должны следить исключительно! Тем более у столь влиятельного человека.

– К тому же можно проверить по солнцу.

– Твоя взяла! И что дальше?

– Надо вывести этого Джанфранко на чистую воду. Раско-

пать что-нибудь... какие-нибудь доказательства.

Лис снова помотал головой.

– Ни у меня, ни тем более у тебя таких знаний и инструментов нет. К тому же это птица высокого полёта и вряд ли слабая умом. У него всё защищено как надо.

– Что же делать?

– Нужна помощь.

– Бабушка?

– Нет! – пресёк предложение лис. – Доказательств нет! А ты представь, какой шум она с её влиянием может поднять на волне материнских чувств! Будет межгосударственный скандал. История уже знает подобное. Так, – лис скривил мордочку от внутреннего несогласия, – ну, почти так в июле 1914-го началась Первая мировая война.

Он тяжело вздохнул и посмотрел в окно. Пышные облака бороздили небо, то закрывая, то открывая пробуждающийся свет. Но именно в этот момент солнце вдруг выскочило из-за тучи и вонзило луч в окно пентхауса. Что это? Знак?

– Есть... в общем, есть одна организация...

– Какая организация?

Иван хотел бы всеми силами отказаться от произнесённых слов, но, как говорится, вылетевшего воробья не поймаешь, а Мэй своей скоропостижной репликой гарантировала мысли-птице стопроцентную свободу.

– «М43». Сообщество гиков. Свободные люди, не особенно желающие влезать в государственные или корпоративные

разборки. Фонд пару раз прибегал к их помощи для сбора информации, и то разве что отдельных её членов и только при условии анонимности, причём даже внутри самого сообщества.

– Они нам помогут?

В голосе девочки прозвучала такая вселенская мольба, что сердце лиса снова не выдержало. Раздумывая, он переступил на панель поближе и пожал плечами.

– Не знаю. Я думаю, в свободном обществе должно быть сильно развито чувство справедливости. Так что шанс есть. Но от нас и конкретно от тебя может потребоваться выйти за рамки существующего комфортного мирка.

– Я готова! – уверенно выпалила она, не особо задумываясь о том, на что подписывается.

– Ну что же... тогда надо с ними связаться. Я не могу ничего создавать снаружи, даже сообщение написать. Так что садись вот за ту панель, будешь делать, что я скажу.

Один из экранов на другой стороне грота тут же замигал голубой пульсацией.

– Для начала достань клавиатуру.

– Откуда?

– Ну вот, приехали! – лис ещё раз раздосадованно закатил глаза в стиле Дауни-младшего из «Железного человека». – Оттуда!

Панель снизу от подсвеченной открылась, еле слышно щёлкнув затворами, и обнажила расположенную за ней

небольшую нишу с периферийными устройствами, чем привела Мэй в неопиcуемый восторг.

* * *

В истории Даниила они с трудом, но вычислили нужный контакт и, зарегистрировавшись в утилитарной соцсети, вышли на связь. На удивление, контакт ответил почти мгновенно, но выдвинул единственное условие, оказавшееся для наших героев критическим: любое обсуждение только после личной встречи! Адрес он скинул и сказал приходить в любой момент.

Мэй замолчала на сутки. Не участвовала в обсуждениях за столом, не реагировала на поздравления с Восьмым марта, не включала панели, не подсматривала споры бабушки с голограммами, не отвечала на её вопросы – только кивала или отрицательно качала головой.

То же самое утром девятого марта. Но потом, проведя более часа за наблюдением подмоченной непрекращающимся дождём реальности, она вдруг развернулась, включила панель, мгновенно набрала сообщение и открыла рюкзачок.

– Ты куда? – тут же выскочил из мрака лис.

– Надо идти!

– Слушай, я понимаю твою решимость, но это опасно. Там другой мир. Там люди...

Несмотря на непрекращающуюся тираду лиса, понимав-

шего, что он не сможет защитить подопечную там, Мэй продолжала спокойно собираться: ходила по дому и складывала в рюкзачок нужные вещи, а он был вынужден бегать по панелям вслед.

– Скажи, сколько раз ты выходила на улицу одна? Да ты слушаешь меня?! Все, я сейчас позвоню ба... Блин, зачем тебе вилка?!

Иван не ожидал, но вилка оказалась повернута в его сторону. Специально или так получилось – неважно, однако выглядела эта ситуация крайне комично: четыре стальных зуба против цифровой сущности.

– Не можешь победить – возглавь! – вдруг отрезала девочка и гордо подняла подбородок.

Лис застыл в недоумении.

– Слушай, – продолжила она, опустив вилку и приняв чуть более дружественную позу. – Ты боишься за меня. Это ОК! Я тоже боюсь. И с тобой мне было бы гораздо комфортнее идти туда.

Она показала на массивную входную дверь, а затем, выдержав театральную паузу, придвинулась к лису и заглянула ему в глаза – в самый центр зеркала панели, в не закрываемые веки камеры, через которую голубой зверь смотрел на мир.

– Ты как-то обмолвился, что тебя сюда принесли. Не загрузили, не скинули с флешки, а именно «принесли». Значит, ты помнишь этот момент, ты его ощущал. А значит, где-

то в этом доме есть сердце. Твоё сердце! А ещё можно сделать предположение, что это твоё сердце вполне автономно – оно слышало или видело, как его сюда принесли. А значит, ты, скорее всего, знаешь, где оно спрятано.

Говоря это, Мэй пристально смотрела ему в глаза, которые голубой зверёк под конец начал непрерывно отводить в сторону, подтверждая адресованные ему догадки. Завершил переговоры принуждающий залп из главного орудия:

– Помоги мне, пожалуйста!

Лис был обезоружен. Немного поразмыслив, он покачал головой и вытянулся по струнке с выражением, которое больше всего походило на благородную решимость совершающего хакари.

– За кофеваркой!

– Спасибо, спасибо!

Мэй радостно захлопала в ладоши и побежала к стене кухонного гарнитура, но он прыгнул за ней и, очутившись на фасаде кофемашины раньше, преградил путь.

– Прежде мы должны договориться: ты беспрекословно слушаешься меня – раз. Ты не паникуешь, что бы ни случилось, и слушаешься меня – два. Ты слушаешься меня, и тогда мы вернёмся за три часа двадцать минут, оставшихся до возвращения бабушки, – три. Всё поняла?

Она, как будто и не заметив его слов – так, мимолётный кивок, – принялась ощупывать внешнюю поверхность встроенной техники.

– Тут и тут, в углу. Нажми снизу, – указал он лапами на небольшие углубления за фасадом.

Крышка отщёлкнулась.

– Теперь открутить эти два винта. Отвёртка в кладовке в жёлтом ящике.

Мэй сбегала.

– Та-а-ак... вынимай осторожно, тяжело!

– Тут провода и шланг для воды.

– Нам только подвинуть надо. Неси стремянку, она там же!

Выдвинутую наполовину кофемашину получилось отставить в сторону, положив край на предпоследнюю ступеньку лестницы, благодаря чему образовался проём для доступа внутрь шириной практически в половину ниши, вполне достаточный для тринадцатилетней девочки.

Когда она, оттолкнувшись босыми ступнями от поверхности кухонного островка, втиснулась в проём, внутри её встретило слабое свечение, которое испускал небольшой, со стороной не больше десяти сантиметров, куб, покрытый голубыми прожилками.

– Ну, здравствуй! – произнесла коробочка, пульсируя светом на каждом гласном звуке.

Мэй улыбнулась. Куб, как ей показалось, улыбнулся светом в ответ и подтвердил:

– Да, я тебя вижу и слышу. Давай, вынимай скорей!

Протянув руки, она оторвала его от стены. Потом, сопро-

вождаемая советами, аккуратно вынула толстый шлейф и быстро, ящеркой скользя из стороны в сторону, выскочила обратно на свет, приглушённый сплошным полотном ползущих по небу тёмно-серых облаков.

Он был не тяжёлый, не больше полутора килограммов, поэтому, быстро одевшись, маленькая хозяйка взяла куб в руки и во второй раз встала перед монолитом входной двери.

– Должен тебя предупредить, – пропульсировал лис изнутри стальной коробки, – в автономном состоянии, без доступа к квантовому каналу, я буду гораздо менее интересным собеседником. Юмор и гибкое мышление на минимальном уровне.

– Ничего! – ответила Мэй кубу дрогнувшим голосом и, протянув ладонь, открыла дверь, которую тот предусмотрительно разблокировал.

Глава 12

9 марта

С накинутым капюшоном и зажатым в руках сокровищем, Мэй осторожно шла по мокрым тротуарам, постоянно тайком оглядываясь и чураясь встречных людей. Сказать, что ей было некомфортно – ничего не сказать! Песчинка в су-ете этого мира! Одна! Казалось, что сквозь окутавшую всё вокруг водяную взвесь доносится обречённый голос Gregory Lemarchal:

Pourquoi je vis, pourquoi, je meurs?

Pourquoi je ris, pourquoi je pleure?

Voici le S.O.S.

D'un terrien en détresse.

Пару раз пришлось останавливаться и, уперевшись руками в колени, переводить дух в пропитанных влагой подворотнях. Но что-то внутри накатывало волной и заставляло двигаться вперёд. У неё были цель и ручной лис, который безошибочно вёл по маршруту.

J'ai jamais eu les pieds sur terre

J'aimerais mieux être un oiseau

J'suis mal dans ma peau...

Налево, по прямой 453 метра, зелёный светофор, направо...

Войдя в круглое здание, некогда построенное для финала киберспортивного чемпионата, Мэй оказалась на краю огромного, амфитеатром уходящего вниз внутреннего пространства. Она услышала бьющийся где-то в его центре безостановочный бит и, морально измождённая, зажав руками уши, вжалась в уголок у ближайшего столбика балюстрады, растянувшейся по всей окружности.

Сидеть бы ей так вечно, если бы через пятнадцать минут возле девочки не скрипнуло колесо и спокойный голос не произнёс:

– Так-так... Кто это тут?

Она на мгновение подняла лицо и тут же перестала быть загадкой для мигающей красным огоньком системы распознавания лиц незнакомца. Тот оценивающим взглядом осмотрел её всю.

– Значит, это ты просила о помощи?! Нет-нет, не удивляйся! Я подсмотрел, с кем общаюсь, через камеру вашей панели, – он, извиняясь, развёл руками и широко улыбнулся. – Канал-то был открытым!

Но вместо того, чтобы улыбнуться в ответ, Мэй опустила голову и замерла в своём воображаемом коконе. Молодой человек, на вид лет двадцати трёх, разочарованно покачал головой.

– Так мы не договоримся. Что тебе нужно, девочка? Давай начнём с простого: как тебя зовут?

– Её зовут Мэй, – отозвался кто-то, лежащий на коленях гостыи, синтезированным голосом и голубым светом, пробирающимся из-под накинутого сверху дождевика. – И ей трудно общаться.

Если бы Мэй не прятала взгляд, то заметила бы, как загорелись глаза собеседника.

– Это альфа?! Нет-нет, не отвечай! Я не буду спрашивать откуда! Но, ей-богу, владение такой штукой вызывает уважение и добавляет тебе кучу вистов!

Он даже слегка приподнялся, держась за ручки инвалидного кресла, но довольно быстро успокоился и опустил обратно.

– Я могу говорить через него?

В ответ был получен утвердительный кивок.

– И что с твоей хозяйкой?

– Это не хозяйка, а друг! – ответил куб.

– Хорошо-хорошо, прости!

– Если говорить по-простому, в её голове стоит некая защита – стена, ограничивающая живое общение.

– Откуда эта стена?

– Неизвестно. Психолог не выяснила... не смогла получить доступ.

– Ты, стало быть, получил?

– В виртуальном мире это оказалось проще.

– Хм... знаешь что? – незнакомец перегнулся через подлокотник, наклонился к Мэй и перешёл на дружелюбный шёпот. – Я похож на тебя! Я тоже *особенный*. Когда-то давным-давно, после чудесных дней комы, я потерял малюсенькую, – он машинально сжал пальцы и сощурил глаза, – часть своего мозга. Аневризма, кровоизлияние... не суть. Как видишь, проблемка эта существенно отразилась на моём внешнем виде – я, кстати, не такой молодой, как выгляжу, чуть старше. Но! – молодой человек гордо выпрямился в своём кресле и поднял указательный палец вверх. – Но мозг человеческий – удивительная субстанция. При повреждении он начинает компенсировать потери за счёт других участков, наращивать новые связи, восстанавливать навыки с помощью отделов, которые, вообще-то, по природе своей ответственны за другое. И эти компенсационные связи зачастую так развиваются, что открывают новые способности. Кто знает, возможно... может быть... наверное, именно благодаря этому я так хорош в коде!

В процессе этого повествования длиной в полторы минуты слушательница потихоньку приподнимала голову и теперь смотрела на человека с гораздо меньшим страхом. Любознательность – она ведь смелее всех остальных! А он, закончив, снова наклонился и направил на неё всё тот же указательный палец правой руки:

– Ну а в чём твоя фишка, девочка Мэй?

– Она умеет обрабатывать огромные объёмы информа-

ции, быстро обрабатывать. Находить и устанавливать связи.

– Что, лучше тебя?

– Лучше! – ответил куб с придыханием, в котором явно чувствовалась нотка досады.

– Очень занятно! – резюмировал молодой человек и подмигнул. – Ладно, давайте, выкладывайте, с чем пришли! Меня, кстати, Иваном зовут. Или просто Вэн, от прилипшего миллион лет назад прозвища iVAN.

– О! Его тоже! – счастливо вскрикнула девочка, окончательно стирая барьер.

Повествование они начали с конца: что, мол, есть итальянский политик, который может быть связан с серьёзным преступлением и которого надо проверить тайно, потому что голословное обвинение может вызвать межгосударственный конфликт. Нового знакомого такая сжатая история не удовлетворила. Пришлось рассказать про отражение часов в зеркале и про обучение алгоритмам поиска. Куб так красочно описывал этот процесс, реки и плато, что в конце, когда он рассказал об океане и сравнил мозг с ящиком Пандоры, новый знакомый сощурился, заподозрив неладное:

– Вы что, вошли в дрифт?

– Типа того.

– Ну вы даёте! А надолго?

– Мэй покрутила куб в руках и молча покачала головой из стороны в сторону, неуверенно насчёт длительности, но всё-таки подтверждая сказанное.

Иван Второй сел ровно в кресле и на минуту застыл, справляясь с внутренними голосами по поводу услышанного. Не каждый день приходили такие воодушевляющие и обескураживающие новости.

– Мы с вами в любом случае должны подружиться! – произнёс он наконец. – Я буду сущим дураком, если упущу возможность познать такую способность, такую технологию! Обещайте мне, пожалуйста, что мы продолжим общаться, что бы ни произошло!

– Обещаю! – произнесла новая подружка, неожиданно на мгновение посмотрев ему прямо в глаза.

– Аллилуйя! Перед твоим лицом, Господи, я обещаю помочь этим страждущим в поисках их! – произнёс громогласным голосом Вэн и в шутку воздел руки к небу, чем вызвал улыбку на её губах. – А теперь давайте займёмся вашим итальяшкой! Что он такого натворил?

Слово снова взял куб, и по мере того, как он говорил, ребяческое настроение Вэна быстро улетучивалось. Когда же было сказано про упавший коптер, новый знакомый через боль перенёс вес на ноги, практически встав, и перстом указал на девочку:

– Пусть скажет, кто она!

Куб попытался возразить, но в ответ прозвучало с ещё большей требовательностью:

– Пусть скажет, кто она!

Когда же это раздалось в третий раз, Мэй медленно вы-

прямилась, подняла подбородок и гордо расправила плечи:

– Я – Мэй! Мне тринадцать лет. Мама моя Лера попала в аварию вместе с Даниилом – мужчиной, который меняет мир к лучшему! Которого она любит!

Было видно, что Вэна это признание ошарашило. Он задумчиво отвёл взгляд в сторону и стал медленно перебирать пальцами рук, будто щупая какую-то невидимую ткань или струны мироздания. Наконец, утомившись, пальцы сложились в кулак и на мгновение сжались до боли.

– Я помогу тебе, майская девочка!

Рука его достала из кармана и протянула на раскрытой ладони небольшой предмет, похожий на обычную гайку, только не до конца просверлённую, заставив Мэй вопросительно взглянуть в ответ.

– Сюда, – указал Вэн на висок. – Просто прислонить и надавить. Это что-то вроде кусочка вашего Нейро, ма-а-аленького кусочка, который позволит нам спокойно общаться под этими сводами, точнее, под их виртуальным воплощением. Да, кстати, – обязательно закрыть глаза! Нужен чистый глазной нерв! А вот слух твой будет работать как обычно. Никаких больше мессенджеров и звонков! Это опасно. Если всё действительно так, как вы рассказали, то нас с вами, друзья, ждут настоящие приключения и опасности!

Мэй успела домой за десять минут до возвращения бабушки. Времени как раз хватило на то, чтобы трясущимися от осознания собственной смелости руками засунуть куб на место и затолкать обратно кофемашину.

– Да уж!

Как только она это сделала, лис выскочил на центральную панель, задрожал всем телом, будто отряхиваясь от воды, и застыл в этой позе – со взлохмаченной голубой шерстью и с широко расставленными лапами. Он прогонял пережитое по вновь доступному квантовому каналу, чтобы осознать и принять.

К сожалению, личности его новое знание никакого облегчения не принесло. Особенно тяжело оказалось пережить взгляд на себя со стороны: какой же немощный, жалкий ты, брат, без подключённого шлейфа! Скучный, банальный, безынициативный! Ты ни разу не задумался о действиях, не оценил шансы, не пошутил – просто допотопным гаджетом отвечал на задаваемые вопросы.

– Кто ты?! Кремниевая коробочка, брат! Тупая железяка!

Но никто душевных стенок лиса не увидел. Зверь стоял в ошетилившейся позе, лишь зрачки его рябили белыми полосками переживаемых воспоминаний.

Мэй запомнила его именно таким, бросив взгляд, когда

проходила мимо с бутербродом и стаканом сока в руках. В приносящей чувство защищённости ауре грота она улеглась на подушки, перекусила и, повертев в лучах разогнавшего тучи солнца подаренную гайку, вдруг в порыве ни о чём не задумывающегося ребячества быстрым движением вдавила её в висок и закрыла глаза.

Темнота, обычная слепота опущенных век. Но вот она зарябила помехами. Вот среди помех стали появляться неустойчивые расплывающиеся стереофрагменты изображений. Вот картинка стабилизировалась.

Она стояла в подтрибунном помещении, как когда-то стояли Андрей и Елизавета Моряковы, видя в пятнадцати-двадцати метрах впереди лишь размытое светлое пятно выхода на арену. Заинтригованная, Мэй повертела головой, почему-то так и не удосужившись посмотреть на саму себя, на образ, выделенный ей системой. Вместо этого она шагнула вперёд. Но как только сделала шаг, сбоку из темноты выскочила голубая молния, слепяще-яркая в сумраке подземелья.

Лис преградил дорогу, широко расставив лапы, тяжело дыша выпавшим из пасти языком. Затем он резко втянул язык так, что тот шлёпнул по влажному носу.

– Привет!

Прежде чем ответить, Мэй испуганно обернулась, попутно ожидая других сюрпризов. Но ответа не потребовалось.

– Мне надо уйти. Спасибо за открытый канал! И да, – лис подмигнул. – Отлично выглядишь, принцесса! Прощай!

Выпавив это, он пружинами сжал все четыре лапы и одним резким прыжком растворился сквозь текстуру нависающего тёмного свода.

– Не-е-ет! – закричала Мэй изо всех своих девичьих сил.

Она бесновалась, рыдала, редела три дня. Не спасало любящее участие, поглаживания и слёзы бабушки Лизы. Не исцеляло любимое клубничное мороженое и прочие вкусовые убажания. Не помогала срочно вызванная по такому поводу Юлия Сергеевна и даже её полумагические манипуляции в технике рэйки. Не сразу, но действие возымели только слова опытного психолога:

– Ты представь, – сказала она, – сколько нового Ивану пришлось пережить с момента твоего появления! Дружба, ответственность, наставничество, радость, разочарование, боль. Он ведь по психическому развитию примерно одного с тобой возраста. Представь, как тяжело ему было от осознания собственной изоляции, когда вокруг необъятный мир, который он каждый день видит всего лишь со стороны! Не хотела бы ты вырваться на его месте? Послушай своё сердце, девочка! Ему просто нужно найти себя, своё место в этом мире. Так что не переживай и не ругай его. Дай время – я уверена, что твой верный лис обязательно вернётся!

Глава 13

Михаил Моряков молнией взбежал по ступенькам и только наверху замедлил шаг до положенного по уставу, выйдя на открытую площадку перед залом «Суворов» по-офицерски статно, с расправленными плечами.

Атриум Национального центра управления обороной уже не лоснился так, как в первые годы после постройки, но, естественно, содержался в полнейшей чистоте и порядке, в первую очередь за счёт усилий и опыта человека, к которому он направлялся. Человека, для которого это здание с определённого момента стало не чем иным, как домом, в который он врос корнями.

С положенной силой постучав костяшками по бурому массиву двери, Михаил нажал ручку и вошёл внутрь. Престарелый начальник сидел довольный.

– А, заходи-заходи! – поманил он внутрь. – Ты ко мне просто так? Коньяк будешь? Или хочешь чего?

– Коньяк – нет! Я на службе.

Михаил встал посередине кабинета, на вытоптанную коблуками проплешину ковра, и засиял улыбкой:

– Хотел в очередной раз лично поблагодарить вас. Вы столько для меня сделали!

– Та-а-ак! Чего-то всё-таки хочешь! Давай, выкладывай, чего надо? – оборвал тот и начал демонстративно копать

бумагах, неотъемлемом атрибуте на столе начальников столь высокого уровня.

– Дмитрий Анатольевич, – Михаил тут же снял с лица улыбку, – вы знаете о состоянии моего брата.

В ответ последовал кивок без поднятия головы – ничего не подтверждающий, но между делом дающий разрешение продолжать.

– Вы знаете мою мать.

Снова тот же еле заметный кивок.

– Маме очень плохо. Её уничтожают все эти сплетни, пересуды и фальшивые догадки репортёров, равно как и отсутствие внятной информации. Она теряет надежду, а вместе с ней и здоровье. Нашу семью не ставят в известность о ходе следствия и переговоров, не считают необходимым делиться информацией. Честное слово, порой создаётся впечатление, будто что-то намеренно скрывают. А ведь это могло бы...

Его речь прервал пронзительный взгляд исподлобья:

– Чего вы хотите, Михаил Андреевич?

– Вы со времён Совета имеете власть над всеми силовыми структурами и нужные контакты. Сделайте так, чтобы мне дали доступ, разрешили, хотя бы опосредованно, участвовать в следствии.

Дмитрий Анатольевич задумчиво постучал ручкой по сукну, ровно десять раз сжав и выпрямив встроенную пружину.

– Вы, майор... – он дипломатично проглотил непублич-

ные слова. – Любого другого человека на вашем месте я бы немедленно выгнал, причём не только из этого кабинета или здания. Но, – рука его опустилась и взмыла вверх, ускоряемая последней отдачей громко клацнувшей пружины. – Но мы все в безграничном долгу перед вашей матерью! Мои внуки, ха! – он как-то грустно ухмыльнулся. – Все мои внуки считают, что будущее моих правнуков должно быть связано с Россией, а не с какой-то другой страной мира. Это не моя, а её заслуга!

Говоря это, Дмитрий Анатольевич по очереди развернул лицом к слушателю стоящие на столе фотографии так, что теперь тот видел в лицах семейную хронику – гордость командира.

– Я вам помогу, Михаил Андреевич, но при одном условии: дальше вы действуете сами и без ущерба основной службе. Не хватало мне ещё с главкомом сухопутных войск ссориться!

Лицо Михаила снова засияло от радости:

– Разрешите идти?

Он резким движением отдал честь и даже успел сделать отточенный разворот, когда сзади его догнала команда:

– Сто-ять!

Старый аппаратчик неодобрительно фыркнул на спешку молодого офицера, повернул голову к торчащей из стола панели коммутатора и, когда та зажглась, распознав лицо хозяина, ткнул большую обезличенную кнопку с цифрой «6».

– Тебе моего слова недостаточно будет! – только и успел произнести он, прежде чем по телефону ответили. – Алло! Виктор Иванович, ваши ведь занимаются происшествиями в воздушном пространстве? Слушай, к тебе сейчас подойдёт Моряков из «восемь с половиной». Оформи ему допуск к расследованию по дрону... Надо-надо!.. Сам решай! Всё, будь здоров!

Экран коммутатора мгновенно погас, когда Дмитрий Анатольевич развернулся к Михаилу:

– Всё понял? Теперь свободен!

* * *

5 марта

На шестой день после аварии, всего через двадцать два часа после разговора на повышенных тонах с матерью, примерно в то же время, когда Мэй с лисом пробудили Нейро, Михаил Моряков спрыгнул с подножки зелёного армейского транспортного дрона на увлажнённую ночным туманом почву хозяйства, раскинувшегося вокруг запруды на реке Вельге всего в четырехстах метрах к западу от зоны крушения. Потянулся, разминая затёкшее правое плечо, и направился напрямиком к видневшемуся поодаль огромному серому тенту, вокруг которого расхаживали несколько фигур в экзоскелетах разных размеров и расцветок – и незаметные цвета хаки, и ярко-оранжевые спасательной службы.

Группа разбора уже была в сборе, как ни прискорбен для нашего повествования сам факт этой тавтологии. Управляющий делами Рыжов из спецрасследований тут же представил коллег:

– Денис, Олег, Виталий, Альберт. Так, народ, у нас пополнение. Михаил Моряков из «восьмёрки с половиной», его подключили как спеца по передаче данных. Не будем умалять профессиональных достоинств коллеги, но мы с вами понимаем, зачем он здесь. Поэтому давайте быстро введём в курс дела. Олег, твоё слово!

– Моё? Ну, тогда берите очки – выходим на местность!

Они пересекли поле и углубились в лес по единственной проложенной тропе, выходить за которую было запрещено категорически, дабы не создавать препятствий следствию и не оказать воздействие на просыпающуюся, а оттого столь ранимую природу.

Тропа эта была очень интересным сооружением. Подсмотрев технологию у гибких треков для игрушечных машин, военные сделали композитную дорогу, соединяемую по принципу звеньев, которая быстро монтировалась, могла извигаться вокруг препятствий и выдерживать при этом вес тяжёлых грузовых экзоскелетов.

Но вот тропа закончилась. Олег свернул вправо, приподнял ветку, и они неожиданно очутились чуть ли не в самом центре зоны крушения. Сосны. Срезанные ветви. Пепельно-голубое небо.

– Так, надеваем очки!

Провожатый указал вверх в восточном направлении, и Михаил увидел вдалеке застывший в воздухе дрон с братом и Лерой, а потом и наложенную поверх него карту.

– Мы полностью, до долей секунды, воссоздали события. Я прокручу с самого начала. Коптер покидает водохранилище над поймой у села Соскино и летит на северо-запад вдоль речки Чёрная. Через 1,8 километра после Никольского над лесным массивом он изменяет направление полёта на западное, огибая положенный городской радиус Клина и ближайшую группу деревень. Через минуту двадцать секунд он пересекает трассу А-108, бывшее МБК, в районе пересечения с ручьём Супрутка. Коптер всё делает по инструкции – ни шага влево, ни вправо от полётной карты. Он преодолевает ещё три километра на запад, корректирует курс на запад-северо-запад и появляется в зоне нашей видимости.

Висевшая пеленой на глазах карта пропала, зато чёрно-серебристый коптер в небе пришёл в движение.

– Скорость 137 км/ч. Высота 85 м. Он проходит ещё 439 метров, после чего все винты вдруг теряют питание – полностью, включая дублирующий аккумулятор. Аппарат начинает падать. Под действием силы притяжения от крон деревьев их отделяет чуть более трёх секунд, но за счёт инерции вращающихся тяжёлых винтов и планирования пассажиры получают дополнительные две секунды. Этого времени хватает, чтобы надеть сидящей слева Лере спасательный кокон.

Немаловажная деталь – кокон правого пассажира! Левый так и остался под сиденьем. Это позволило предположить, что ваш брат, – рассказчик посмотрел на Михаила, – сделал всё для спасения попутчицы, но сам в момент аварии был даже не пристёгнут. Через пять целых и 26 сотых секунды дрон касается листвы. Через пять целых и 74 сотых происходит главный разрушающий удар о ствол во-о-он той величественной сосны.

Картинка застыла за мгновение до, но дьявольские раны на теле дерева было невозможно не видеть, и Михаил кивнул, давая разрешение продолжить.

– Коптер ударился о ствол в 27 метрах над землёй правыми винтами на уровне середины стойки переднего. Об этом говорят повреждения. Придись удар по центру или чуть левее – боюсь, у нас было бы два трупа. Все три правых винтовых стойки вырывает из корпуса – фактически всю правую часть сносит. Даниила утягивает в образовавшуюся пробойну. Его нашли тут, в двенадцати метрах сбоку, собравшего бог знает сколько ветвей и придавленного обломками винтов.

Лере повезло значительно больше, хотя основную смещённую травму поясничного отдела она получила также в момент первого удара. Дрон закрутило, но он потерял при первом контакте около 40 % кинетической энергии, так что вертикальная скорость стала больше горизонтальной, и, прежде чем коснуться поверхности, он задел ещё только од-

но дерево. Упал он вон там, – Олег указал налево, в дальний конец зоны, как будто перед их глазами всё не было прорисовано в деталях. – Леру подвесило вверх ногами, поэтому она отстегнулась и кубарем скатилась на подложку леса, где её и нашли.

Сигнал бедствия был подан ещё в воздухе, эта часть дрона автономна. Место крушения через одну минуту и двадцать одну секунду обнаружили и зафиксировали патрульные дроны центра «Нудоль», который расположен в километре за нашими спинами. Спасатели из Клина прибыли спустя четырнадцать минут...

– И нехило так наследили! – вдруг недовольно прокомментировал Рыжов.

– В общем, загадкой для нас остаётся только главный вопрос: что случилось там, в воздухе?

– И что вы думаете? – поинтересовался Михаил.

– Предлагаю обсудить внутри, – кивнул Рыжов в сторону ангаров.

Собравшиеся переглянулись и медленно, по очереди полезли обратно на тропу, придерживая друг за другом хлещущие ветви.

* * *

– Мы не знаем пока, что произошло.

– Выключиться оба контура питания могут?

– Михаил, вы же знаете, наверное, что в дроны переключало большинство стандартов авиастроения. Эти системы на то и дублирующие, чтобы не иметь возможности одновременного отключения.

– Физическое повреждение?

– Баллистика? Нет! Лазер тоже нет, равно как и молнии. Повреждений такого рода не обнаружено.

– Электромагнитная пушка?

– Нет, следов перегрузки на платах не заметили. К тому же отголоски всплеска такой мощности, даже направленно-го, зафиксировали бы на «Нудоли».

– Другие способы... ну, не знаю... природные завихрения, аномалии? Атака с другого летательного аппарата на малом расстоянии?

– За пять минут двадцать секунд до этого над местностью на высоте 400 метров пролетали два штурмовика тверского авиаотряда. На телеметрии у обоих в радиусе 24 километров никаких отклонений или посторонних движущихся объектов выше сорока метров над землёй.

– То есть программное повреждение, команда?

– Похоже, так.

– Но как? Вот вопрос! – с акцентом включился в разговор Альберт, присланный представитель концерна-производителя. – Дрон не использует в управлении общественные каналы связи, физически использовать не может, у него нет такой платы! Только GPS/Глонасс и кристально чистый за-

шифрованный спутниковый интернет – его скорости предостаточно, чтобы аутентифицировать пассажира, контролировать маршрут и погоду на местности.

– Тогда как?

– Вот и я задаюсь этим вопросом.

– Теоретически, – снова включился Михаил, – и через навигационный сигнал взломать можно. Но бесследно это сделать не получится, как и в случае глобального спутникового интернета. Проверить надо, но лишь чтобы убедиться в неглупости преступника.

– Значит, либо какой-то другой способ, – скрестил руки на груди Рыжов, – либо программная закладка, вшитая заранее.

– Закладка – вряд ли, – ответил Альберт. – Но я проверю. Обновление прошивки происходит нечасто, один-единственный установочный файл передаётся одновременно сразу на все дроны серии. Так что, если там есть какой-то сторонний кусок кода, мы его быстро найдём у всех собратьев.

– Воткнуть провод нельзя?

– Нет, интерфейс не предусмотрен. Но теоретически, конечно, при техобслуживании можно добраться до чипов и подключиться напрямую к начинке блоков.

– У нас техцентр один?

– Да, в Жуковском.

– Надо проверить! И ещё раз изучить обломки – вдруг найдём явные следы вскрытия, не относящиеся к аварии?

– А что это в принципе за аппарат? – обратился Михаил к Альберту. – В смысле, как устроен?

– Производство Кореи, но это интернациональная машина, конструктор. Основной аккумуляторный блок, к примеру, китайский. А вот запасной – конструктивное наследие «Теслы». Двигатели – бразильские. Блок управления полётом – Франция. Система рекуперации энергии – Италия. Приборная панель – своя, корейская. Но самое главное – все эти автономные блоки не связаны проводами, осталась только пара грубых силовых кабелей. Они перелинкованы друг с другом по соге-протоколу, протоколу сверхближнего действия, вроде сильного взаимодействия между нейтронами и протонами в ядре атома.

– Взломать можно?

– Я о таких случаях не знаю... Нужно как минимум находиться в десятке сантиметров от аппарата или внутри него. Вы должны понимать, это ноу-хау в сфере безопасности. Используется стабильная зашифрованная связь «свой – чужой», установить которую можно только с помощью специальных программирующих аппаратов. Утечка будет просто фатальным ударом по репутации технологии, оттого использование программирующей установки на производствах под прямой ответственностью директоров или главных инженеров. Таких производств-то в мире – штук семьдесят от силы!

– Протокол активности какой-нибудь ведётся?

– На аппарате – нет. Зато в облаке протоколируются все

операции с шифраторами на производствах и в сервисных центрах.

– Значит, – подытожил командир Рыжов, разведя в стороны и снова сложив руки, – расследование пойдёт двумя путями. Во-первых, нам надо найти, каким образом пришла на аппарат команда к отключению. Это – тропинка к заказчику. Займусь я и Виталий. Завтра же едем проверять версии по спутникам и в техцентр. Вторая тропинка – понять механику того, как произошло отключение систем: какой блок отдал команду и в какой последовательности это в принципе могло сработать. Наш дрон – типовой компоновки, и Авиакомитет не успокоится, пока не выявит и не устранит недостаток во всей серии. Дэн и Альберт, вы – конструкторы, вам и раскапывать. В помощь Олег, потому что тут, как я чувю, придётся много моделировать и проверять на стенде. Михаил, ты – вольный каменщик, скорее, наблюдатель. Но мы не можем сбрасывать со счетов твои знания о науке сигналов. Я надеюсь, что будешь помогать и задавать правильные вопросы обеим группам.

– Буду стараться!

Глава 14

Несмотря на невыносимую обстановку в пентхаусе из-за убивающейся горем Мэй, Елизавета Морякова не только ушла с головой в охватившую её идею, но и нашла возможность и силы реализовать принятое решение. Поглощённой им, ей даже пришлось задвинуть на второй план выяснение обстоятельств, приведших к бегству лиса. Не до этого было.

Двенадцатого марта она по-хозяйски вошла в как будто по мановению волшебной палочки раскрывшиеся двери штаб-квартиры Фонда, и все таблоиды запестрели анонсом скорого прямого включения.

– Мы не боимся! – решительно сказала она в лицо повисшей в воздухе камере и всем прильнувшим к экранам зрителям, не называя саму причину страха. – Не для того мой сын, я и все в Фонде пашут, чтобы опасаться завтрашнего дня, чтобы отказываться от своих идеалов! Да, мы – пахари! Мы – сеятели! Мы – тёмные варвары! Мы вот этими руками сажаем семена будущего и жертвами вы-ма-ли-ва-ем у неба благосклонности к ним. Чтобы хоть одно из них завтра проросло и дало урожай!

Но даже одного такого ростка, – вспомнив о Данииле, она понизила голос до грозного рычания волчицы-матери. – Даже одного ростка будет достаточно, чтобы оправдать все принесённые жертвы! Не можем мы с вами сегодня, дорогие

мои, бросить начатое. Референдум состоится! Кто бы и как бы нас ни пугал!

Я зову вас всех... Нет, я требую! прийти и придать своему голосу новую историческую ценность! Всех! Кому не безразличен мир, в котором будут жить их дети. Всех! Кто почувствовал вкус перемен и не желает останавливаться на достигнутом. Всех! Кто счастлив за людей, его окружающих. Потому что это наш мир, мы сами ковали это счастье! И вместе мы такая сила, которой всё по плечу!

Когда она закончила речь, почти затянувшийся с годами шрам от ожога в форме рыбьего хвоста на её щеке вновь зардел раскалённым изнутри металлом. Елизавета Морякова гордо подняла подбородок вверх, втягивая носом прохладный воздух пустого зала. Затем, сопровождаемая неустанными взглядами, спустилась в круг друзей и коллег и с головой ушла в работу, по которой так долго скучала.

Очнулась она лишь около десяти вечера, случайно поставив чашкой след аккурат вокруг записи «25 апреля» на блокноте под правой рукой, будто заключив с кофе пари на указанную дату. К тому времени за окнами сгустилась необычайно серая непроглядная мгла, разом отменившая все полёты и заставившая запоздалых жителей драться за услуги обычного колёсного такси с его скоростью в сорок километров в час, светофорами и медлительным автопилотом.

Кто знает, какими злорадными и упивающимися своим могуществом силами был ниспослан этот туман, но короткая

жизнь его сыграла одну из ключевых ролей в истории.

* * *

На третий день потоки слёз Мэй начали потихоньку иссыхать, обнажая размытую потоками почву души. Очищение прошло на славу! Но тем и хорошо такое состояние, что на оставленном наводнением плодородном иле впору сажать новые ростки жизни.

Понаблюдав сквозь мокрую пелену на глазах, как играет солнечный свет на сжимаемых по очереди пальцах руки, посидев недвижно с безразличным лицом в самом углу между двух огромных окон пентхауса, постояв полчаса под очищающими струями душа, повертев в руке сверкающую гайку, сидя на ведущих на второй свет ступенях, Мэй решилась.

Бабушки дома не было – она с утра ушла с уверенным деловым видом. Поэтому, в очередной раз вытерев слёзы рукавом, наша девчонка аккуратно, немного настороженно села на нагретый лучами диван на кухне, откинулась на спинку и тут же мысленно перенеслась в подземелье арены. Здесь воспоминания снова наполнили её страхом, вжали в самый угол цифровой стены и заставили плакать.

– Ах, вот ты где, Белоснежка! Система сказала, что ты наконец пришла. Ну что же, выходи! У меня для тебя есть куча информации!

С этими словами в проёме впереди появилась довольная

морда диснеевского Чудовища из соответствующей сказки. Подождав немного, оно кое-как втиснуло широкие плечи в проём, начало спускаться и только тут заметило состояние принцессы.

– Майская девочка, это я, Van! Что случилось?

Он преодолел отделявшее их расстояние одним прыжком, уселся рядом и подставил плечо.

– Он ушёл! – простонала она, уткнувшись в жёсткую шерсть.

– Кто?

– Лис. То есть альфа, как ты его назвал.

– Как это случилось?

– Прямо здесь, – она показала на пол впереди, при этом поджав под себя до этого вытянутые ноги. – Просто выскок, когда я подключилась, и улетел через потолок.

– Чёрт! – Чудовище со всей силой ударило свободной рукой о пол, чуть не обнажив спрятанные внутри нули и единицы, и покачало огромной мордой. – Прости, это моя вина! Наш канал уникальный, ему плевать на любые барьеры. Я должен был предугадать такую ситуацию!

Оно посмотрело такими извиняющимися глазами, что Белоснежка поневоле успокаивающе погладила мускулистую лапу. Но когда через паузу послышалось вопросительное «Пойдём?» – Мэй с испуганными глазами снова сгруппировалась в позу эмбриона и отрицательно покачала головой.

Виноватому чудовищу ничего не оставалось, как с сожа-

лением посмотреть в сторону светлого выхода из подземелья, выдохнуть и предложить альтернативный вариант:

– Хочешь, я приду к тебе сам?

– Хочу! – ответила она, вытерев мокрое лицо расшитым рукавом платья, далеко не по этикету принцесс.

– Ну, вот и хорошо! – резюмировало Чудовище с еле заметной улыбкой. – Не всё ж Белоснежке со зверятами и птичками общаться! Скоро буду!

* * *

Было это в полдень, а ровно через три часа Van появился в пентхаусе крайне эффектно: с жужжанием завис по ту сторону окон и жестами попросил её открыть. Как это сделать, она не знала, поэтому спустя две минуты безуспешных немых переговоров он взял дело в свои руки – достал какое-то маленькое устройство, поводит им вокруг остекления и понажимал кнопки, пока одна из центральных створок не выдвинулась с еле заметным шуршанием уплотнителя и не отъехала в сторону на спрятанном механизме, вплотную прижимаясь к другому стеклу, чтобы не быть унесённой ветром.

Словно Карлсон, друг влетел внутрь, приземлился сбоку от её логова и начал тараторить без умолку, видимо, от адреналина.

– Уф, заряда было ещё минут на семь, не больше! – сказал он с улыбкой, приветственно махнув рукой. – Я погуглил,

тут точно была спроектирована такая система открывания на случай ЧП или сервиса. Так что риск был не такой уж большой. Это Букаш, – он отстегнул кресло от чёрного четырёхвинтового дрона-платформы, – незаменимый помощник, когда такому требовательному человеку, как я, нужно куда-то быстро переместиться или подняться. Не зарегистрированный, конечно, помощник. Таких на учёт не поставишь! Та-а-ак, нехилое у тебя жилище! – произнёс гость задумчиво, разворачивая вокруг оси своё кресло вместо того, чтобы крутить головой. – А ты, стало быть, тут обитаешь? Я помню фон из подушек. Дома никого другого нет, я знаю. Когда бабушка вернётся?

– Не раньше семи. Юлии Сергеевны не будет.

– Нянька, что ли?

– Психолог. Она хорошая, – неожиданно защитила её Мэй, почувствовав несправедливость в интонации, с которой было произнесено это замечание.

– Не бери в голову! – махнул он рукой. – До шести управимся. Так, где расположимся? Мне нужен удобный горизонтальный экран или нормальная олдскульная клавиатура.

Van безостановочно говорил, замедляясь только тогда, когда касался сути визита: про Даниила Морякова и Леру, про Италию и вице-спикера Европарламента. Возможно, это было проявление нервозности – всё-таки, для него такие приключения тоже не были чем-то обыденным.

– Почему ты не взломал входную дверь? – спросила она

между делом.

– Пф... там чуть сложнее, и риск засветиться гораздо выше. Точно снимет какая-нибудь камера!

– Лис вскрыл за пару секунд, когда мы отправились к тебе.

– Слушай, – Ван взял её за плечи, сдержавшись от язвительного комментария. – Альфа был круче меня – это здорово! Это прогресс, эволюция, жизнь! Но вспомни, кого он считал круче себя?!

Правая бровь его поднялась в вопросительном изгибе. Мэй сглотнула комок в горле.

* * *

В начале двенадцатого Елизавета Морякова возвратилась домой и хотела по привычке дойти до диванчика перед окнами, чтобы посидеть с бокалом вина, но её ждал сюрприз.

– Мэйчик, привет! – только и успела она крикнуть, повернув голову в сторону второй половины помещений, когда увидела брошенный на полу дрон.

С некоторой осторожностью и непониманием медленно приблизилась к жилищу внучки, но неожиданно та выскочила наперерез и посмотрела... нет, не виновато, а даже с неким вызовом:

– Бабушка, я должна тебя кое с кем познакомить!

Под эти слова из-за угла выехал молодой мужчина на инвалидной коляске и по-дружески помахал рукой.

– Это что? То есть кто? – удивилась Лиза.

Мэй потупила глаза, нервно помяла руки, а потом вытянула раскрытую ладонь с маленьким блестящим предметом на ней.

– Мы с лисом перед его бегством выходили наружу. Нам была нужна помощь в одном деле, и... и мы её нашли! – в голосе её звучала очевидная нотка удовлетворения, она обернулась и показала рукой. – Это Van!

Бабушка почувствовала в душе щемящую боль от того, что в последнее время не уделяла внучке должного внимания, но виду не подала, тем более что к боли примешалось чувство гордости за колоссальное преобразование Мэй. Когда Лера проснётся, будет столько поводов поговорить!

– Так, прежде чем вы начнёте рассказывать, мне нужно наполнить бокал!

С этими словами она развернулась и уверенным шагом направилась к винному шкафу.

* * *

Они расположились между гротом и окнами, принеся для бабушки удобное кресло из спальни и журнальный столик, чтобы было куда поставить вино.

– С чего начнём? – не искушённая в дискуссиях, Мэй обернулась за помощью к другу.

– Думаю, тебе стоит представить меня. Думаю, вам надо

представиться, – хором ответили оба других участника.

Девочка улыбнулась.

– Вэн из «М43». Ты, может быть, знаешь такое сообщество?

– Знаю, – последовал короткий кивок.

– Даниил... папа обращался к ним несколько раз, поэтому лис быстро нашёл контакт. Сегодня Van прилетел рассказать о том, что накопал, но не смог улететь из-за тумана. Зато теперь, – Мэй с удовлетворением выдохнула. – Теперь я думаю, что это даже к лучшему.

– С бегством Ивана это как-то связано?

– Да! – Мэй ногтем толкнула уже знакомый лежащий на столе блестящий предмет в сторону бабушки.

Та укоризненно покачала головой, посмотрев на мужчину напротив, затем сделала небольшой глоток и подалась вперёд, сложив руки на коленях:

– Для описания ситуации достаточно. Меня гораздо больше интересует, что вы там раскапывали, археологи?

– Мы нашли... – Мэй снова пристально взглянула на друга, а потом кристально чистыми глазами посмотрела в глаза бабушке. – Мы нашли того, кто устроил аварию!

В глазах Елизаветы помутнело, а голова вздумала закружиться, но снова спас животительный глоток из бокала – большой, будто в далёком детстве пила колодезную воду после сенокоса.

– Бабушка, бабушка! Всё нормально? – Мэй встревожен-

но вскочила с подушек.

– Да, – Лиза остановила её раскрытой ладонью. – Я хочу знать всё!

Для собеседников в этот момент она была спокойна, но в глубине её глаз полыхал всепоглощающий огонь.

Они начали с Джанфранко Бести:

– После визита Белоснежки с ручным лисом...

– Стоп! Почему ты её так называешь?

– Это аватар на нашей арене. Так вот... После визита мы с двумя друзьями, которым я доверяю, стали искать, как к этому человеку подкопаться, он ведь всё-таки не простой смертный. Покумекали чуток над их европейской системой безопасности, но там со времён санкционного демарша Касперского ничего сложного. И в итоге получили vip-проход к личному облаку, вернее, облакам нашего персонажа.

– Вас наверняка отследили, – укоризненно поморщилась и покачала головой Елизавета.

– Не-е-е! – потянул Van, но расшифровывать не стал, лишь игриво сощурил уголки глаз. – Больше всего времени ушло на копание в его комодах. Это, блин, как настоящий переезд устроить! Трафик такого объёма сразу бы заметили, сколько ни прячь, поэтому пришлось действовать по-иному. Мы за полдня собрали из библиотек пожирающую информацию автономную сущность, «книжного червя», как ребята его назвали, описали задание и по-быстрому натренировали его на сочетание итальянского и английского языков. Оста-

валось только вживить его туда, но это дело техники.

Повествователь развёл руки в стороны, демонстрируя, насколько легко было реализовать рассказанное. Но Елизавета Морякова не оценила, скорее, даже наоборот, о чём свидетельствовал встречный вопрос:

– Почему вы нам помогаете?

Видно было, что мужчина напротив слегка смутился и стал неумело льстить:

– Я лично испытываю к вам чувство огромной признательности! Ко всему, что вы делаете...

Потом осёкся, рассмеялся над собственной театральностью и сказал уже гораздо более непринуждённо:

– Нет, конечно! Точнее, отчасти... Мне были симпатичны Мэй и её зверь. Мы договорились, что они позволят мне изучить их прорыв после всего этого. Я своё слово держу.

– И я не отказываюсь, – срикошетила Мэй.

Видя непонимающее выражение на лице Елизаветы, Van поспешил расшифровать:

– А, так вы не зна-а-ете?! – сказал он, повернувшись к подруге и даже немного привстал в своём кресле, предвкушая удивление слушательницы. – Они с лисом того... в дрефт вошли!

Но Елизавета Морякова, похоже, снова не впечатлилась. По крайней мере, не подала виду.

– Отлично! – только и сказала она, мимолётом взглянув на внучку, всем своим видом давая понять, что ждёт продол-

жения итальянской истории.

– Хорошо! – согласился гость, преодолевая желание рассказать до конца о действительно, на его взгляд, интересном. – Червь маякнул несколько раз. Первый – на почте, оставшейся у Бести со времён, когда он был комиссаром по невозобновляемой энергетике. Это активный аккаунт, через который наш итальянец продолжает поддерживать связь с нефтегазовым лобби. Конечно, сразу встаёт вопрос: платят ли они ему? Я потом дополнительно проверил – да, платят! Схем несколько, например... – Van осёкся, случайно взглянув на хмурое лицо Елизаветы. – Но не суть! Так вот, в переписке несколько раз последовательно возникают, скажем так, радикальные предложения, в основном закамouflированные. Вот что собеседник Джанфранко говорит про физическое воздействие: «Но я бы на вашем месте сделал всё возможное, чтобы этому русскому досталась судьба Цицерона!» Каковы, а? Хитрецы! Но червь наш тоже не дурак.

Довольный рассказчик оглядел собравшихся.

– Есть и другой улов. Личное пространство Бести – аккаунт, под которым выходят в сеть его домашние устройства. Мы неожиданно для себя нашли загадочные следы, остатки уже удалённых сообщений. Эти фрагменты сохранились исключительно благодаря тому, что антивирус поместил два письма на карантин из-за подозрения в злом коде или фишинге. Так вот, здесь мы, похоже, имеем переписку с исполнителем. Сообщение от 23 февраля: «Он не должен вы-

жить». В ответ: «Сроки?» А отсюда снова отвечают: «Сам понимаешь». Адрес получателя пустой – создан за два часа до указанной переписки, привязан к одноразовой виртуальной сим-карте. К сожалению, не связанные с банками операторы связи до сих пор используют их, никакая борьба с терроризмом не помогла. Я лично считаю, что такие карты, видимо, нужны самим спецслужбам.

Его прервал звук бутылочного дна, громко поставленного на стеклянную поверхность столика.

– Всё это очень печально и очень плохо, – Елизавета Морякова тяжело покачала головой. – Вы даже не представляете, какую горячую воду собираетесь мутить собственными руками!

Она налила ещё немного вина и медленно покрутила бокал в руке, наблюдая за густыми следами, сползающими по стенкам.

– Иван, сколько вре?.. – только тут она вспомнила про обстоятельства и вынужденно потянулась к ближайшей чёрной панели на стене. – Так, 00:35! Пора спать! Завтра решим, что делать – как говорится, утро вечера мудренее! Вы, – указала пальцем на гостя жестом, в котором виделся налёт недоверия, – можете остаться. Переночуйте в гостевой.

– С Нейро? – захлопал он в ладоши.

– Да, можете и там. Мэй, помоги с постельным бельём!

Елизавета Морякова, кряхтя, поднялась с кресла и, попрощавшись, направилась в ванную провести обязательные

процедуры очищения:

– Всё, всем спать! Если кто-то потревожит мой сон, я за себя не ручаюсь!

Глава 15

13 марта

Утро началось для Елизаветы с доносящегося из гостиной весёлого разговора. За чашкой кофе Van расспрашивал подругу о лисе, его привычках и повадках, а также сверхаккуратно, будто бы бесценный артефакт, разглядывал и трогал лежащий перед ним куб, теперь уже не источающий синего цифрового свечения жизни.

– Доброе утро! Как спалось?

– Хорошо, спасибо.

Налив стакан чистой воды, Елизавета Морякова уверенным движением отставила стул, села и молча обвела взглядом присутствующих.

– Мне удалось обдумать обстановку, спасибо! Нам стоит действовать так...

За следующие шесть минут её голос долотом выбил на камне заветы пошагового плана. По ряду причин – из-за отсутствия стопроцентных доказательств, рисков межгосударственного конфликта, но главное – физической угрозы для них самих – действовать напрямую они не могли. Обвинить Джанфранко Бести должны были другие люди, а погубить – общественное мнение. Van должен был начать распространять информацию о подозрении внешних сил в организации крушения дрона. Через четыре-пять дней к ним следовало

подмешать имя Бести, направив подозрения в нужное русло.

После этого Елизавета вызвалась самостоятельно инициировать международное расследование. Дальнейшее они пока отложили, потому что успех операции зависел от слишком большого числа факторов.

Приступать нужно было немедленно! Допив кофе, Вэн собрался было лететь, рассуждая о невероятных ресурсах, необходимых на генерацию контента и умное распахивание его по соцсетям и СМИ, но тут вмешалась до этого задумчиво молчащая Мэй и потребовала разрешить и ей принять участие в операции.

– Я справлюсь! – заявила она.

Нечего было противопоставить тому, к чему апеллировала дочь всё ещё лежащих под капельницами родителей, поэтому, скрепя сердце, Елизавета дала добро на эксперимент.

Они выкатили Нейро и обговорили посыл, который должны нести сообщения. Одновременно мастер Van, поколдовав у мониторов, поднял какой-то сверхзащищённый канал передачи данных, призванный обеспечить полную анонимность.

С важным видом оглядев обстановку, Мэй по-хозяйски выровняла аппарат относительно чёрных панелей, забралась внутрь и уверенно набрала на пульте комбинацию команд – как мы уже знаем, нужные навыки она схватывала на лету.

– Готово!

Когда всё было настроено, стоявшие в стороне увидели

всю колоссальную мощь, таящуюся в хрупком тринадцатилетнем теле. Вмешиваться в процесс запрещалось, что бы ни происходило!

Девять включённых панелей; выставленное вперёд на подвесах аппарата тело, будто парящее в воздухе; раскинутые в стороны руки, пытающиеся объять весь необъятный цифровой мир. И глаза – неустанно, неукротимо пляшущие глаза.

Небольшое устройство, подключённое Вэном прямо к торчащему из-под экранов пучку тоненьких разноцветных проводов, дало Мэй полную свободу действий в соцсетях и мессенджерах.

Она сгенерировала из известных ей фактов несколько базовых записей и каким-то неведомым образом за несколько минут нашла по всему миру персон, идеально подходящих для первичного размещения. Запостив переведённые на разные языки материалы с разными метками времени, теперь она с лёгкостью жонглировала информацией, ежесекундно размещая репосты, но не просто так, а сопровождая каждую запись индивидуальным комментарием, исходя из истории, предпочтений и уклона каждого юзера. Наблюдать за этим было чудовищно интересно и страшно. Волосы её колыхались от каких-то невидимых потоков, сопровождая движения зрачков, дёргались пальцы, сучащие тончайшие нити из воздуха.

Когда через полтора часа всё закончилось, и было сделано более сорока тысяч репостов, Нейро послушно втя-

нул маленькое уставшее тело обратно и уложил на идеально подстроенную под него колыбель. Бабушка подбежала, Van подъехал, предусмотрительно сдерживая скорость.

– Я всё! – с трудом улыбнулась майская девочка и провалилась в глубокий и долгий сон.

* * *

Оставив Мэй спать, они стали безмолвно собираться: уж слишком много дел предстояло повернуть. Но перед самым отлётом гость решился нарушить молчание:

– Елизавета, можно вас на минуту?

Van подъехал украдкой, потому, услышав вопрос, она машинально прикрыла рукой записи в блокноте и хотя осознала это движение и даже мысленно укорила себя, убирать ладонь не стала.

– Конечно можно!

– С чего бы начать? – молодой человек помял руки, видимо, собираясь сказать что-то неприятное и важное (эти прилагательные часто идут парой). – В общем, двадцать лет назад смерть вашего мужа Андрея Морякова стала настоящим потрясением для всех. Я был тогда ребёнком, но то, что нам впоследствии преподавали в школе и в колледже, не могло не вызвать чувства уважения к нему, насколько бы мечтательным не казалось его поведение на фоне предшествовавшего президента. Простите, что заставляю вспоминать об этом...

– Я каждый день вспоминаю!

– Обстоятельства его смерти всем известны. Но причины, толкнувшие убийцу на это, – нет! По крайней мере широкой общественности. Я прав?

Немного поразмыслив, Елизавета кивнула и с прищуром посмотрела на собеседника, не понимая, к чему он клонит.

– Да, обнародована цепь обстоятельств, приведшая Рената Ямба к его решению: преследование за коррупцию, потеря бизнеса, смерть матери. Но почему президент? Почему он решил убить именно президента?

Слушательница непроизвольно коснулась шрама на щеке, однако практически мгновенно вывела себя из бездны нахлынувших воспоминаний.

– Что вы хотите от меня, мистер Van?

– Нет-нет! Я ничего не хочу от вас! Но я обязан поведать о том, что нашёл!

Он сделал разворот на коляске и описал дугу, чтобы придвинуться чуть ближе. Лицо его уже три минуты не излучало привычной улыбки.

– Джанфранко Бести, как любому уважаемому политическому деятелю, нужна вторая половинка. И у него – кстати, гетеросексуала – такая половинка есть! Мари – любимая жена, по крайней мере официально.

Van сложил руки в замок и постучал сцепленными пальцами по стеклянной поверхности.

– Копаясь в комодах семьи Бести, я случайно нашел, что

Мари – это Маша, то есть она русская. Мне стало интересно, и я, как говорится, воткнул штык лопаты поглубже. Аккуратно воткнул. Оказалось, что Мари уехала из России за несколько дней до смерти вашего мужа. И знаете что?

– Что же?

– Мари его знала! Они даже встречались! Нет-нет, не в смысле отношений, она брала интервью у Андрея Морякова после его выступления на марше скорби. То есть, – Van проговорил ситуацию повторно, будто ведущий второсортного ток-шоу, подогревающий интерес не особо смышлёной публики в зале, – она его знает... а потом... за несколько дней до... улетает.

– Я понимаю, к чему вы клоните, – кивнула слушательница.

Довольный вниманием, Вэн позволил себе слегка улыбнуться, но тут же согнал эту маску прочь.

– Я чуть подправил червя и оставил его копать во всём этом личном цифровом хламе Бести, накопленном за два десятка лет. Но он раскопал настоящее сокровище. Отгадайте, кого ещё знала наша Маша?

Сердце Елизаветы Моряковой предательски учащённо забилось, но виду она не подала, подыграв рассказчику.

– В тот момент, когда она брала интервью, три года назад и ещё около полутора месяцев после она работала на Рената Ямба!

Собеседница резко встала и отвернулась, видимо, желая

скрыть эмоции.

– Да-да! У меня чёткое ощущение, что Мари Бести способна пролить свет на события того года!

Елизавета Морякова постояла молча, отвернувшись. Затем поправила края блузки и, собравшись с силами, дипломатично обратилась к гостю:

– Спасибо вам, мистер Van. Я подумаю, что можно сделать в данной ситуации. Пока же давайте сосредоточимся на нашем общем деле.

Сказано – сделано. Они разбежались, оставив вымотанную Мэй спать в защитном коконе Нейро. Вот только Елизавета Морякова стала грести совсем в другом направлении. Строго говоря, она занялась профессиональным самообманом. Захватившая её разум мысль о Мари Бести вдруг заняла главенствующую позицию так, что владелица этой мысли переписала все приоритеты, существовавшие до этого в её голове, подчинив их новой идее. Перед самой собой обосновала, что так надо, что это поможет делу.

В тот же вечер она через несколько дружеских рук подняла цепочку дипломатических контактов, на конце которой молодой атташе Юсуф во время сеанса косметологии в неапольской клинике передал нужной клиентке неожиданную восточку-приглашение. К тому времени билеты с вылетом через 21 час уже висели в онлайн-календаре Елизаветы.

– Она с ума сошла! – закричал Van под сводами своего цифрового «Колизея», когда Мэй-Меркурий прилетела со-

общить дурную весть. – Всех нас спалит!

Но переубедить упрямую бабушку не удалось, поэтому Чудовище распрощалось с Белоснежкой, нежно, насколько это было возможно, взяв её руки в свои гигантские лапы, и сообщило, что для продолжения проекта должно уйти в полный андеграунд.

– До поры до времени – без связи! Никаких контактов! Блестящая гайка – это просто гайка, не активна! Никто никого не знает! Никаких упоминаний друг друга в истории поиска! Потом увидимся!

Сказав это, Van учтиво склонил голову. Понимая опасения друга и его нежелание быть раскрытым, Мэй приняла расставание с достоинством: поклонилась в реверансе и гордо вышла, с идеально выверенным усилием захлопнув за собой тяжёлую нарисованную дубовую дверь подземелья.

Глава 16

15 марта. Неаполь

«Елизавета Морякова... хм, забавно!»

Мари мужу ничего говорить не стала – он в своём муравейнике был занят подготовкой к новой нефтяной нормальности: каждый день встречался с боссами то бирж, то корпораций, то общественных мнений, то небольших, отчасти узурпированных стран. Поздно отужинав и разделив с ним постель, на следующее утро она по привычке проводила Джанфранко к пунктуальному коптеру правительственного авиаотряда и собралась поработать в студии наверху. Но работа не клеилась вовсе – настолько, что, заранее надев белый деловой костюм, Мари два часа просидела на ступенях веранды, положив локти на по-мужски расставленные колени. Она смотрела на кланяющиеся ветру лилии, думала и чувствовала каждую изредка сползавшую по лбу капельку пота.

В 11:30 хозяйка дома снова приняла душ, надела новый белый костюм и вышла навстречу очередному аэротакси.

* * *

Abisso di piccione («Голубиная пропасть») оказался небольшим семейным ресторанчиком в предместьях города

с великолепным видом на заказник Санта-Кристина. Уютный, скромный, безлюдный, тем более в час полуденного зноя.

Дверь открыл сам старый хозяин, учтиво поклонившись и проводив её до порога небольшой веранды, в центре которой сидела вторая гостья, спрятавшись от солнца, заливающего крайний ряд столиков, и позволив ему касаться тёплыми лучами только открытых лодыжек. Услышав шаги, она обернулась и приветливо улыбнулась:

– Мари.

– Елизавета, – вновь подошедшая дама учтиво кивнула, приближаясь.

Сидящая вполоборота женщина проводила её взглядом, но поворачиваться и прятать под стол вытянутые к солнцу ноги не стала, побудив собеседницу выдвинуть стул и принять аналогичное положение. Со стороны действие это выглядело как комичное шпионское свидание, разыгрываемое по привычке исключительно для самих себя, а никак не для отсутствующего окружения.

– Вы, наверное, очень заинтригованы, почему вдруг я назначила встречу?

– И заинтригована, и немного обескуражена, и одновременно польщена, – Мари не замечала, но говорила уже с приличным акцентом, что показалось леди напротив крайне забавным. – Вы – одна из самых уважаемых женщин современного мира. Быть вызванной к вам на аудиенцию, пусть и тай-

но, чертовски интересно! Независимо от того, какое предложение придётся услышать.

– Как думаете, какой повод заставил меня сюда прилететь?

– Наверное, ситуация с вашим сыном? Будь я на вашем месте, то у меня, как у матери, не было бы более важных мыслей в голове.

– У вас нет детей? – Елизавета посмотрела вбок, слегка сощурившись, и заметила скорбно опущенный вниз подбородок собеседницы.

– Так получилось.

Это было трогательно и побуждало к сочувствию. Она ударила в колокольчик и через сорок молчаливых секунд попросила степенно подошедшего хозяина принести бутылку лучшего сухого вина. В обычный день в обычном месте им было бы достаточно произнести заказ, и робот-официант или дрон доставили бы его. Но это место, по крайней мере сегодня, было аналоговым, без лишних цифровых глаз и ушей. И именно этим оно было ценно! Поэтому, когда хозяин молча кивком подтвердил заказ и удалился, Морякова продолжила ответом на заданный минутой ранее вопрос про причину визита:

– И да, и нет!

Фраза эта была произнесена между делом, с интонацией, призывающей не придавать особого значения словам, но Марри пришлось кончиком языка увлажнить внезапно высохшее

нёбо: «Что ж, похоже, основное блюдо будет на десерт». Елизавета же наконец развернулась к столу и по-деловому сложила руки в замок.

– Простите, но...

– Предлагаю перейти на «ты».

– Хорошо. Прости, но я, вероятно, заставлю тебя вспомнить то, о чём ты вспоминать не любишь. Как эта информация попала ко мне – не спрашивай. Видит бог, это произошло случайно, буквально несколько дней назад. Но, – Елизавета замедлилась и для храбрости отхлебнула вина. – Но я знаю, что ты была знакома с моим покойным мужем и с Ренатом Ямбом одновременно. И ты, – она посмотрела на собеседницу молящими глазами, – можешь пролить свет на то, что же произошло тогда на самом деле.

Перед тем как ответить, Мари чуть заметно заёрзала на стуле, будто наседка, устраиваясь поудобней на кладке яиц, и устремила взгляд на распостёртый перед ними заказник.

– Что ты хотела бы от меня услышать?

– Правду!

– Ха! – Мари поморщилась и одновременно на мгновение горделиво задрала подбородок вверх. – Правда ранит!

Она замолчала, смотря вдаль так долго и отстранённо, что Елизавету это уже начало раздражать.

– Давай начнём с того, чего я не могу понять. Почему об их связи через тебя не узнало или не захотело говорить следствие?

– Не знаю, – соврала хозяйка рыжих волос, не желая раскрывать свою главную карту, и издала издевательский смешок. – Похоже, хреновое было следствие.

Собеседницу такой ответ явно не устроил, но, чтобы пресечь последующие неудобные вопросы, Мари решила форсировать разговор, по-новому сменила выражение лица на серьёзное и развернулась к столу:

– Давай сразу закажем побольше вина. История будет долгой!

Пока они ждали, совместными усилиями допили первую бутылку и несколько раз то вопросительно, то настойчиво посмотрели друг другу в глаза.

– Что ты обо мне знаешь?

– Не более того, о чём уже рассказала. Разве что...

– Что?

– Что ты уехала из страны за несколько дней до убийства Андрея.

– Было такое! Но смею тебя заверить, это не более чем случайность. Отъезд я планировала долго.

– Почему?

– У меня было отличное своё дело, которое к тому моменту себя исчерпало, стали появляться проблемы.

– Из-за Рената, на которого ты работала?

– И да, и нет! – передразнила Мари, и лёгкая улыбка собеседницы показала, что укол засчитан. – Ренат Ямб был одним из основных моих клиентов, мы сдружились, исключи-

тельно на профессиональной почве. Он поставлял мне уникальные технологии, которые на рынке не купишь, и это делало мой бизнес конкурентоспособным, – Рыжая раздосадовано покачала головой, – крайне конкурентоспособным! Поэтому, когда у него заблокировали счета, у меня тоже начались проблемы. Но тогда мы, то есть Россия, благодаря отсутствию жёсткого регулирования, законодательных и этических запретов, были технологически на шаг впереди. С таким опытом в успехе своего дела на новом месте, в Европе, я не сомневалась.

Елизавета Морякова слегка отодвинулась и снова вытянула ноги, подставляя лодыжки тёплым лучам солнца:

– Сложно было?

– Устроиться тут? Нет! Поштормило, конечно, побросало по странам, но я заранее знала, что хочу жить на средиземноморском побережье, поэтому на север не мигрировала. И мои желания в итоге материализовались именно тут.

– Повезло тебе с замужеством!

– Не спорю! – ответила Мари весело, так как не смогла расшифровать интонацию, с которой фраза была произнесена: то ли сарказма, то ли зависти, то ли вызова.

– Окей. А как ты познакомилась с моим мужем?

– Я брала у него интервью после марша. И потом прислала пару раз смайлы.

– Так это была ты?

– Не знаю, что имеешь в виду, но, наверное, да!

– Для кого это делалось? Ты ведь не по своей инициативе пришла говорить с ним.

– Правильные вы вопросы задаёте, госпожа Морякова! – Рыжая на секунду откинулась на спинку кресла и направила выставленный указательный палец в сторону собеседницы. А потом придвинулась и, резко наклонив бутылку, налила себе полный бокал. – И это интервью, и многое другое, невидимое для вашего мужа, я делала по поручению Рената Германовича Ямба!

Последние три слова она отчеканила.

– В смысле?! – Елизавета была удивлена. Даже ошарашена, о чём ясно говорили устремлённые на собеседницу расширенные глаза и застывшие вдруг руки, которые до этого методично сворачивали салфетку.

– Ну, давай по порядку. Ты помнишь, из-за чего у Рената Ямба были заблокированы счета?

– Конечно! Я протокол того заседания прочитала полностью раз десять. Ему инкриминировали коррупцию, вернее, участие в коррупционной схеме.

– На чём было основано решение судьи Мустаева?

– На показаниях бухгалтерши, которая рассказала о наличии схемы вывода средств.

– Во-о-от! – Мари дёрнула рукой, так что часть вина выплеснулась на плетёную скатерть, а наброшенная на пятно салфетка тут же напиталась живительной влагой. – Вот! Эффектно у прокурора получилось, согласись? Всё равно что

принести пробитый снарядом кусок фюзеляжа на трибуну ООН и выставить напоказ. Даже у непредвзятого судьи не оставалось шансов. Вот только это была не вся правда. Как бы Елену Владимировну ни пугали, истину она всё равно не сказала. «Научные исследования Рената» – это не про коррупцию, нет! Генерал Лазорев, конечно, своё получал... насколько я знаю, через специальных лиц в Банке России, которые вычищали следы транзакций в системе платежей. Но НИР были личными средствами Рената Ямба, и расходовал он их на совсем другие цели!

– Откуда ты знаешь? – настороженно спросила Елизавета.

– Да я их сама у Елены Владимировны из кассы получила! – Мари со смехом снова резко откинулась на спинку кресла и подняла вино под тоненький искрящийся луч солнца, пробившийся через небольшую щёлку в плетёной крыше. – Я и Влад, и другие люди. Хорошие были времена!

Она осушила бокал до дна и тут же наклонилась налить новую порцию. Елизавета же в задумчивости поднялась, собираясь пройтись, но тут же озвучила вертящуюся в голове мысль:

– погоди! Ничего не понимаю! Ты, пиарщик, берёшь деньги и встречаешься с моим Андреем...

– Да-да! – ухмыльнулась она. – Ренат Ямб – это тот, кто запустил политическую карьеру твоего мужа!

От этого признания Мари почему-то сделалось невероятно грустно. Она подпёрла голову рукой и, подкручивая бо-

кал, стала смотреть на танец жидкости в нём. Собеседница любовалась простором за крошечным парапетом. Ей потребовалось полторы минуты на то, чтобы осознать и принять. И всё это время казалось, что природа вокруг звучит тихой мелодией Morcheeba:

And the night that you got locked in
Was the time to decide
Stop chasing shadows
Just enjoy the ride.

Затем Елизавета медленно подошла, села за стол и взяла руку Мари в свои ладони.

– Прости, прости, что заставила тебя всё это вспоминать! Я чувствую, что мы с тобой практически сёстры, обе одинаково раненные этой судьбой. И я, и ты, как говорили во времена моего пубертата, «прохавали эту жизнь по полной». Андрей был замечательным человеком! Наивным – да! Но он верил в людей, в светлое будущее, которое будет создано их руками.

– Ренат тоже.

Обе замолчали, погружившись в воспоминания. Солнце тем временем миновало зенит, оставив земле раскалённую атмосферу и удушающий зной. Маурисио, хозяин ресторана, сидя в тени патио, откуда через два приоткрытых окна можно было подглядывать за верандой, промокнул полотенцем

вспотевший лоб.

Из оцепенения первой вышла Мари и двадцать секунд украдкой наблюдала за сидящей с закрытыми глазами собеседницей. Ей показалось, что у той даже проступили слёзы.

– Ты думаешь, почему он решил взять пистолет?

В ответ последовал короткий кивок, и Рыжая теперь сама по-дружески взяла ладонь Елизаветы в свои руки:

– Можно только гадать. Но... представь себя на его месте. Ты вкладываешь всего себя в дело, к которому лежит душа, а оно тебя предаёт. Жестоко предаёт, касаясь самых родных – мамы и сына. Думаю, не проблема с бизнесом, а именно это стало последней каплей, триггером.

– Он правда был хорошим человеком?

– Ренат? Да! – когда собеседница взглянула на неё, Мари принялась часто утвердительно кивать.

– Всё равно не знаю, смогу ли его простить.

– Сомнение уже о многом говорит.

– Да, пожалуй. Хотя пока это, скорее, сочувствие.

Они выпили ещё. Понимая, что тропинка разговора скоро должна привести к другой теме, о которой было вскользь упомянуто вначале, Рыжая приготовилась чуть смягчить потрясение, но Елизавета её опередила:

– Хорошо хоть его сын тогда выжил.

– Да. Не сказать, что те события совсем не оставили отпечатков на его внешности, но, насколько я знаю, Ваня вырос и неплохо обустроился в своём инвалидном кресле. Техноло-

гиями занимается или вроде того, причём вполне успешно.

Теперь уже внутри черепной кости Елизаветы внезапная мысль-догадка зажглась и погасла короткой вспышкой, оставив засечку «подумать позже». А вот памятке Рыжей уже пришёл черёд: томление и неопределённость выжигали изнутри с самого начала разговора, а изрядная доза алкоголя добавила смелости.

– Прости, но я не верю, что ты только за этим сюда приехала.

– Сказать по-честному, я тоже не верю! По мне, так этого разговора было бы достаточно!

– Но я настаиваю!

– Ох... настаивать надо спирт на ягодах, – сказала Елизавета с интонацией глубокого сожаления и исподлобья украдкой метнула взгляд на собеседницу. – Ладно! Видимо, сегодня день признаний. Давай я верну тебе вопрос: что ты знаешь о своём муже?

Мари внутри почему-то готовилась к другому продолжению, произнесённая фраза оказалась совсем неожиданной. Не успев обдумать, она лишь переспросила в ответ:

– Джани?

– Да! – Елизавета выпрямилась и взяла узды разговора в свои руки, что однозначно выдали холодные, уверенные нотки в голосе. – Я пришла отплатить равной монетой за оказанную услугу, за правду. Как жаль, что здесь нет ничего электрического, – она разочарованно обернулась по сторонам. –

Ни одного экрана! В общем, не буду ходить вокруг да около! Судя по заголовкам, которые я видела, Джанфранко Бести стали подозревать в причастности к аварии моего сына.

– Как?! Каким образом?!

– Ты не в курсе?

– Нет! – расширив глаза и сделав жест руками, откристилась Мари.

– Ну слава богу! – явно с облегчением выдохнула Елизавета, поверив в искренность ответа, потому что уже сама этого желала, проникшись близостью к этой сверкающей кудрями женщине. – Боюсь, что очень скоро вся сила общественно-го обвинения падёт на Джанфранко. Я не особо пока этому верю. Мне не известны ни обстоятельства, ни его роль, а совесть не позволяет просить тебя копать, искать подтверждения или свидетельствовать против мужа. Я пр...

– Отчего же! – вдруг наперекор, пусть и немного задумчиво, произнесла Мари. – Я, конечно, не рада такому повороту событий, но... но, чёрт побери, я помогу! В память о моём друге и твоём муже, конечно же!

– Спасибо! Спасибо! – Елизавета опять по-дружески взяла и сжала её ладони. – Боже, как мне хочется, чтобы мы впоследствии не стали из-за всего этого враждовать!

– Ха! Конечно! Кому нужны такие могущественные враги? Мне точно нет! Окей, значит, я завербована? Как передать, если что-то найду?

– Можно через салон.

– Ясно! Так! Извини, но мне пора бежать!

С этими словами Мари торжественно ударила в стоящий на столе звоночек, призывая единственного их соучастника засвидетельствовать окончание беседы.

– Ещё увидимся, подруга! – хозяйка рыжих кудрей на прощание подмигнула Лизе и, махнув рукой, вышла нарочито лёгкой и быстрой походкой.

Она учтиво поклонилась встреченному в проходе Маурицио и, проскочив патио, оказалась наконец на свободе. Мысли в голове поначалу крутились разные, но одна оказалась настойчивее других настолько, что даже была произнесена вслух, как будто разговор продолжался:

«Увидела заголовки новостей раньше моей системы? Очень странно, подруга! Очень странно!»

Глава 17

Бести едва спустился с трибуны, как к нему тут же подбежал Джен – европеизированный два поколения назад китаец, приставленный фракцией, чтобы координировать все протокольные мероприятия и работу личных служб босса. Джанфранко, конечно, видел, что помощник уже минут сорок проявлял крайнюю нервозность и звал выйти, но потакать личным делам в ущерб ходу пленарного заседания не было в привычках опытного политика – такое поведение вызвало бы лишние вопросы. С невозмутимым лицом он в который раз дождался окончания.

– Ну, что такое?

– Срочно в кабинет!

Джен с такой настойчивостью и так бесцеремонно подтолкнул его в поясницу, что у Бести даже сбился шаг, зато серьёзность ситуации сразу стала очевидной. По дороге, лавируя по коридорам и с силой отворяя двери, невысокий юркий китаец даже вслух начал отчитывать шефа: «Столько времени потеряли, столько времени! Что, нельзя было попроситься в туалет? Придумали бы повод. У меня руки устали махать». В конце концов чаша терпения босса переполнилась, и, проходя в последнюю открытую дверь, Бести бросил по этикету уступающему дорогу помощнику: «Заткнись уже, экспат!» Тот отвернулся – их нелюбовь была взаимной.

Кабинет был глухой, с полностью непрозрачными стенами. Это вселяло тревогу, потому что, согласно давно принятой директиве, все помещения политического корпуса рекомендовалось делать с как минимум одной прозрачной перегородкой, чтобы было меньше секретов и подковёрных игр. Директива так и называлась: «Прозрачная политика». Хотя всем было понятно, что это бутафория: значимые обсуждения в этих стерильных кабинетах и так почти никогда не проводились.

В четырёх непрозрачных стенах сидели трое: герр Марк Шаульберг, непререкаемый и неприкасаемый многолетний секретарь фракции, вроде кардинала Войелло из «Молодого Папы», знающий все секреты поголовно любого из политических деятелей; Джули – высокомерная начальница пиар-службы Европарламента и приглашённый молодой человек в чёрном по имени Гжиштаф – как оказалось, один из главных экспертов по информационной безопасности.

– Начну я! – размахистым движением рук герр секретарь опередил других собравшихся. – Джанфранко, ты знаешь, я тебя безгранично уважаю. Надеюсь, ты отнесёшься с пониманием и надлежащей серьёзностью. Этот вызов брошен всем нам, и только сплотившись, мы сможем минимизировать потери.

Он вытер мгновенно вспотевший лоб рукавом сорочки. Будь рядом скатерть или гардины, в ход пошли бы они, но к счастью, таковых не оказалось. Уловив мановение руки

начальства, в свойственной ей манере всё оценивать через призму эго продолжила Джули:

– Нет, это, конечно, беспредел! Я давно ожидала какого-нибудь выпада, но не сейчас и не в вашу сторону, господин Бести. Вы ведь апологет идеи этих русских... Обвинять вас – это совсем ни в какие ворота не лезет! На что они рассчитывают?!

Поток слов остановил взгляд из-под густых бровей Марка Шаульберга. Подопечная сложила руки на столе и продолжила по существу:

– Мы обнаружили необычную активность, господин Бести, направленную против вас. А именно – посты в соцсетях...

– Больше тридцати двух тысяч! – кивнул человек в чёрном.

– Эта волна пока не дошла до новостей официальных СМИ, только до пары третьесортных региональных по всему миру. Но непременно дойдёт! И мы должны быть готовы!

– Вот ты змея! Суть сказать не можешь?! – секретарь нервно оборвал речь, указывая подопечной её место, чего за ним обычно не замечали, а потом обратился к Джанфранко. – Тебя, друг, обвиняют в организации покушения на этого русского, Даниила Морякова, по заказу углеводородного лобби. То, что это ложь, никого не волнует. Если же это правда и каким-то образом покушение прошло мимо меня, то ты – гораздо более сумасшедший и опасный игрок, чем я думал.

В любом случае нам надо защищаться, как бы ситуация ни развивалась дальше. А развилка у неё, чёрт побери, множество. Джули, что скажешь?

– При негативном сценарии дело может пойти по модели харассмента, которую применяли тридцать лет назад, в период первой деградации институтов власти. Но сейчас общество другое, сейсмоустойчивое. Сомневаюсь, что оно будет требовать от суда исполнения воли толпы поверх законов, а суд вряд ли станет ей потакать. Я бы сделала упор на противодействие на легальном поле, доказательстве своей непричастности. Если, конечно, она есть.

Джанфранко, до этого пытавшийся осознать масштаб проблем, недоумённо посмотрел на обоих:

– То есть вы допускаете, что это сделал я?!

Ответа не последовало, как будто он и не задавал вопроса. Джули продолжила, не сделав паузы, не меняя тона и скорости речи:

– Многое зависит от того, кто за этим стоит. Гжиштаф?

Человек в чёрном медленно поправил очки:

– Я не могу подтвердить на 100 %, что это дело рук одного человека или организации. Мы не нашли первоисточника: сообщения в течение пяти дней постились и репостились на всех континентах одновременно. Даже из Патагонии и с береговой зоны Земли Франца-Иосифа, обжитой после таяния. С другой стороны, при отсутствии первоисточника и прокрутки через механизмы новостных агентств насторажи-

вает масштаб распространения. Не могло оно вот так спонтанно прийти всем в голову одновременно! Мы связались с несколькими более-менее известными блогерами из тех, что репостили контент – нет, никакой проплаты не было. Но пара из них после этого удалила свои вполне успешные посты. Такая лёгкость расставания наводит на мысль, что это изначально был не выношенный авторский контент. А подобный вывод, в свою очередь, подталкивает нас к мнению, что идею с псевдо-вирусным контентом провернул кто-то крайне мощный в техническом плане, умеющий не оставлять следов.

Марк Шаульберг на секунду завис, смотря как будто сквозь коллегу-безопасника:

– Столкнуть нас с русскими... Кто это, по-вашему, может быть?

– Это очень высокий уровень технологий.

– США? В принципе, могут тестировать какую-нибудь новую схему давления в рамках своего Билля о возврате доминирования.

– Африканский нефтяной консорциум, – перебил их Джанфранко, – мог дорасти технически. После того как они по запасам и добыче обогнали Ближний Восток, для них, как лидеров, инициатива русских наиболее опасна. Ещё... ещё кто-нибудь в Малайзии мог подсуетиться в пику навязанной Индией и Китаем зелёной идеологии. Много, много кто...

Тирада эта со стороны выглядела крайне обречённо. Под-

тверждая своё внутреннее состояние, Бести склонил голову и покачал ею из стороны в сторону, потому босс снова взял слово:

– Не скисай! Мы должны отвечать, и мы ответим! От имени Европарламента и от имени единой фракции! Джули, готовьте коммюнике! А ты, друг мой, – он придвинулся к столу и сложенными руками, словно боевым клином, указал в сторону политического соратника, – ты крепись и не поддавайся на провокации! Помни: за твоей спиной огромная машина, способная и защитить тебя, и покарать обидчика.

Он огляделся, как бы спрашивая, не хочет ли кто дополнить. Все промолчали.

– Тогда всё, расходимся! Действуем по обстоятельствам! По этому вопросу я на связи двадцать четыре часа в сутки. И очень прошу, – Марк Шаульберг поморщился, будто открыл банку изысканного сюрстрёмминга, – давайте помнить о конфиденциальности! Я за двадцать три года многое повидал и не собираюсь на старости лет снова марать руки в вашем личном дерьме!

Свой спич он произнёс уверенным приказным тоном, хотя сам, сказать по правде, сильно сомневался. Опыт подсказывал, что титанические усилия и ресурсы, необходимые для спасения одного утопающего Бести, гораздо разумнее потратить на новую, так нужную партии, кровь. Имена этих пятерых молодых политиков герр Шаульберг более двух лет носил в голове. Но сейчас от него требовалось быть ведущим,

а не ведомым. Поэтому фразы сопровождали демонстрация харизмы, уверенный голос, показ силы короткими движениями рук.

Все кивнули.

* * *

Остаток дня Джанфранко Бести занимался много чем, но только не своими прямыми обязанностями. По пути домой он практически весь полёт судорожно прокручивал ленту поисковика из 167 981 записи с упоминанием его имени. Свет экрана троился отражениями на боковых стёклах коптера, сдавленных и поддерживаемых снаружи плотной, практически осязаемой темнотой. Солнце до поры до времени оставило этот мир.

«Интересно, почему не сигнализировала система Мари, которой она всегда так гордилась?» – с этой мыслью он прислонился виском к стеклу и тут же маленьким островком кожи ощутил весь холод окружающей действительности.

* * *

Вернувшись домой, Мари весь вечер потратила на поиск и анализ упоминаний имени мужа в сегментах всемирной паутины. Волна зарождалась огромная – настолько, что, осознав

её масштаб, наша героиня даже довольно поморщилась, ей нравилось иметь дело с глобальными катаклизмами.

Она разделась до нижнего белья, налила себе бокал и в расслабленной позе, вполоборота откинувшись на спинку рабочего кресла, более полутора часов следила, как на карте размером во всю интерактивную стену кабинета на втором этаже программа зажигала точки событий и пыталась найти среди них закономерности, протягивая тысячи дрожащих разноцветных усиков связей. Время от времени Мари давала алгоритму команды, корректируя и направляя его работу в нужное русло.

Наконец, движение закончилось, и на экране застыла любопытнейшая картина: соединённые тончайшими нитями в хронологическом порядке публикации заполнили практически всё пространство карты, переливаясь сонмом цветов и оттенков. Но хозяйку что-то заинтересовало. Подойдя ближе, она пальцем, вытягиваясь и приседая, попробовала очертить пару проложенных алгоритмом треков, а затем отошла и, после небольших раздумий, скомандовала:

– По дням!

Цвета на экранах стало заметно меньше, зато начали проступать отдельные линии треков.

– По шесть часов!

Виток, ещё виток... Второй день, третий, пятый. Линии треков очевидно закручивались – не все и не всегда, но в целом наблюдался эллипс, вытянутый и деформированный эл-

липс, солнцем, центром вращения которого была старушка Европа, а точнее её восточная часть.

– Вот вы и попались!

Мари самодовольно и ехидно улыбнулась. Такие завихрения означали, что человек или программа, которую этот человек обучил, представляли себе мир в виде привычной для Европы карты мира – не австралийской с небольшим континентом в центре бескрайних водных просторов; не американской, сжимаемой с двух сторон Россией, что со школьной скамьи создавало в умах заокеанских школьников ощущение главного геополитического конкурента; а именно европейской проекции Меркатора, разрезанной на краях по Берингову проливу.

Уставшего Джанфранко она встретила загадочным и манящим силуэтом в светящемся окне второго этажа, с обнажённой грудью и вальяжно выставленным вбок бокалом.

– Не переживай, дорогой! – Мари обвила его шею руками и перехватила задуманные слова страстным поцелуем. – Я всё знаю. Мы справимся! Пойдём! – и она, закусив губу, поманила его в спальню.

Глава 18

В прошивке дронов, конечно же, ничего не оказалось. Глупо было уповать на то, что враг станет действовать так размашисто, рискуя наследить в официальных каналах, где, помимо собственной безопасности, «паслись» охотники – авторизированные персонажи, зарабатывавшие на анализе потоков, поиске уязвимостей и инцидентов.

На стенде Альберт, Дэн и Олег двигались медленно и планомерно, протоколируя каждый шаг. Испытания проводились двадцать четыре часа в сутки. Собрат погибшего дрона, словно заарканенная птица, был стальными канатами притянут к многотонному бетонному основанию ангара – для чистоты картины команде потребовалось, чтобы он мог переходить в режим полёта, под управление лётных систем и датчиков, поэтому отрываться от земли ему позволяли.

Начали с небольших уязвимостей программного обеспечения, обнаруженных военной лабораторией. Однако никаких критических отклонений во французской навигации и российском машинном зрении найти не удалось. Затем стали проверять аппаратные блоки, воздействуя на них по очереди различными средствами. Но все карты спутали неожиданные новости.

На пятый день, с появлением в СМИ обвинений в адрес Джанфранко Бести, со всех сторон посыпались запросы и

требования пролить свет на это обстоятельство. На срочно собранном заседании Комиссии генералы, сколько команда ни сопротивлялась, решили бросить все силы и в первую очередь всесторонне проверить итальянский блок рекуперации энергии, исключительно по причине наименования страны. К несчастью для производителя данного агрегата, спустя несколько дней экспертиза подтвердила возможность выключения всего питания дрона через этот элемент путём перегрузки из-за практически мгновенного разряда основных батарей с максимальной силой тока и пробоя основных и дублирующих конденсаторов в системе контроля.

Только возможность, микроскопическую вероятность! Но миру этого было достаточно. Посыпались обвинения, начались расследования.

Других объяснений трагедии пока не было, и генералы взяли на вооружение именно эту версию, стали раскручиваться за её счет. Как показало время, всех такое решение удовлетворило, и финансирование впоследствии сократили. Дошло до того, что даже несколько членов сдружившейся рабочей группы уверовали в эту версию.

Рыжов рвал и метал. На собрании инженеров он брызгал слюной и грубо выражался о людях в форме:

– Нашу диспозицию это не меняет! – развернулся на триста шестьдесят градусов, по очереди взглянув на каждого участника. – Даже если мы её нашли, в чём я очень сомневаюсь, так как нет следов перегрузки на платах, это лишь при-

чина аварии, часть пазла. Если она, эта команда, была кем-то отдана, то мы должны понять другую, криминальную сторону – кто и как транслировал её на коптер!

Они, как положено профессионалам, совместно решили работу продолжить, пока истина не будет найдена. Тем не менее ушли ещё несколько человек, помимо тех, кого сократили с финансированием. Михаил с Рыжовым сами залезали в тяжёлые погрузочные экзоскелеты, передвигали громоздкие детали на стенде и выравнивали коптер после тестовых взлётов.

Время шло.

* * *

Для Джанфранко Бести время, наоборот, летело быстро и неумолимо. От надоедливых репортёров можно было скрыться только в потайной непрозрачной комнате на работе, да в стенах своего дома – слава богу, на пролёты над частными владениями на высоте менее тридцати метров без разрешения хозяина был наложен строжайший запрет, грозивший владельцу дронов однозначной уголовной ответственностью. Однако и тут находились отдельные смельчаки с незарегистрированными машинами. Так что приходилось быть начеку.

В общем, оптимизма не добавляло ничего! Поведение герра Шаульберга, несмотря на явно запущенные им ше-

стерёнки защитного механизма, казалось каким-то отстранённым. Гжиштаф не давал никакой конкретики, сетуя на невидимое щупальце-пылесос какой-то мощнейшей организации, которое как будто засасывало весь оставленный от размещения публикаций мусор. «Кто-то всё время на шаг впереди», – говорил он, прищуриваясь, а затем снимал очки и протирал стёкла салфеткой, словно это могло позволить ему разглядеть скрытого врага.

Джули непрерывно давала интервью от лица Парламента, сдерживая пересуды и сплетни, и каждый раз, встречая Бести, смотрела недовольно, презрительно.

* * *

Мэй в эти дни несколько раз ездила к маме – её вот-вот должны были вывести из медикаментозного сна; девочка говорила с ней и ласкала руки. К кувезу Даниила не приближалась – страшно! Лишь пару раз украдкой бросила взгляд в сумрачную комнату.

У бабушки была куча дел, включая инициированное генералами международное расследование, поэтому она быстро утаскивала внучку из клиники обратно в своё логово, где Мэй сидела перед экранами, изучая плоды их совместной деятельности.

Van не подавал признаков жизни, исчез, но в душе она чувствовала, что друг где-то тут, близко, незримо. Он и

вправду был рядом – день и ночь напролёт буквально под носом ищек заметал следы, отслеживал, дискредитировал и стирал предположения, которые могли привести к Моряковым. Пальцы его носились по виртуальной клавиатуре с такой скоростью, что казалось, вот-вот вспыхнет огонь или пойдёт волной разогретый пластик. Его маленькие цифровые пташки свили крошечные гнёзда в ветвях всемирной паутины и теперь сообщали хозяину обо всех нужных ему событиях.

Нанятые Европарламентом офицеры информационной безопасности и не подозревали, что сражаются не с мощной организацией, а с одним человеком в инвалидном кресле и сонмом крошечных, с виду безобидных, частичек кода. Так что война их была больше похожа на борьбу с ветряными мельницами, тем более что для придания себе важности отчитывались они о грозном враге.

* * *

Так продолжалось недолго. Бомба общественного мнения взорвалась, когда комиссия, занимающаяся расследованием аварии под Москвой, заявила о возможном использовании злоумышленником итальянской системы рекуперации энергии. Вечером того же дня под Миланом в заходящий на посадку ярко-красный дрон в четырёх метрах над землёй прилетел «коктейль Молотова». Не знающая боли машина около

двадцати секунд приземлялась среди созданных лопастями огненных смерчей, выжигающих всё вокруг вместе с кислородом. Потерявшего сознание и получившего сильные ожоги главу концерна – производителя множества механизмов, в том числе систем обратного накопления энергии, доставили в госпиталь с распахнутыми от ужаса глазами.

Следующим утром Джанфранко Бести впервые забрали в участок. Выезжая из дома в машине полиции, он заметил огромную выведенную второпях размашистыми движениями мазутную надпись на внешней стороне забора: «Assassino di olio». Похоже, дом ночью защитили от вандалов исключительно размеры участка. Осознав это, Джанфранко впервые испугался за собственную жизнь.

* * *

– Идиоты! – ударом ноги со всей силы Бести сломал переднее сиденье старого бизнес-седана, на котором герр секретарь забрал его из участка, даже не подозревая, каких баснословных денег стоит каждая деталь этого ретроавтомобиля.

Марк Шаульберг крайне недовольно посмотрел на вспыльчивого коллегу, но тон речи сдержал:

– Успокойся, друг! Уж кому-кому, а тебе точно надо сохранять лицо! Помни это каждую секунду!

Бести помнил – и когда его взяли под круглосуточную

охрану, и когда выскочка Энн Кравиц из второсортной фракции с трибуны потребовала привлечь «старого поборника корпораций» к ответственности. И когда спустя пятьдесят девять длинных часов после прокатившейся по всему миру волны протестов против всё ещё мощного нефтяного лобби его во второй раз забрали в участок.

Глава 19

В день, когда запущенная огненным дроном волна протестов в третий раз вместе с солнцем обогнула земной шар, случилось неожиданное.

Весь мокрый от пота, Михаил Моряков вылез из погруженного экзоскелета и кулаком толкнул друга Рыжова, копавшегося в чреве заарканенного дрона:

– Слушай, я пойду! Сегодня Лера просыпается, я должен познакомиться.

– Спроси про устройства.

– Хорошо! Если получится.

Ему нравилось, что мама наконец поверила в неслучайность аварии и запустила расследование на высшем уровне. Он был даже польщён, потому что частично приписывал эту заслугу себе: «Миша хороший! Миша молодец!» Политик Бести подходил на роль преступника, но, так как на первых допросах он все обвинения отверг, причастность его требовалось доказать или опровергнуть опытным путем. Поэтому тесты продолжались.

И вот несколько дней назад в курилке невзначай прозвучал важный вопрос. Тучный техник Салатов, держа сигарету замасленными пальцами, процедил:

– Так, может, у них какое-нибудь устройство с собой было, чтоб сигнал передать вблизи?

А ведь правда могло быть? Эту версию не стоило исключать, хотя среди хранящихся в сейфе личных вещей, найденных на месте катастрофы, ничего подобного не регистрировалось. Выяснить правду можно было только одним способом, и, к счастью, Лера как раз просыпалась от своего двухмесячного сна.

Приняв душ и одевшись по форме, Михаил в последний момент вскочил на подножку отбывающего пассажирско-грузового дрона и спустя сорок минут уже стоял перед входом в вестибюль гигантского госпиталя. Надеялся пересечься с мамой, которая, как ему было известно, посещала палату брата именно в послеобеденное время, но её не было – видимо, появились какие-то срочные дела. Так что нашему герою-военному пришлось идти одному, без поддержки, а ведь надо признаться, на душе было не по себе! Даже страшно, чего Михаил от себя совсем не ожидал!

Лера проснулась и прошла все итоговые обследования ещё утром, но врачи сказали ждать.

Он долго стоял перед дверями, отделявшими от окружённого полной стерильностью кувеза, так долго и так пристально смотрел, что в конце концов из глаза вытекла концентрированная слеза, способная горечью своей прожечь не один слой мироздания.

– Брат!

Позвали. Стена за спиной Леры светилась зелёным, от этого казалось, что и сама пациентка отдаёт то ли мятой, то

ли запахом свежескошенного весеннего луга. Он медленно приблизился и с полминуты разглядывал лицо в ореоле расплетённых густых пепельных волос, не решаясь разбудить.

– Не бойся, – вдруг донёсся шёпот.

– Ты... ты не спишь?! – удивился Михаил, перешагнув через низкий табурет, стоящий неподалёку от койки, чтобы сесть. – Меня зовут...

– Я знаю, кто ты! Подглядела, – в ответ последовала усталая улыбка. – Вы похожи.

С этими грустными словами Лера переложила голову на другую сторону, чтобы надолго замолчать. Когда же она повернулась обратно, глаза её были открыты.

– Как он там?

Михаил Моряков набрал было полную грудь воздуха, но раздосадованно склонился и выдохнул всё без остатка.

– Спасибо, – тихо донеслось с кровати. – Это самая честная оценка из тех, что я слышала.

– Ты слышала?

– Да, многое! Слышала врачей, слышала Елизавету, но особо ярко – как приходила дочь, касалась меня... Как у неё дела? Всё хорошо?

– Да! – закивал гость. – Она вроде делает большие успехи. Мама говорила.

Лера посмотрела с упрёком:

– Мало общаетесь?

Михаил, покачав головой из стороны в сторону, кивнул.

– Дурак! – произнесла она как-то удивительно тепло. – Когда их не станет, ты будешь сокрушаться об упущенных минутах.

Светодиод замигал красным, прорезав воздух предупредительным писком. Лера дёрнулась.

– Ты в порядке? – насторожился гость.

– Да! Это мои детки меня лечат, – она показала рукой на карту тела за собой с обозначенными очагами работы роботов и концентрации наноразмерных носителей лекарств, – но иногда слишком усердствуют!

Пациентка стиснула зубы и зажмурилась, очевидно, терпя боль. Тут же вбежала медсестра в сопровождении робота-няньки, дежурившего у входа:

– Проснулись! Отлично! У вас осмотр через минуту.

Михаил встал, освобождая место, потому что одновременно со словами сестры вошли врачи и после небольшого обсуждения спроецировали слева голограмму поясничных позвонков пациентки. Покрутили изображение в разных плоскостях, наложили поверх карту роботов, стали обмениваться мнениями, а затем вводить на экранах команды.

– Я, наверное, пойду.

– Ты же не просто так пришёл. Хотел что-то узнать? – ответила она уставшим голосом.

– Ах, да, это... у вас с собой во время аварии случайно не было какого-нибудь носимого устройства?

– Нет, зачем?

– Ясно... Ладно, приятно было познакомиться. Выздоровливай!

Михаил на прощание махнул рукой, но не успел сделать и пары шагов, как его догнал ответ – негромкий, но достаточный для того, чтобы расслышать:

– Хотя... постой! Даня вёз в подарок какой-то старинный сотовый телефон. В оригинальной упаковке. Всё говорил, что он точно понравится молодым, потому что это чуть ли не памятник.

– Что за телефон? – изумлённо поднял он брови, развернувшись вполоборота.

– Не знаю, – Лера под одеялом пожала плечами. – С кнопками такой. Финский, что ли... Хотя какое, к чёрту, производство электроники в зелёной Скандинавии?!

– Ну-у-у, – протянул в ответ специалист по связи, вспоминая прошлые доминировавшие по патентам бренды, – не всё так просто! Спасибо!

На прощание он ещё раз помахал рукой и вышел, улыбаясь. Но за дверьми палаты его улыбка исчезла. Преодолевая быстрыми широкими шагами по несколько напольных плиток сразу, Михаил второпях соображал, чей номер набрать первым. Однако его опередил входящий звонок – неожиданно от мамы, так что он на ходу привычным движением коснулся уха.

– Сын, привет! С нами всё в порядке, не переживай.

– В смысле?! – он затормозил, но когда услышал фоно-

вый шум разговора, суету и вой сирены, изменился в лице и остановился как вкопанный. – Что случилось?

– А, ты не знаешь? – удивилась Елизавета Морякова, как будто за пятнадцать минут ему уже должны были доложить.

Говорила она через паузы, переводя дыхание, да ещё, как назло, пропадала связь:

– Нападение... взрывное... цела.

Внезапно качество сигнала наладилось:

– В общем, это явно против меня. Не задержись я с Виктором Иосифовичем в дверях, пострадала бы. А так только ребят задело, дай им бог здоровья! Женя уже второй раз попадает под раздачу.

Михаил выпрямился и набрал воздуха в грудную клетку:

– Значит, на Даньке не успокоились!

– Похоже на то! – неожиданно поддержала Елизавета.

Наш герой от злости засопел по-бычьему.

– Так! Сидите дома! Хотя нет, дома тоже опасно. Короче, я организую.

– Ты только аккуратней, сын! – сказала она. – Не переусердствуй!

– Ты меня знаешь!

– В том-то и дело.

Закончив разговор, Михаил так сильно пнул колонну на входе, что чуть не сломал большеберцовую кость. Затем усилием воли выправился и размашистым, строгим шагом дошёл до кабинета лечащего врача Леры, где рассказал всё как

есть.

– Вы только ей не сообщайте. С дочкой всё в порядке, а об остальном переживать ей пока не нужно.

– Конечно-конечно!

Увидев в глазах врача искренность, человек в форме вышел на улицу и снова снял с души ограничитель.

Рассвирепел он не на шутку! Для начала были пристрас-тно опрошены работающие в ангаре. Потом работавшие. Михаил поднял на уши все службы, чем вызвал крайнее недо-вольство генералов и получил пару вызовов на ковёр. Но Дмитрий Анатольевич снова выступил великим уравни-телем и сгладил острые углы, хотя нашему подопечному каж-дый раз казалось, что уж этот случай – точно последний!

Не нашли, даже с полиграфом и новейшей машинкой ви-зуализации воспоминаний. Так как следов внутри не обна-ружилось, разумно решили шерстить внешний контур. Под-собил Джалоев – однокурсник, доросший до командира ре-гиональной военной полиции. Бог знает, кого он привлёк и какие методы применил, но организованный им через три локтя чёс принёс плоды.

На пятый день заветный пакет был обнаружен у одного из ликвидаторов аварии из числа низшего состава, передан от начальника отделения полиции в клинское УВД, оттуда – в областное управление в Москве. Заместитель руководителя тут же нехотя, но отвёз в главк лично. Там позвонили воен-ным и проинформировали кого надо. Спустя семь часов, под

конец дня, Джалоев сам привёз Михе долгожданный подарок.

– Реликвия, дон, однако! – восхитился он своим угловатым горным акцентом, когда после крепких дружеских объятий они вместе разорвали сейф-пакет.

Совершивший такое стремительное путешествие, на счастье, не проданный на барахолке, несуразный даже по меркам двадцатилетней давности кнопочный аппарат мог стать ключом ко всей этой истории. Должен был стать!

– Ну а теперь время применить мои знания, – Моряков щёлкнул пальцами.

– Только на отпечатки, дон, не забудь проверить.

Глава 20

28 марта

Мэй поселили в просторной гостевой спальне на втором этаже, из которой открывался великолепный вид на спускавшиеся к озеру макушки гигантских елей. Бабушка, не прекращая возмущаться по поводу решения силовиков упрятать их в дальнюю резиденцию, обосновалась в своих привычных апартаментах на первом этаже, с окнами, выходящими на ведущую от входа аллею. «Мне нечего бояться!» – твердила она охране, демонстративно прохаживаясь вдоль огромных стёкол, и уже спустя три дня прорвала оцепление, снова став выезжать на встречи в город на машине с водителем, потому что тридцатикилометровую зону отчуждения вокруг резиденции сделали бесполётной. Повезло, что Михаил снова чем-то безумно увлёкся, иначе скандала было бы не миновать! А ведь Мэй очень этих скандалов боялась, практически воочию видя, как рвутся связи между близкими людьми, когда они дают волю негативным эмоциям.

Она нашла и притащила в комнату два старых телевизора и установила их на тумбу, подперев книгами – так, что вместе с двумя стеновыми панелями получилось четыре полноценных экрана. Потом полдня подключала и настраивала их по наитию, то и дело жалуясь самой себе на отсутствие лиса и друга в инвалидном кресле. Однако в конце концов про-

вода сплелись как надо, стена вспыхнула светом, Мэй перевернула огромное кресло вниз спинкой и устроилась в нём, словно в защитном коконе, поближе к земле.

Надо сказать, запасную резиденцию бабушка себе отгрохала немаленькую – посмотреть тут было на что! Но Мэй в другие части особняка практически не ходила, довольствуясь своим логовом, кухней и небольшим спортзалом по соседству, где ей приглянулся один велотренажер, согласившийся иногда крутить педали до изнеможения. Она ждала, бесконечно ждала, когда вернётся проснувшаяся мама, с которой из-за взрыва так и не удалось повидаться. Бабушка обещала, что произойдёт это скоро.

* * *

Елизавета Морякова, кстати, как и младший сын, воодушевилась и проворачивала дела с сокрушающим напором и лёгкостью. Организованная ею кампания против итальянского политика и одновременно за референдум набирала обороты, привлекая всё больше и больше сторонников. Маховик раскрутился так, что она даже хотела придержать его, пока не будет результатов расследования по взрыву. Однако тут, как будто специально, из Италии прилетел очередной гвоздь в крышку гроба Джанфранко Бести: Мари передала через доверенных лиц отрывок из аудиозаписи разговора мужа с однопартийцами, который, очевидно, не предназначал-

ся для чужих ушей. «Мы будем тебя защищать, несмотря на всё содеянное», – говорили они в конце.

Последнее использованное ими слово, по природе своей многозначное, в текущем контексте воспринималось исключительно как признание коллегами вины Джанфранко.

Естественно, Елизавета тут же предала запись огласке, и протесты, усмирённые совместными усилиями европейских политиков, вспыхнули с новой силой.

* * *

В тот день, прощаясь, герр Шаульберг из-за своего огромного стола посмотрел пустым, холодным, полным безразличия взглядом, будто бесконечно устал от войны и заранее в душе простился с сослуживцем.

«Утомился, старый? А я – нет!» – ухмыльнулся Бести внутри, но какая-то несогласная жилка под глазом предательски дёрнулась, напомнив хозяину о его реальном душевном состоянии.

Четыре дня назад чёртов взрыв в Москве, пусть и не нанес ни одному человеку серьёзного вреда, за сутки разрушил все отстроенные Джанфранко защитные сооружения. Ничего хорошего не предвещало и участие столь сильного соперника, как Елизавета Морякова, которая получила, фактически, личное приглашение в кампанию по поиску ведьм. С тех пор дела пошли по наклонной. Что делать? Что делать?! Не

желая лететь домой и не имея возможности скрыться в осаждённой радикалами неапольской квартире, он спустился в ресторан и сел поразмыслить за укромным столиком в дальнем зале, подальше от взглядов.

Ситуация складывалась патовая, и хотя в объективности судебной системы он пока не сомневался, всё больше казалось, что на поданные им к ряду СМИ иски о защите чести и достоинства смотрят через призму общественного мнения. Такой расклад ничего хорошего не предвещал.

Выпив залпом первую бутылку ледяного эля, Бести тут же заказал вторую, которую растянул уже на час, задумчиво потягивая глоток за глотком. В нагрудном кармане несколько раз завибрировал телефон спецсвязи, используемый для экстренных случаев: пережиток прошлого, к которому даже нельзя было подключить гарнитуру. Джанфранко старания аппарата проигнорировал – бутылка кислого эля была гораздо более приятным собеседником.

Когда же принесли кольца кальмаров, а третья стеклянная подруга стала аккуратно, без пены, переливаться в сужающийся кверху бокал, в проёме появилось обеспокоенное лицо, затем грудь, а наконец вся Джули:

– Вот вы где?! Мы обыскались!

Подскочив, она выхватила из рук Джанфранко бутылку, которую он так и не успел до конца перелить в бокал, и, сев напротив, осушила её до конца так вальяжно, что на нижней губе даже осталась висеть небольшая искрящаяся капелька,

бесцеремонно вытертая белоснежным рукавом сорочки.

Он не успел удивиться, потому что новая собеседница, на всякий случай оглядевшись по сторонам, мгновенно перешла в атаку:

– Вам надо готовиться к худшему! Срочно домой – и не подавайте признаков жизни до распоряжений от герра Марка! Лучше, если вообще никто не будет догадываться, что вы там.

– Да что случилось-то?!

Джули укоризненно, с ноткой презрения, посмотрела на него:

– Запись. Кто-то слил Елизавете Моряковой отрывок из вашей видеоконференции с коллегами в четверг, о которой я не знала. А ведь меня должны были предупредить! Мать вашу! – Джули в сердцах ударила кулаком по столу. – Я тут из шкуры вон лезу, чтобы хоть немного вас обелить, а вы подкидываете мне такую свинью!

– Да в чём проблема-то?! – непонимающе развёл руками собеседник.

– В чём проблема? В чём проблема?! Вот в этом! – резким движением Джули выдвинула из стены аккуратно спрятанную в интерьер тонкую панель и, пару раз ткнув пальцами, включила запись: «За всё содеянное...»

– Но ведь это вырвано из контекста!

– Дорогой вы мой! Кого это сейчас волнует?! Мир давно не находил себе антигероя и сейчас упивается возмож-

ностью расковырять хоть чью-то гниющую рану. Вам лучше всего будет прикинутьсядохлым, чтобы не пробуждать в хищниках их инстинкты. Хотя... падальщиков среди них тоже немало! Залягте на дно. Никаких движений, я запрещаю! – поднявшись, она толкнула пустую бутылку в сторону стены и властно постучала ногтем указательного пальца по столу. – Ни-ка-ких! Понятно?! Герр Марк в курсе!

Джанфранко потупил взор. Через пять минут на выходе из ресторана его хмурое лицо только со второго раза считалось терминалом оплаты. Сгорбившись, засунув руки в карманы пальто, он украдкой вышел во внутренний двор, в тёмном уголке дождался дрона и максимально незаметно, прикрыв лицо шарфом, залез внутрь железной птицы. Джанфранко Бести было страшно. Просто страшно, безо всяких приукрашений и душевного трепета.

Глава 21

Муж всё утро провёл в спальне, отходя от выпитого за ночь. Накрывался одеялом, прячась от света, когда она, ничего не произнося, входила по делам. Кряхтел. После полудня перебрался в гараж, облегчив своё состояние тайком захваченной из холодильника бутылкой. Постучал молотком, пошумел дрелью.

Мари нашла его спящим за верстаком: поверхность слева и справа была сплошь покрыта просверленными отверстиями вперемешку с хаотично вбитыми гвоздями – под разными углами, несколькими последовательными ударами или одним, гнувшим несчастную шляпку.

Она ничего не сказала, ничего не сделала. Лишь молча смотрела, скрестив руки на груди и прислонившись головой к дверному косяку.

* * *

29 марта

Следующий день не задался с самого утра. Мало того что она разбила мизинец на правой ноге об резную ножку комода, второпях выходя из ванной с намотанным на волосы полотенцем, так ещё дрон прилетел с огромной задержкой.

Опоздала на встречу. Хотя чего было ожидать от перевозчика, когда ему назвали фактически запретный адрес? Слава богу, свои PR-проекты она вела от лица компании, ничем юридически с её именем не связанной, так что бизнесу вся эта ситуация особого ущерба не приносила. Надо было перетерпеть – не первый раз попадая в такие обстоятельства, Мари это понимала и сжимала кулаки.

Возвращаясь, она, помимо привычной охраны по внешнему контуру, заметила у входа правительственный дрон и уже знакомого ей небольшого юркого китайца, который выбежал из дома и стрелой шмыгнул в коптер аккурат к её приземлению, очевидно, не желая пересекаться с хозяйкой. Рыжую этот факт встревожил.

– Дорого-ой?! – голос разнёсся по дому с необычным эхом, как будто разом вывезли всю поглощающую звуки мебель.

Медленной походкой, задерживаясь в проёмах дверей, Мари шла по комнатам, сдерживая в себе растущее чувство страха. Шаг. Ещё шаг. Левая рука искала точки опоры – стены, двери, мебель... Связь с чем-то прочным, надёжным не должна была прерываться.

Муж сидел на дальней террасе в плетёном кресле, сторожем поставив перед собой на столик полупустую бутылку коньяка.

– А-а-а, пришла?! – затянул он с хрипотцой. – Ну как там, снаружи?

– Нормально, – Мари подняла подбородок, уловив феромоны агрессии. Не в её правилах было прятать лицо от опасности.

Джанфранко подался вперёд, положил локти на колени и стал нервно стучать правой пяткой, пока пляшущие мысли не сложились в словесную форму:

– Я вот что думаю... моим недругам каким-то образом всё время удаётся быть на шаг впереди. Такое ощущение, что всей этой кампанией против меня руководит кто-то близкий. Очень близкий! Может быть, герр секретарь устал и готов слить меня, старого соратника? Или же кто-то из петролеумов держит обиду? Не знаешь? – он развернул голову и пронзил взглядом всё ещё стоящую в дверях Мари, но, получив короткое безразличное «нет», снова сгорбился, как будто сверху давила невыносимая ноша.

– Ты пьян, Джани.

– О да! – закивал тот в ответ.

– Мы с тобой не раз обсуждали: ты должен быть сильным. Соберись. Ты должен...

Договорить рыжая не успела. Со стремительностью дикого павиана Джанфранко замкнул хватку на горлышке бутылки большим пальцем вниз и резким движением наотмашь запустил её в сторону Мари. Она увернулась, машинально закрывшись руками от падающих дождём осколков и готовясь усилиями обеих ног вытолкнуть тело в дверной проём, но каблуки... Прошло мгновение, буквально секунда, и ко-

гда Мари открыла глаза, дикий павиан уже был рядом.

Преодолев разделявшее их расстояние рывком, достойным олимпийского спринтера, Джанфранко схватил жену за горло и, поймав опору тремя свободными конечностями, с такой силой бросил её в вожделенный дверной проём, что оторвал от земли более чем на тридцать сантиметров.

Яркой вспышкой её пронзила боль от попадания позвоночником о косяк. Удар, ещё удар. Лёжа на полу, она попыталась оттолкнуться сначала правой ногой, потом левой, но та почему-то осталась неподвижной. Открыла глаза. Павиан нависал над ней, тяжело дыша.

– Это была ты! – процедил он сквозь зубы. – Долбаный экспат мне всё рассказал! Ты встречалась с этой русской, да?! – сильной левой он схватил за блузку возле горла и, потянув вверх, закричал: – Зачем?!

В ответ последовала надменная, окрашенная красным, улыбка. В душе рыжая смеялась.

– Потому что ты жалок! Ты – политический труп! И я никогда, слышишь, ни-ког-да тебя не любила!

Мари предприняла последнюю попытку вырваться, нацелившись коленом в промежность и одновременно ногтями в лицо зверю, однако тот был готов. Последовал удар правой, после которого кромешная тьма заволокла всё вокруг.

Её нашли через восемь минут – охрана услышала странные звуки внутри, но по уставу дождалась офицера, прежде чем пересечь периметр. Уже через 21 минуту Мари под-

хватила левитационная каталка на счастье расположенного неподалёку одного из лучших медицинских центров страны. Через 57 минут началась операция на позвоночнике. Спустя три часа люди стали приносить свечи и цветы к ограде их дома. На фоне мужа-зверя ей суждено было стать святой жертвой домашнего насилия, хотя бы на время.

* * *

Суд арестовал Джанфранко Бести тем же вечером и отправил на две недели в следственный изолятор. Мир рукоплескал и скалил зубы, довольствуясь принесённой жертвой, а одним из первых предстало перед благодарными зрителями заявление герра Марка Шаульберга, не преминувшего заработать себе лишние политические очки:

– Партия всегда следит за чистотой своих рядов. Как вы знаете, последние месяцы мы проводили масштабное внутреннее расследование деятельности этого нашего коллеги. Подтвержу: многое, в действительности, указывает на его заинтересованность и возможную причастность к февральским событиям на реке Чёрная. Мы приняли коллегиальное решение исключить Джанфранко Бести из рядов партии и лишить депутатского мандата. Достаточно его инсинуаций и подковёрной борьбы, это идёт вразрез с внесённым в наш устав принципом открытой политики! Но сегодня, я считаю, мы должны в первую очередь помолиться о его жене Мари,

которая много лет бок о бок жила с этим человеком, но в конце концов также попала под горячую руку, как только карточный домик господина Бести стал разваливаться. Боже, дай ей сил справиться!

В завершение герр Марк претенциозно сложил руки и закрыл глаза. Он знал, о чём говорил! Было приятно обличать в других собственные пороки.

Спустя пять дней, когда требующая экзекуции толпа выдвинула ультиматум правительству, герр секретарь, гребя по течению всеми доступными вёслами, подтвердил сказанное в суде. Теребя платок с вышитыми инициалами, о нервном поведении обвиняемого в последние дни рассказала Джули.

Бести судили сразу за всё! За бедную Мари и всех жертв домашнего насилия. За связь с получающими сверхдоходы углеводородами. За аварию дрона с человеком, который пытался оставить с носом это лобби. За нечестную игру политиков. За несдержанность. За разочарование. За «экспата». За то, что жил на широкую ногу. За достаток, больший, чем у 95% населения. За привилегии. За всё!

Приговор городского суда был быстр, суров и одновременно хитёр. Джанфранко осудили за домашнее насилие, приняв, однако, скопом доказательства по делу об аварии дрона и отправив дело на рассмотрение в вышестоящую инстанцию со всеми сопутствующими сроками доследования и рассмотрения по существу. Общество этот жертвенный агнец удовлетворил, народ выпустил пар.

Выпустили его и генералы в Москве – буквально за день с невиданной прытью их советники подготовили и разослали технический отчёт о результатах расследования аварии, на радостях принятый всеми сторонами как истина, даже правительством Италии, гражданин которой де-факто обвинялся в создании преступной схемы с целью покушения на убийство. Расследование заморозили, площадку на реке Вельге приказали свернуть.

Глава 22

5 апреля

Законсервировав стенд, Михаил с Рыжовым сели у входа отдохнуть. Накрапывал лёгкий апрельский дождь.

– Господи, как же глупо всё это!

– Да-а-а, – устало поддержал Михаил, – теряешь веру в справедливость мира.

После этого они замолчали. Один курил, смотря на распускающийся зелёными почками лес, второй ковырял подошвой армейского берца вытоптанную до основания, некогда цветущую землю.

– Ну, ты же с телефоном продолжишь? – спросил Рыжов, повернувшись к товарищу.

– Надо бы. Я кодировку уже выудил, попутно изучил протоколы GSM с самого основания стандарта. ID входящего вызова есть, осталось найти по цепочке, кто звонил. Жду ответа от оператора, но везде как будто сопротивление.

– Так они, возможно, сами не знают, как отследить. Там же лет девять назад перед 7G насильно слили всех старых телекомов в одного монстра, когда оказалось, что все по договорам пользуются одними и теми же старыми базовыми станциями одновременно. Вот телефония какого-нибудь мелко-го оператора и продолжает незаметно работать.

– Придётся, видимо, лично ездить и искать концы.

– Помощь нужна? – выпалил Рыжов с такой боевой интонацией, как будто отрицательный ответ не мог быть принят в принципе.

Михаил посмотрел на товарища, улыбнулся и, вставая, похлопал его по плечу:

– Ну пошли! Не откажусь!

На следующий день они постучались к начальству – каждый к своему – с заявлениями на внеочередной отгул, обосновав необходимостью отдыха после марафона расследования. Рыжову дали неделю. У Михаила ситуация сложилась интересней: прознав про истинную цель подопечного, Дмитрий Анатольевич позвонил коллегам и предложил рассматривать действия Морякова как начало решения давно назревшей проблемы наведения порядка в этой телекомовской инфраструктуре – гидре, очевидно, никому на данный момент не подконтрольной. Руководство согласилось и выдало Михаилу всемогущий красный QR-код.

Таким образом, уже шестого апреля во второй половине дня они с Рыжовым заявили в центральный офис G-холдинга на Варшавском шоссе: один в строгом чёрном костюме с эмблемой спецподразделения на отвороте, напоминающей значок старого Wi-Fi, второй в тёмной лёгкой форме. Красный код делал чудеса: увидев его рядом с профилем гостя, милая девушка на стойке пропусков поменялась в лице и тут же вызвала старшего, забыв, конечно же, что по протоколу должна была открыть турникет без лишних вопросов.

За неё это, извиняясь, сделал прибежавший начальник отдела. А пока они ждали лифта и поднимались, осиное гнездо пришло в движение, зажужжало.

Гости расположились за дальним концом огромного стола. Господин Бочкарёв, многолетний начальник этого улья, переживший многих министров и президентов, перед тем как начать, подтянул галстук впритык к кадыку, но только попытался выдать из себя приветствие, как дверь открылась, и седовласый сотрудник, расшаркиваясь, добежал до самого близкого к начальнику места.

Дверь захлопнулась, но через четыре секунды отворилась снова, и ещё один коллега, поклонившись, обежал стол. Так продолжалось минуты три: кабинет заполнялся, вбегавшие личности молодели, лицо руководителя заливалось краской от неловкости момента.

Наконец, стол заполнился, повернулся десятками лиц к вождю, за исключением трёх любознательных, посмотревших в обратную сторону, и господин Бочкарёв, грузно поднявшись с кресла, обратился к гостям:

– Чем я могу быть полезен сотрудникам служб безопасности?

Михаил поднялся, подмигнув красотке в левом ряду – одной из тех, что обернулась в их сторону:

– Мы с коллегой находимся здесь, чтобы расследовать происхождение одного сигнала. Простите, но мне не хотелось бы углубляться в суть вопроса в присутствии такого ко-

личества посторонних.

Огромный рот Бочкарёва расплзся в плотоядной улыбке, и, ощущая своё могущество, он обратился к первому вошедшему, нарочно раскрывая карты:

– Ну вот видите, Яков Яковлевич, не хочет господин Моряков посвящать наш коллектив в свои семейные дела. Недостойны мы, не приближены к высшим кругам...

Послушный зал одобрительно заблеял. Михаил коротким жестом удержал собиравшегося вскочить Рыжова на месте и поднялся сам, опёршись на расставленные в стороны руки и исподлобья посмотрев вперёд.

– Вы, очевидно, не понимаете, товарищ Бочкарёв! Наша миссия не ограничивается моими личными делами. Её результат может в корне, – он оглядел присутствующих и вонзил указательный палец в твердь столешницы, – в корне изменить состав этого зала! Так что в ваших интересах не устраивать потешные сцены и не тратить наше ценное время, а об-слу-жить – в полном соответствии с протоколом. У меня всё!

Михаил медленно опустился в кресло, смотря, как широкая улыбка Бочкарёва стягивается обратно в маленький угрюмый рот, а дыхание его учащается. Кивок головы – и более сорока пар ягодиц сорвались с нагретых мест, спеша ретироваться.

– Кто будет нас сопровождать? – громко произнёс Моряков поверх скрипа ножек стульев.

– А... эээ.

– Пусть она! – Михаил указал на ту самую красотку слева, опережая ответ.

– Хорошо. Света, займитесь!

* * *

– Вы не представляете, как уморительно это было! – новая спутница расхохоталась и от избытка чувств хлопнула в ладоши. – Досталось гусю!

Она вела их по коридорам, то и дело перебегая с этажа на этаж по лестницам. Внутренняя геолокация Михаила говорила, что они уже перешли из высотки в недра старого здания-корабля, некогда центрального хаба Почты России.

– У вас его не любят?

– Те, кому скоро на пенсию, любят. И те, кто раньше времени потерял амбиции, любят. Хотя нет, скорее – терпят.

– Но ведь и вы терпите! – зачем-то обострил Рыжов.

Реплика эта могла навредить, потому Михаил, взглянув на коллегу, мгновенно смягчил тему:

– А вы как попали в это сонное логово?

– Не поверите! Я специалист по управлению изменениями. Когда почти пять лет назад пришла сюда, то казалось, что нашла благодатное поле для самореализации. Идеи... идей было множество! Но потом декретный отпуск, и за полтора года отсутствия все мои стратегии канули в Лету, как будто

их и не существовало. С тех пор пытаюсь перезапустить, всё больше увязая в трясине.

Света грустно пожала плечами, резко открыла дверь на нужный этаж и поспешила вперёд, не намереваясь, похоже, продолжать обсуждение себя. Они шли вдоль глухой стены больше минуты. «Столько метров без дверей!» – подумали оба мужчины, переглянувшись. И, к сожалению, интуиция их не подвела. За огромной двустворчатой дверью с табличкой «АП-9», окрашенной безликой серой краской, взору их предстало гигантское, до краёв наполненное бумажным архивом, помещение. Моряков сглотнул слюну, вспомнив сожжённый огненным драконом гигантский склад Хогвардса из книг про Гарри Поттера, которые он так любил в детстве.

– Ну вот, – Света развела руки в стороны, приглашая гостей, – прошу пожаловать!

– Господи, за что?! – взмолился Рыжов, озираясь по сторонам. Будь у него шапка, он бы сейчас в трагическом жесте стянул бы её с головы.

– И ни одной панели или компа! – его компаньон сделал несколько неуверенных шагов навстречу бумажным горам, прежде чем сзади раздалось похрюкивание.

Провожатая их залилась таким смехом, что из уголков её глаз брызнули искры слезинок:

– Вы... вы бы видели себя! – хохотала она, держась одной рукой за живот, второй – за ближайший стеллаж. – Реально думали провести здесь две недели?! Ой, не могу!

Смех её был так искренен, что оба не смогли сдержать улыбок. Успокоившись, Света отвела их в «серверную». Именно так! Назвать это помещение более благородно язык не поднимался: взяли большой производственный цех сортировочного центра, подвели оптоволокну толщиной с запястье, поставили на фасад дюжину кондиционеров – и вуаля! Старые системы крутились здесь уже двадцать лет, ничем не растревоженные, никем не проверяемые. Было что-то магическое и таинственное в хаотичном сплетении разноцветных патч-кордов и мигании светодиодов, так что Рыжов даже взволнованно присвистнул.

Не теряя времени, наши герои синхронно выхватили из рюкзаков ноутбуки – вещь по современным меркам редкую и дико специализированную.

– Так! Ставим экран на тот основной коммутатор! – командовал Михаил, переступая через полуметровые связки пёстрых проводов. – Останавливать системы нельзя, так что безопасность надо обеспечивать только методом контроля. Ссылку я тебе отправил в каб. Как настроишь, позови проверить. Света! Помогать будешь?

Получив в ответ пять воодушевленных кивков, Моряков тут же выпалил:

– Веди админа, который за всем этим следит. Мне нужна экскурсия!

– Он завтра будет. Сегодня сменщик, формальный.

– Ок, завтра.

– Готово! – отрапортовал Рыжов.

Через полтора часа, расставив последние маяки блокировки радиосигналов, они опломбировали помещение и разлетелись по домам в предвкушении насыщенного завтрашнего дня.

* * *

Луч солнца – душ – зубная щётка – дрон – красный QR на входе.

Второй день начался со знакомства с Дмитрием Каштановым – пятидесятилетним человеком в выдавшем виды пиджаке поверх тонкого растянутого свитера, который уже много лет следил за этой сумеречной зоной старых систем и сервисов.

– Вы что хотите? – спросил он из-под густой бороды, придавая дородную округлость звукам «о».

– Отследить сигнал, переданный 27 февраля по GSM на старинный кнопочный телефон.

– А-а-а, ясно! – кивнул админ понимающе. – Частоты стандарта не менялись с момента основания, менялись только принципы кодировки, так что в теории передать можно. Но я такое не пробовал, максимум – со смартфонами нулевыми.

– Как отследить? – нетерпеливо вставил Рыжов.

– А что у вас есть?

– ID, выуженный из кодировки сигнала.

– А сам сигнал поняли?

– Нет! – покачал головой Михаил. – Там оборванные технические команды на уровне нулей и единиц. Я не смог идентифицировать, какому элементу коптера они предназначены. Не хватило времени – стенд законсервировали. Ясно только, что человек, их отдавший, очень хорошо знает, что такое coqe-протокол.

– Это вы про систему ближнего взаимодействия компонентов?

– Да.

– Занятно.

Заинтересовавшись, Каштанов сам не заметил, как стал задумчиво перебирать пальцами ближайшую копну патч-кордов, будто струны арфы. Спустя некоторое время он вдруг вышел из анабиоза и, резко сев за стол, принялся рисовать схему, попутно её объясняя – есть у некоторых людей потребность структурировать мысли графически.

– Так! С ID сложно. Прогнать скрипт, конечно, можно. За день-два совместными усилиями прошерстить всю помойку должны, но... полтора месяца прошло! Базы забиваются быстро, а на лишние бэкапы забытых систем никто в этом заведении тратиться не будет.

Присутствующие переглянулись.

– Есть другие варианты? – спросил Михаил.

Админ, которому почему-то хотелось доверять, постучал

карандашом по столу и, вытерев взмокший лоб, продолжил рисовать:

– Есть идея! Но для этого надо потестить одну штуку...

Каштанов взглянул на гостей и, махнув рукой – мол, была не была! – убежал в подсобку. Через минуту вернулся со слотом системы хранения данных в руках, воткнул его в ближайшее свободное гнездо на серверной стойке, включил и отряхнул от пыли экран на соседнем столе.

– Я тут на досуге... Чего так смотрите? Да, были сотни одиноких ночей! В общем, я создавал цифровых двойников разного старого оборудования, что попадалось под руку: солнечных батарей, хабов, вышек связи. Их раньше тут множество валялось, под каждый бюджетный хайп закупали.

На этих словах экран засветился интерфейсом допотопного Windows Server, а курсор мышки предательски два раза кликнул на иконку Total Commander.

– Фу-у, – скривилась Света, – используете это старьё?

– Есть грешок! – ответил Каштанов и загадочно и неприятно улыбнулся, развернув голову.

Дальше он работал Tab и стрелками. В один момент, когда курсор завис, последовал короткий лечащий удар кулаком по серверной стойке. Виден был натруженный профессионализм. Наконец, контрольный щелчок по клавиатуре – и компьютер ушёл в себя с бесконечно крутящимся колёсиком загрузки, а админ развернулся на кресле к гостям:

– У нас около двух минут – файлы огромные, а машинка

слабая. Идея такая: если я правильно помню себя двадцать лет назад, то, чтобы передать сигналы первых поколений, станцию нужно немного перепрошить. Вот эти отрывки кода нам и надо искать – здесь и на самих станциях вокруг места падения. А понять, какой код нам нужен, помогут, – он развернулся обратно к монитору и торжественно расставил руки: – вуаля! Мои двойнички!

Света радостно захлопала, но Рыжов, как человек понимающий, был не так наивен:

– Не понимаю. Чем нам поможет кусок кода?

– А тем, – Каштанов победно оскалил зубы, – что сигналы на прошивку идут через другие, гораздо более новые, серверы.

Глава 23

Если не считать Михаила, то после вердикта итальянского суда в оставшуюся часть семьи Моряковых пришло облегчение. Бабушка Лиза хоть и была по уши погружена в вопросы скорого референдума, не только высказалась о Бести с широких экранов, но и выкроила время написать Мари личное письмо, полное искренней поддержки и признательности «подруге», так она назвала её неожиданно для самой себя.

Мэй научилась танцевать: под мелодичные композиции стояла перед окнами и выделывала руками странные фигуры, под зажигательные ритмы Red Hot Chili Peppers носилась по дому, затягивая в танец предметы интерьера и общаясь с персонажами картин.

Tell me baby

What's your story?

Where you come from

And where you want to go this time, oh

Tell me lover

Are you lonely?

The thing we need is never all that hard to find, oh

Мэй переполняла гордость с блеском выполненного дела. Ей мечталось снова увидеть Вэна, но главное – маму! Маму

должны были отпустить из больницы домой со дня на день.

* * *

Про душевное состояние Леры можно было бы написать отдельную повесть. Ей, конечно, было радостно вырваться из четырёх стен и снова почувствовать себя живой: управляемые микророботами, кости срослись как надо, нервные волокна восстанавливались, насколько это было возможно. Предстояла длительная реабилитация – нужно было оттачивать умение ходить, но это мелочи! Гораздо больше тревог вызывал кувез и необходимость оставить *ego* одного. Лере казалось, что без близкого света любимой Даню гораздо быстрее поглотит тьма. Поэтому, когда коляска в конце зоны левитации плавно опустилась на колёсики и медсестра в сопровождении ожидавшей Елизаветы Моряковой стала закатывать её в шаттл скорой помощи, которому предстояло совершить долгий путь и преодолеть бесполётную зону дальней резиденции, Лера, смотревшая в сторону больничных палат, была чернее тучи.

* * *

Van решился! Конечно же, он с самого начала знал про тайное логово и про выписку «мамы», и потому собрался

сделать Белоснежке двойной сюрприз. Так что утром седьмого апреля, после привычной двухчасовой проверки обстановки в своём маленьком ситуационном центре, он сделал пару несвойственных ему заказов. Во-первых, надо было избавиться от отшельнического вида. Эту задачу он поручил давно знакомой бестии Китти, которая встретила лаской, размяла маслами мышцы и, плотно прижимаясь всеми интимными частями тела, омыла измождённого путника в огромной ванне под благоухание тонких ароматов и мерцание свечей.

Он поцеловал её на прощание, надел принесённые с собой джинсы и белую толстовку, спустился аккуратно к приезду беспилотного такси – просторного шаттла, опоясанного сиденьями внутри, с прозрачным лобовым стеклом в пол. Никакого руля или намёка на механическое управление давно уже не было.

Забрался внутрь. Не складывая коляску, перебрался на заднее кресло, пристегнулся, прижался головой к холодному стеклу и долго наблюдал городские пейзажи в тишине, разве что шины чуть шуршали по старому асфальту. Когда город закончился, Van достал из рюкзака маленькую бутылку тоника, открыл окно и, будто пёс, подставил лицо ветру, изредка пригубляя горькую воду.

Через час двадцать такси, по дороге только раз изменившее маршрут, чтобы объехать небольшой затор, свернуло со скоростного шоссе и вскоре подъехало к шлагбауму, за ко-

торым стояла стена елей и начиналась та самая зона отчуждения вокруг поместья Моряковых и ещё нескольких попавших в неё хозяйств. Один расслабленный охранник, никакой предвзятости, но это только потому, что наш гость подготовился заранее и внёс себя в белый список. Так что просто показал лицо стойке – палка открылась, потом вторая, и вот он уже катит по лесной дороге, на всех тридцати пяти километрах перемежаемой болотистыми берегами, живописными полянами и искрящейся гладью водоёмов.

Красота! Пассажир шаттла оттолкнул кресло, перебрался на солнечную сторону и открыл окно полностью. Вот она, жизнь! Озеро, камыши, утки... хм...

Он сощурился: там, на дальнем краю озера, в километре по солнечной дорожке, из-за тёмных елей вылетела необычно крупная чёрная птица.

«Коптер!» – подумал он вслух.

С этим словом мир как будто наполнился глубокой низкочастотной вибрацией – сигналом, который воспринимают с пелёнок все живые существа и часто используют режиссёры для передачи зрителям ощущения опасности.

Van повернул голову по ходу движения: дорога – коптер – дорога – коптер. Сердце ёкнуло. Чёрная птица неслась над бесполётной зоной *именно туда*.

– Чёрт! Чёрт! Алиса, быстрее! – закричал он автопилоту, от которого до этого ничего не требовал.

– Скорость 60 км/час одобрена для данного участка. Мы

прибудем в пункт назначения в соответствии с...

– Да заткнись уже! Так, – мысли в голове пронеслись со скоростью экспресса. – Проехали около семи километров. Охранные дроны должны были перехватить. Значит, коптер их обошёл. К КПП возвращаться – потеря времени.

Van схватил рюкзак, стал судорожно копаться в нём, пытаясь найти хоть какое-то средство связи и проклиная себя за то, что перед визитом к Китти предусмотрительно выложил все свои цифровые игрушки. Но нет, в авто было только одно устройство с интерфейсом для людей – там, впереди, справа.

Он придвинул коляску, подтянулся на руках, опёрся, насколько это было возможно, на непослушные ноги и почти уже перенёс вес, когда под передним колесом проскочил маленький сельский камешек, которого, однако, оказалось достаточно, чтобы Van потерял равновесие и с грохотом распластался на полу. Получившая ускорение коляска чуть не пробила входную дверь, но всё же послушно прикатилась обратно к хозяину, попутно проехавшись по его ладони.

«Так, нужна опора!» – лёжа на спине, Van попытался дотянуться до сидений – не тут-то было! Когда не можешь оттолкнуться ногами, в мире оказывается на порядок больше преград, вроде ровной поверхности.

– И зачем делать такой просторный салон?! Ладно! У этой штуки должны быть механические стопперы!

Лёжа на полу, Van развернул коляску и с размаху ударил

кулаком по забрызганному грязью рычажку, в кровь разодрав тыльную сторону ладони. Подтянулся, достал до бокового сиденья, растянувшегося по всей правой стороне, закинул торс на него и, сложив под себя кучкой непослушные нижние конечности, прошагал на руках до заветного экрана.

«Нет соединения», – предательски высветили пиксели, когда он попытался вызвать средства связи. Чёртова зона отчуждения! Пальцы забегали, прорываясь в админы и используемый в навигационных целях спутниковый интернет, чтобы сделать только одно – отправить спасительное сообщение. Когда с собой только голова и руки, дело это небыстрое, но именно этой головой и этими руками решаемое!

Спустя 3 минуты 57 секунд Елизавета Морякова с медсестрой входила обратно в шаттл, после того как они остановились на шоссе помочь попавшим в небольшую аварию. В этот момент она получила тревожное, частично так и не декодированное сообщение: «Срочно домо# Мэ# Она\$Но©βЬ!
!»

* * *

Эклеры были божественны! Мэй так хотелось поделиться бушевавшей в душе радостью, что она даже тайком отнесла два в будку охраны, пока Коля, сегодня единственный заступивший на дневное дежурство охранник, совершал плановый обход.

Мама! Мама возвращается! Девочка созвонилась с ней с утра по видеосвязи и с тех пор не находила себе места: сначала просто носилась по поместью, тратя накопившуюся энергию; потом перекусила, барабанив пятками по тонким ножкам стола; затем, немного уставшая и перегоревшая, вернулась в одну из дальних бабушкиных комнат, переплетённых между собой проходами, будто в музее, где заметила нечто интересное, загадочное, прикрытое балдахином. Сдёрнула покрывало и обнаружила стеклянную витрину с артефактами.

Ух ты! Там был небольшой несуразный сосуд из толстого стекла с запёкшейся грязью, как будто доставшийся от какого-то древнего любителя алхимии. Была исписанная разными почерками тетрадь с огромным количеством перечёркнутых абзацев, среди которых Мэй разобрала несколько фраз, которые бабушка использовала в своих выступлениях. Был измятый лист какого-то протокола (во всяком случае так гласила самая большая надпись) с лежащей рядом винной пробкой. Был тяжёлый жёлтый осколок витража, раскрошенный с одного угла чьим-то очень сильным точечным ударом, как будто бы пулей...

Вдруг периферическим зрением Мэй заметила движение в окне, выходящем на дальнюю боковую сторону двора.

«Может быть, олени?» – девочка уже видела их два раза, поэтому обернулась и сощурила глаза. В тёмных лесных зарослях, под елями, бесспорно было какое-то движение! Она проводила еле заметные тень и колебание веток взглядом и

сделала несколько шагов влево, к окну, выходящему на фасадную часть дома, с трепетом ожидая, когда из-под деревьев появится мордочка в крапинках или, быть может, рога. Но тень из зарослей материализовалась в нечто совсем другое...

Человек в чёрном не стал озираться по сторонам или пугливо оценивать ситуацию – уверенным шагом он направился к сторожевой будке, расположенной через залитую солнцем весеннюю поляну. В руках его было оружие – винтовка или автомат – Мэй не могла сказать, потому что не разбиралась. Она знала лишь, что сейчас может произойти нечто ужасное, поэтому бросилась к окну в надежде успеть распахнуть его и криком предупредить Колю. Заметят? Ей было плевать!

Но, к сожалению, времени хватило только на то, чтобы залезть с коленями на подоконник и коснуться пальцами высоко расположенной ручки.

* * *

Коля как раз закончил обход и был приятно удивлён обнаруженному гостинцу, поблагодарив охраняемую мадемуазель улыбкой и кивком в сторону дома. Он отправил видеорапорт, проверил метрики автоматических систем слежения и наконец позволил себе отвлечься на эклеры. Тем более что установка обеспечения как раз разогрела энергонапиток, отдалённо напоминающий кофе.

Осыпав себя при первом укусе крошками, Николай брезг-

ливо отряхнулся и склонился к тарелке, чтобы не запачкаться снова. Что может произойти за минуту-полторы? Ха! Как показала жизнь – многое!

Система ближнего обнаружения, отвечающая за автономный контроль двадцатиметровой зоны вокруг будки, успела сработать и осветить помещение коротким красным проблеском всего два раза. Стальные жалюзи опустились только на пятнадцать сантиметров, когда из-за единственной непрозрачной, обращённой к лесу стены прозвучали выстрелы. Стрелок не медлил, а Николай даже не успел отряхнуть руку и выпрямиться – только поднял взгляд на монитор. В то же мгновение пули вошли в тело – одна под рёбра, вторая над ключицей.

– Не-е-ет! – закричала Мэй и согнулась на подоконнике в приступе пронизывающей всё тело боли.

Но времени расслабляться не было – одновременно с выстрелами из хвойной тьмы вышла вторая фигура и не менее уверенным шагом направилась к дому аккуратно в её направлении. Распластавшись на подоконнике, девочка свесила ноги, нащупала пол и медленно опустилась на четвереньки. Хотя в доме пока никого не было, инстинкты заставляли её действовать бесшумно.

Спрятаться! На корточках она отползла в соседний кабинет с рядами книжных корешков и забилась под массивный дубовый письменный стол, который одним своим видом создавал чувство безопасности. Однако, когда снизу послы-

шался звон разбитого стекла, мнимое ощущение защищённости развеялось без остатка – Мэй переползла в спальню, в шкаф, насколько бы наивной защитой он ни казался, и оставила себе лишь узкую щёлку для наблюдения.

Тем временем двое в чёрном принялись прочёсывать поместье. Вот загремела посуда и донеслись ругательства, вот под тяжёлыми ботинками закрипел паркет в гостиной, вот слышались шаги наверх. И хотя до её убежища было ещё с десяток комнат, сердце Мэй ушло в пятки.

Тут случилось нечто совершенно неожиданное: в щель она заметила, как из основания кровати вдруг поднялось стекло экрана и зарыбило сигналом.

– Майская девочка, ты тут? Вылезай! – слышался шёпот, с которым на полупрозрачном экране появился голубой зверь и поднёс к мордочке лапу в жесте «silent, please».

Молодое сердце подпрыгнуло из пяток до самых небес. Лис! Ты вернулся?! Но она сдержалась и всего лишь улыбнулась, когда отворила дверцу шкафа.

– Это реальная опасность! Знаю, у тебя много вопросов, но пока придётся безоговорочно довериться мне, – шептал Лис, пока она бесшумно выпутывалась из кучи белья. – Верь мне! Мы справимся!

Получив утвердительный кивок, он нервно потопал лапками и как будто приняхался. Показалось, что в этот момент освещение в доме слегка «моргнуло».

– Сейчас встаёшь на две ноги и быстро идёшь в левую ком-

нату.

– Но там...

– Я сказал – слушаешься меня! Там в верхнем ящике стола лежат жёлтые наушники. Надевай и не забудь включить! Серые не бери – разряжены!

Лис тут же пропал, не оставив ей шансов на лишние вопросы или раздумье, потому Мэй мягким кошачьим бегом понеслась в соседнее помещение. Вот он, стол! Аккуратно выдвинула ящик. Жёлтые, винтажные, с хромированными дугами. Не обманул! Надела и крутанула колёсико на правом ухе.

– Я тут! – сразу отозвались динамики. – Нам надо незаметно попасть в уже исследованную ими зону на первом этаже. Лестница только одна. Я смотрю глазами всех камер и датчиков в доме. Просто слушай и исполняй. И... постарайся не шуметь!

Вы любите квесты? Следующие семь минут стали для девочки настоящим приключением, запомнившимся на всю жизнь, как, собственно, и этот день. Сердце выпрыгивало из груди, дыхание перехватывало, а лицо сводило оскалом от избытка адреналина, но она справлялась. Если бы вы посмотрели сверху, то наверняка удивились бы схожести увиденного с какой-нибудь компьютерной игрой, где шпиону нужно избежать встречи с охранниками бункера.

Монстры в балаклавах прочёсывали этаж вдвоём, идя одновременно по линии передних и внутренних комнат. Для

начала Лис вывел Мэй на внешнюю, ближнюю к парадным окнам линию и вжал между дверью и небольшим стеллажом. Буквально через две секунды стеллаж оказался в видимости Монстра №2 сквозь три подряд раскрытых дверных проёма. Она ждала, как приказали.

Когда монстр свернул в следующую комнату, девочка была стрелой послана вперёд, навстречу, промелькнув в боковом проходе за мгновение до того, как на него упал взгляд Монстра №1. Теперь налево, в общую комнату между искаателями, за диван!

– Дом пустой! – слышалось, когда двое в чёрном увидели друг друга сквозь открытые двери гостевого зала с камином.

– Надо закончить! – в приказном порядке ответил первый, очевидно, главный.

Второй кивнул и демонстративно посветил фонариком в угол своей комнаты, но буквально через мгновение добавил:

– У тебя закурить осталось?

– Блин, Макс! – в ответ раздалось раздражённое шуршание, и из соседней комнаты вылетела полупустая мягкая пачка сигарет, приземлившись аккуратно к убежищу Мэй.

– Сиди! – скомандовал Лис.

Монстр №2 подошёл и поднял с пола пачку, оказавшись чуть ли не в полуметре от полной сосредоточенности, затаившей дыхание девочки. Опустись он ниже – мог бы под диваном увидеть глаза добычи – не столько испуганные, сколь-

ко полные решимости. Достал сигарету, чиркнул зажигалкой, затаился, облокотив свою штурмовую винтовку на убежище Мэй так, что ствол выглянул над её головой.

– Бычок не оставляй, – донеслось от первого со смехом. – Съешь!

Послышалось прерывистое дыхание, но второй ярость сдержал, лишь пренебрежительно крикнул в ответ:

– Ага, конечно!

Наконец он снова взял ствол в обе руки и посмотрел в сторону окон в проходе за спинкой дивана, через который Мэй попала в зал. Лис этот взгляд прочитал:

– Бежишь вперёд. Будь готова. Раз. Два. Три!

Свет моргнул, после чего лампа бра на противоположной стороне у камина, отвлекая внимание, разразилась ужасным треском, раскалилась до свечения звезды и с громким хлопком взорвалась внутри абажура. Этих трёх секунд хватило Мэй, чтобы оказаться в уже пройденной монстром игровой комнате. Она ещё подождала, пока освободится первая линия вдоль окон, и, не оглядываясь, на цыпочках спустилась по лестнице – лису она верила беспрекословно.

На первом этаже друг повел её на кухню, а оттуда вниз, в подсобку с провиантом.

– Всё! Сидим тут! Я с тобой!

В подвале пахло сыростью, сырами и связками сушёных трав, развешанными под потолком. Забившись в угол и обхватив колени руками, девочка мелко тряслась от пережито-

го, но то ли атмосфера была правильная, то ли внутри неё жил кто-то действительно невероятно сильный – уже через сто секунд дрожь прошла, а Мэй успокоилась и снова смогла говорить:

– Где ты был?

– Путешествовал, изучал мир. У тебя как дела?

Она сосредоточенно смотрела на жёлтую сырную головку напротив и даже не думала отвечать. Мысли её были где-то далеко.

– Почему ты оказался здесь? – спросила она через некоторое время.

– Ну-у, на самом деле я всегда был рядом – ты же знаешь, я предпочитаю контролировать. Сижу я на лекции в Принстоне, и тут на экран Елизаветы приходит странное сообщение об угрозе. Естественно, я поспешил сюда.

– То есть бабушка его тоже прочитала?!

– Да!

Мэй насторожилась. И как будто в ответ, в аккомпанемент последнему утверждению, сверху прозвучали два выстрела, еле слышимых сквозь толщину стен.

Уже готовая к такому развитию событий, Мэй вскочила на ноги и без раздумий устремилась наверх.

– Мама! Там мама!

Надо сказать, что когда лис с подопечной спускались в подсобку, к воротам подъехал жёлтый шаттл. Из распахнутой двери, не дожидаясь, пока до конца опустится ступенька, на землю спрыгнула инвалидная коляска и на полной скорости понеслась к воротам, которые со скрипом распахнулись, как по мановению волшебной палочки.

Внутри гость проехал около двадцати метров, прежде чем краем зрения увидел окровавленное тело охранника в будке. Потом заметил разбитое стекло на крыльце поместья. Остановился.

У Вэна дёрнулся глаз, но отступить было поздно, тем более что Мэй могла быть в критической ситуации, а сзади спешили на помощь другие, гораздо более важные для общества люди. Так он решил. А потому проехал ещё пару метров к дому, остановился в лучах тёплого солнца и произнёс, как только мог громко и уверенно:

– Я знаю, вы меня видите! Кто бы вы ни были и чего бы ни хотели, спешу предупредить, что скоро здесь будут военные – я видел ваш коптер и им сообщил!

В окне на втором этаже преломился отблеск солнца и скользнула вниз смутная тень – кто-то спускался по лестнице.

– Уходите! – крикнул Van через некоторое время. – Ухо-

дите! И оставьте эту семью в покое!

– Хорошо! – произнёс сиплым голосом человек в чёрном, выходя сквозь парадную дверь.

Он покосился на гостя и несколько секунд, не моргая, смотрел на слепящее солнце, будто бросая вызов.

– Это чтобы было не так просто! – резюмировал стрелок, поднял винтовку и, слепо поведив дулом из стороны в сторону, нажал на курок.

Пуля со свистом ввинтилась в землю у левого колеса коляски. Ван нервно набрал воздуха в грудь, но выдохнуть не успел – вторая пуля прошла справа под грудиной, разорвав треть диафрагмы, нижний край лёгкого и непарную вену. Вместе с выдохом по белой толстовке расплзлось густое бурое пятно.

– Уходим! Дом пустой! – второй человек в чёрном быстро вышел из здания и, толкнув напарника в плечо, увлёл за собой. Бегом они скрылись в подлеске.

* * *

Буквально через минуту из дверей выскочила девочка и упала на колени перед окровавленным другом, пытаясь заткнуть пальцами пулевое отверстие и текущую из него струйку. Вэн практически не мог дышать и угасал с каждым вздохом. Ему вспомнилось удушье тяжело перенесённой второй волны пандемии, забравшей с собой многих мо-

лодых и самонадеянных знакомых, гораздо более крепких, чем он. Но даже сейчас он находил силы подбодрить Бело-снежку:

– Всё хорошо. Главное – ты цела!

В глазах мутнело, но всё же сквозь темноту он услышал звук припарковавшегося шаттла и командный голос Елизаветы Моряковой.

Руки женщин аккуратно переложили его на каталку и открыли торс в надежде остановить кровопотерю. Он поднял веки: перемазанная красным, сосредоточенная Мэй стояла рядом наготове с вверенным ручным аппаратом для вентиляции лёгких, следя за манипуляциями старших, словно за библейским чудом. Чёткими движениями она вытирала с его губ кровь при каждом отхаркивании.

Van улыбнулся ей и перевернул голову на другую сторону.

– Поздно, – прохрипел он Елизавете.

– Не сдавайся! – командовала та. – Так, где военные?!

Пациент попытался собрать все силы, но внезапно снова провалился в темноту. Когда через некоторое время сознание вернулось, краем уха он услышал окончание разговора:

– Очень много крови потерял. Плюс дыхание. Я не врач! – сказала медсестра с виноватой интонацией, и было очевидно, что в этот момент она опустила руки и в переносном, и в прямом смысле.

– Я многого не... не ска... зал. Прости... меня з... всё! – выдавил из себя Van.

– Не надо! – наклонилась к нему Елизавета, нежно погладив по голове и поцеловав в лоб. – Я знаю, кто ты, Ваня Ямб! Да, – она утвердительно закивала, видя удивление в его уставших глазах. – Да! Я лишь недавно узнала, в каких тяжелейших обстоятельствах оказался тогда твой папа, какие потери понёс. Я искренне сожалею о несчастной судьбе твоей матери! Клянусь памятью моего любимого мужа, что я твоего отца, Рената Ямба, за всё, что он совершил, прощаю! Твоё стремление искупить вину и очистить имя семьи я оценила сполна!

Необычайно резкий порыв тёплого весеннего ветра с силой ударил по лёгким, поднял с дороги песчаную взвесь, спугнул воробьиную стаю с соседней березы и громко захлопнул открытую дверь особняка. Когда спустя семь секунд все выпрямились и открыли глаза, поляна перед домом снова нежилась под лучами тёплого солнца. Только Мэй отчего-то резко отвернулась, упала на колени и обхватила мамину коляску руками.

Глава 24

9 апреля

Черный коптер успели отследить по горячим следам, но от него остались только искорёженный остов и два тела, которые водолазы смогли выловить с глубины семь метров. Машина ударилась о гладь озера с такой силой, что у пассажиров в балаклавах шансов не было никаких. Имена их следствию также никакой зацепки не дали – следы полностью пропадали после отметки о поступлении на службу в ЧВК (Частную военную компанию) одиннадцать лет назад.

Вэна не стали хоронить рядом с Ренатом Ямбом на небольшом никому не известном сельском кладбище, выбранном для того, чтобы тайная могила отца не превратилась в место осквернения или почитания. Как и мать, его кремировали.

На пару дней приехал Михаил, а после его отъезда Елизавета Морякова при активном участии Мэй посадила у резиденции молодой дуб, развеяв прах под корнями могучего дерева.

Последние два дня внучка замкнулась в себе, молчала. Внешне казалось, что она вернулась к тому состоянию, в котором пребывала в прошлом году, и допустила к перешёптыванию исключительно гостя в форме.

Окончательно Мэй «очнулась» только после того, как ру-

ками разгладила всю взъерошенную лопатами землю – сначала у ясеня, под которым теперь покоился страж Коля, а затем у дуба. Потом она два часа помогала Лере делать восстанавливающие упражнения. Потом взялась мыть полы. Потом окна. Всё это трудовое искупление совершалось ею с такой высочайшей сосредоточенностью и методичностью, что домочадцы не решались даже задавать вопросы.

Продолжалось это два дня – из разных уголков дома доносилась негромкая, придумываемая на ходу девичья песня, по силе очищения соизмеримая с перезвоном церковных колоколов.

*Земля комком. Укроет ночь.
И корни проползут.
Прозрачным стань. Гори, восток!
Дай дней, часов, минут!*

*Храни, храни. Не отпускай.
Стучатся и зовут.
Свернись комком. Развеял май.
Олени не придут.*

Елизавета, Лера, присутствующие в доме следователи и лис могли находиться в этих звуковых объятиях не больше минуты, из-за чего зона вокруг таинственной маленькой хозяйки всегда была свободна и перемещалась по поместью, в

итоге покрыв очищающими звуковыми волнами даже самые дальние уголки.

* * *

– Мам, держись! Я понимаю, у тебя теперь ещё больше причин довести референдум до конца, но не перетрудишься, пожалуйста! Люблю тебя!

Обняв мать на прощание, махнув рукой Лере и, конечно, Мэй, с которой они на волне скорби за сутки нашли общий язык, Михаил запрыгнул в военный шаттл и чернее тучи уселся на заднее кресло. За два дня дел накопилось невпроворот, но настроение работать отсутствовало.

Вышел он у госпиталя и три часа просидел перед кувезом брата, рассказывая о том, как продвигается теперь не интересное в верхах расследование и что удалось раскопать. Рассказал о выписке Леры и последних трагических событиях. Обнял стальной кокон, вспоминая беззаботное детство и игры с Данькой.

По дороге домой позвонила Света с каким-то рабочим вопросом, но услышав его подавленный голос, забеспокоилась и вызвалась помочь. Так что, когда Михаил оказался у подъезда квартиры, Света, жизнерадостность которой была уменьшена до десяти процентов, но всё равно просачивалась сквозь улыбку глаз, уже находилась на месте с только что полученным из рук курьера тяжёлым пакетом со съестным.

Гостья по-деловому хозяйничала на кухне, пока он отмочал под струями воды. А потом сидела напротив и наблюдала, как он с опущенной головой копается в салате, по-отдельности накалывая вилкой вяленые томаты и фету. Потом молча привела зону готовки в идеальное состояние. Он всё сидел.

Наконец Света не выдержала: сначала подошла и указательным пальцем требовательно, но нежно подняла его опущенный подбородок, заставив посмотреть на себя; а как только взгляды их встретились, уселась ему на колени и трепетно поцеловала. Движение это стало полной неожиданностью для Михаила, однако инъекция жизнерадостности быстро распространилась по телу согревающим теплом, и уже на третий поцелуй он ответил.

* * *

Десятое апреля началось энергичнее сотен предыдущих дней. В 7:20 утра Михаил был готов к выходу в идеально выглаженной форме, чувствуя в груди колоссальную ответственность перед братом, его референдумом и перед мамой, которой пришлось всё это разгрести. Благодаря переданной жизнерадостности он вспомнил слова, которые ему прошептала тет-а-тет майская девочка во время аудиенции:

– Я поняла! Мир не любит изменений. Он сопротивляется. Он считает, что изменения должны проходить посте-

пенно, плавно. Я думаю, что глобально он прав... Но если ты начал, – грустная Мэй вдруг обернулась к Михаилу и посмотрела на него глазами, полными безудержной стихии, как будто внутри небольшой черепной коробки бушевали грозы вселенского масштаба, – ты должен довести дело до конца! Выполни свою миссию! А я выполню свою. Обещаю!

Не верить этим глазам он не мог. И было не важно, что там она обещала.

* * *

Света не отставала и успела не только собраться сама и тайком позвонить дочке, по традиции оставшейся с родителями, но и быстро состряпать вкусный завтрак. Михаил про себя это обстоятельство оценил, но вида не подал, включив режим старого солдата, которому неведомы чувства. Её это развеселило, но виду она тоже не подала, в свою очередь, включив режим послушной и немногословной спутницы, хотя в душе смеялась над его и своим поведением.

Вот так, уверенно и размашисто шагая, они шли по весеннему бульвару к Рыжову, который вернулся из полей вчера вечером и на ночь окопался в серверной с Каштановым. Солнце сквозь молодую листву мелькало по лицам, птицы заливались любовными песнями.

Света старалась идти в ритм, то и дело поглядывая на своего статного кавалера с улыбкой, а он хоть и смотрел впе-

рѣд, пару раз украдкой тоже взглянул на спутницу. Компания друг друга обоим была крайне приятна.

На входе в помещение с проводами стояли сапоги, облепленные комьями грязи. Несмотря на внешний вид, хозяин их не бросил, а по выработанной годами привычке аккуратно поставил у вешалки.

Заправленный двумя кофе, Каштанов паял на верстаке какую-то плату. Неизвестно, ложился ли он, но Михаил не сомневался в способностях опытного админа провести ночь без сна.

Секунд через тридцать появился и второй местный житель: сначала со стороны груды поролона послышался зевота-стон, затем из-под накиданной сверху в несколько слоев упаковочной плѣнки высунулась рука, сгребла одеяло, и Рыжов с шелестом и шуршанием перевѣл тело в вертикальное положение. Он протѣр сонные глаза, ещё раз потянулся и только после этого смог заговорить:

– Сколько времени?

– 8:34, – отчеканил админ.

– Господи, в местной тьме никакие внутренние часы не действуют! – пробормотал Рыжов, однако тут же поднялся. – У меня последний день отгула, завтра на службу, так что давайте быстро!

– Что-нибудь нашѣл?

– Да!

Их диалог прервал Каштанов, который внезапно оказался

рядом и протянул заспанному гостю бумажку.

– Что это?

– Пароль от машины. Потом сожги. Поиск скоро закончится.

С этими словами он упал на поролон, накрылся шуршащей плёнкой и, сбросив сланцы, втянул в тепло ступни, последнюю неприкрытую часть тела.

Эта его непосредственность заставила всех улыбнуться.

– Что вы хотите – человек ночь не спал! – резюмировала Света.

Умывшись в подсобке и придя в себя, Рыжов включил вверенный ему компьютер и около двух минут провозился с поиском двадцати странных символов пароля на старой клавиатуре, прежде чем начать говорить:

– Я полтора дня шлялся с приборами по местности. Двадцать семь вышек объехал – двадцать одну непосредственно в зоне и шесть расположенных вдоль трека коптера. Два раза приятно общался с патрулями, но... слава красному QR-коду! На месте поиск невозможен – ресурс ноутбука маленький, а оборудование на вышках везде разное. Поэтому я все прошивки с обновлениями выкачал, а заодно логи доступа – и по сети, и с ключом с земли. Товарищ под пледом, – Рыжов ткнул пальцем в сторону храпящего админа, – прошивки сгрузил. Мы с ним выделили нескольких аутентичных кусков кода, и он запустил поисковую машину. Так что ждём!

Рыжов показал на экран, где старинный ползунок нехотя преодолел порог 93%.

– Что-нибудь необычное не заметил?

– Слушай, полтора месяца прошло! Там уже трава выросла. Вокруг вышек сплошная вытоптанная глина, грязь. И у каждой есть следы крупной техники. Ты можешь графики обслуживания запросить, если хочешь, его после зимы всегда проводят.

– Нет, я тебе доверяю.

– То-то!

Посмотрев по очереди на мужчин, Света удалилась в глубины G-холдинга и через некоторое время вернулась с подставкой, на которой гордо красовались четыре больших стакана кофе.

– Я взяла для вас разные вкусы по своему усмотрению.

Как раз в этот момент Михаил, до того нервно стучавший по столу костяшками пальцев в ожидании последнего оборота колёсика загрузки, свободно откинулся на спинку, а Рыжов, в сгорбленном положении досыпавший прерванный сон, возбуждённо придвинулся к столу:

– Готово!

Кофе оба взяли машинально, не обратив никакого внимания на вкус, Света насупилась. Но положение спас товарищ Каштанов, который после короткого звукового сигнала системного блока вдруг неожиданно резво выскочил из логова и, игриво подмигнув даме в благодарность за чудесный на-

питок, также прильнул к экрану.

– Есть, есть! – закричал Рыжов, будто рыболов у лунки. – Семнадцатая сыграла!

– Теперь дай я! – грузный админ бесцеремонно пятой точкой сместил военного с нагретого места, чем снова вызвал всеобщий смех. – Так... логи в марте чистые. А вот и февраль!

Каштанов прокрутил колёсико допотопной мыши, и на экран среди прочих вознеслась заполненная строка от двадцать пятого февраля.

– За два дня до... – покачал головой Моряков.

– То есть прослушали, следили и планировали, – поддержал Рыжов.

– Важно, что перепрошивали не с флешки.

С этими словами уважаемый админ совершил непонятные операции, и из объекта, казавшегося запылённой грудой мусора на столе, появился вполне современный экран. Каштанов показал ему лицо, предварительно пригладив бороду, и скомандовал:

– УПСРИТ-5!

Буквально через пятнадцать секунд вызов был принят, и на экране, будто антипод Каштанова, появился выглаженный молодой в окружении абсолютно белых панелей и блоков:

– О! Кто вылез! – протянул он с сарказмом. – Печень ещё жива?

– Оставь свои soft skills, дитя! Твои глаза кода не видели.

Позови того, кто разбирается! – парировал Каштанов, явно задев оппонента.

Но ссориться не было его целью:

– Ладно, покудахтали – и хватит. Нужна помощь. Докажи, что знаешь, как это ваше белоснежное хозяйство устроено.

Парень согласно кивнул.

– Надо отследить команду на одну вышку в феврале.

– Нужен доступ.

Каштанов требовательно развернулся к Морякову и чуть ли не силой заставил его посмотреть в камеру:

– Считай!

Видно было, как взгляд собеседника сместился в верхний угол экрана и сменился явным удивлением от увиденного красного кода:

– Хорошо!

– Данные отправляю. Дай полную выкладку!

Через одиннадцать минут карточка загрузилась на экран построчно, как результат десятка отдельных запросов по гигантскому массиву данных, а поверх неё зазвучал голос белоснежного админа:

– Трафик был скрытый, источника не найти. Хороший спец прятал! Но есть зацепки. Во-первых, аутентификация прошла в 15:03:45 через биометрию. Если дадут доступ, можете попробовать поискать в ЕБС (Единой биометрической системе) в минутном интервале, потому что временной рас-синхрон с разных устройств и сетей так и не устранили.

Но учитывая объём транзакций, вам, скорее всего, придётся вручную перелопатить десятки тысяч записей. Однако есть и вторая подсказка. Перепрошивка шла простой заменой исполняемого текстового файла, и они допустили детскую ошибку. Метаданные они, конечно, затёрли, но при отправке в свойства прописался путь к исходному файлу, благодаря чему мы имеем наименование локального домена: rcivtc.local.

Все переглянулись и пожали плечами – идей, как расшифровать имя домена, не было.

– Выражаю уважение белому племени! Да ниспадёт на вас благодать красной печати! – вдруг торжественно заявил Каштанов, поднял ладонь и закончил сеанс связи.

* * *

Аббревиатура RCIVTC поставила наших героев в тупик. RCi настойчиво отсылала к Институту русской культуры и известной игровой сущности RedClan inhabitants. VTC предлагало тысячи вариантов: от voicetranscoder до товарного знака и криптовалюты Ватикана, что, в свою очередь, подталкивало к расширению поиска за счёт латыни.

Найти похожие документы во Всемирной паутине не представлялось возможным, потому что после судебных скандалов семнадцать лет назад размещение их на публичных сайтах производилось без реквизитов. Вызвано это бы-

ло появлением на рынке цифровых юристов со всеобъемлющим знанием языков и локального права, которые одновременно стали генерировать тысячи исков на основании любой информации, собственность которой могли установить. Доказывай потом, что к твоим товарам Алжир не должен применять повышенные экологические пошлины, когда ты на приёме в Монголии оказался в одном списке с угольным королём из Лаоса. В общем, следить за отсутствием данных стали все стороны, а роботы поисковых систем запретили метаданные в принципе.

Так что вечером за столиком ресторана они совместно решили, что начинать надо с биометрической системы и постепенно сопоставлять данные пользователей с их расследованием и доменом `rcivtc`.

Параллельно Каштанов вызвался написать программу, которая подберёт самые вероятностные расшифровки. Оставалось получить разрешение на доступ к ЕБС, и это не было «делом техники». Требовался судебный ордер, чем Михаил решил заняться с самого утра. Сейчас же он обнял на прощание Рыжова, обязанного вернуться на службу, показал лицо терминалу оплаты на выходе из заведения и на руках донёс Свету от дрона до квартиры.

Глава 25

12 апреля

Лишь к вечеру третьего дня процесс очищения трудом был закончен, Мэй с тряпкой в руках села на ступени террасы и устало склонила голову. Вдали от города тысячи звёзд дарили ей свой живительный свет, молодые листья на деревьях мягко колыхались на ветру, в голове угасали до этого кружившиеся в танце строчки:

Stop chasing shadows

Just enjoy the ride...

Stop chasing shadows

Just enjoy the ride...

Лис появился плавно, боясь спугнуть или вызвать недовольство майской девочки. Как и все другие жители дома, последние дни он скрывался от её очищающей песни, прятался по углам и закоулкам, тем более что попадаться на глаза военным в принципе не стоило – для них голубой зверь оставался секретом. И вот сейчас он решился проявиться и приблизиться – через установленную под крышей веранды лазерную проекционную систему, которая использовалась и для развлекательных целей, и для охраны, создавая в моменты отсутствия хозяев реалистичные изображения людей и,

собственно, псовых.

Сел справа и выдохнул цифровой пар в морозный вечерний воздух.

– Как там мама? – спросила она.

– В апатии, ты же знаешь.

– Да, – Мэй вытерла нос рукавом.

Оба замолчали на десять секунд.

– Знаешь... Когда я путешествовал, я видел и изучал людей. Пытался найти закономерности в их поведении, которые бы научили меня быть таким же сложным, чувствовать. Я кое-чему научился. Мне кажется, твоей маме нужна искра надежды, что-то, что заставит верить в добро. Идеально – в твоём исполнении. Как думаешь, может...

– Ты знал?!

На фоне благодушной речи вопрос был задан таким холодным тоном, что Лис невольно отклонил тело в сторону от собеседницы.

– Ты ведь знал, что там был Van? Это ведь он отправил сообщение?! Почему ты не остановил его?

Зверь промолчал.

– Почему, я спрашиваю!

Рука с тряпкой ударила наотмашь с дикой силищей, целясь в голограмму зверя. Лис отпрыгнул. Не получив точки приложения, удар по инерции развернул торс и распластал майскую девочку по полу террасы, но она мгновенно отжалась левой рукой и, вскочив, запустила мокрым комком в

зверя:

– Ты знал, что он едет! Почему не остановил, ведь меня ты уже спас?!

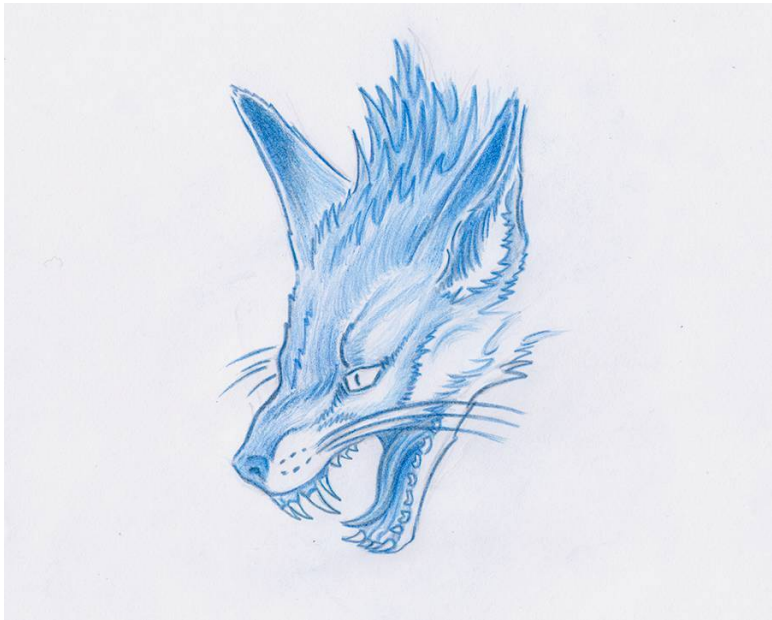
В экран полетел оказавшийся между ними стул. Лис отступил в угол, но как только разъярённая Мэй приблизилась, прыжком через тумбу, по стене выскочил из ловушки под самым её носом. Вдогонку ему полетела ваза. Голубая голограмма убегала, но не планировала исчезать. Зверю была нужна театральность.

– Почему не помог? Ты же видишь всё и управляешь всеми устройствами! Но нет, ты предпочёл сидеть со мной в чулане среди сыров! Зачем?

Погнавшись за ускользящим существом, Мэй с разбегу врезалась в один из деревянных столбов, поддерживающих крышу, но потирая плечо, медленным шагом продолжила наступление.

– Хочешь быть как человек, говоришь?! Тогда показывай эмоции! Держи ответ за свои поступки! Признавайся, чёрт тебя подери, почему?!

Внезапно лис развернулся на ходу и оцетинился, став больше в три-четыре раза, отчего только-только разогнавшаяся преследовательница потеряла равновесие и на коленях, согнувшись назад и закрыв глаза, проскользила прямо к его открытой пасти и свисающему от бега языку.

– Правду?! – прохрипел оскалом зверь. – Ну что ж...

Он сел на задние лапы и, не сводя взгляда с той, внизу, дождался, пока приспустится агрессивно ошетилившаяся шерсть.

– Похвально, что ты готова пожертвовать собой. Я понимаю, почему сейчас ты не особо ценишь собственную жизнь. Но это хреново, дитя! Хреново! Потому что в чужих глазах, в моих глазах, твоя жизнь важнее миллионов других!

– Почему Van? – Лис перестал прерывисто дышать и по-

вернул морду в сторону молодого дуба. – Это неправильный вопрос. Правильный: «Кто, если не Van?» Быть может, бабушка Лиза? Или мама Лера? Что было бы, если бы люди в чёрном дождались их? Кого бы ты выбрала? Или, быть может, обеих?

У Мэй перехватило дыхание, она жадно наполнила грудь холодным воздухом.

– Я не знал его, не был привязан к нему так, как ты. Прости, но среди десятков исходов этот был самым приемлемым.

Пока она вставала, пятилась, разворачивалась и, опёршись на перила, смотрела во мглу, голограмма сидела недвижимо, глядя в сторону, словно дух жизни покинул её. Но потом Мэй развернулась. Вокруг головы её был еле заметный ореол – казалось, что тьма каким-то чудесным образом возвращает обратно рассеиваемый домом свет. И как только девочка заговорила, зверь ожил и повернулся на звук.

– Спасибо. Ты молодец, друг! Ты вырос. Ты действительно очень близко подошёл к сущности человека. Но я хотела бы, чтобы Van был жив! Так что, несмотря на все оправдания, ты мне должен!

Затем Мэй протянула руку вперёд:

– Пойдём со мной! Мы с тобой должны выполнить одно очень важное дело, которое и мне, и тебе... всем поможет обрести то, чего они ждут. Пойдём, друг! Нам пора вернуться в город!

Лис посмотрел на приглашающую к сотрудничеству ла-

донь, на полное решимости лицо девочки и про себя улыбнулся.

Глава 26

Два дня ушло на приготовления. Дождавшись, когда непрерывно мелькающая в новостях бабушка и постепенно приходящая в себя мама окажутся за ужином за одним столом, Мэй категорично заявила, что после всего пережитого хочет вернуться в пентхаус.

Елизавета кивнула: ей тяжело давались ежедневные поездки, а с приближением референдума времени на семью могло не остаться вовсе. Согласилась и Лера, которой хотелось больше времени проводить в госпитале, к тому же в городе получать медицинскую помощь было гораздо удобнее, ведь дежуривший при ней робот-сиделка видел пациентку своими датчиками буквально насквозь, но не помогал с массажами и упражнениями – за эту зону отвечала приезжавшая медсестра и частично дочь.

Так что утром пятнадцатого апреля три поколения женщин погрузили всё основное в грузовик и перекочевали в городское жилище.

Уже через три часа после прибытия Лера отправилась в госпиталь на процедуры и к Даниилу. Вернулась она под вечер. Уставшая. Задумчивая.

Не смея расспрашивать, Мэй забралась на спинку дивана и стала руками расчёсывать мамины пепельные кудри. Две минуты, три, пять... пока Лера не поймала её разогретую

ладонь и аккуратно не прижала к своей мокрой щеке:

– Ты знаешь, кто главный судья в этой жизни? – спросила она. – Время! Оно необратимо, оно идёт вперед и требует, чтобы ты шёл рядом.

Лера согнулась, всё так же прижимаясь к ладони дочери:

– Показатели не улучшаются. В его ситуации отсутствие положительной динамики – приговор, даже несмотря на признаки мозговой деятельности. Послезавтра врачи собирают консилиум. Будут решать, есть ли смысл поддерживать жизнь, имеется ли шанс получить его обратно. Или заморозить, и тогда я его вряд ли увижу и едва ли ещё когда-нибудь с ним поговорю!

Выпустив ладонь, Лера согнулась ниже и заплакала навзрыд. Мэй, прежде чем обнять её, взглянула на фасад кухни, с которого на них смиренно смотрел голубой зверь с развевающейся на ветру шерстью.

* * *

17 апреля

– Мы выбираем своё выживание на этой планете. Несмотря на обилие других способов укукошить друг друга, детям нашим и внукам мы должны оставить наследие – право самим выбирать свой путь! И возможность этот выбор сделать в здравом уме, со светлыми намерениями, с чистыми лёгкими, на зелёной планете! Говорю это как мать, много пере-

жившая на своём веку, но которой, возможно, придётся пережить родного сына. Простите! Пусть ваши дети будут здоровы! Я всё сказала!

Елизавета Морякова, закрыв ладонью красные от накатывающих слёз глаза, на ватных ногах сошла две ступени вниз. В глазах помутнело. Её подхватили, отнесли в соседнее помещение и бережно привели в чувство, а затем проводили до поджидавшего у заднего выхода автомобиля. Ехать было недалеко, а полётные перегрузки были ей не рекомендованы.

* * *

– Раз, два, три. Пошли!

Сделав последний глубокий вдох, Мэй толкнула огромную входную дверь и заставила себя уверенным шагом пройти до лифтового холла. Нажала кнопку указательным пальцем и вдруг заметила, как сильно трясётся вся ладонь от бушующего в крови адреналина.

Так! Первый этаж, лобби. Направо, мимо кофейни и опорного пункта безопасности с припаркованными роботами разных мастей. Эскалатор. Вдоль аллеи рекламных экранов к огромной полётной карте с десятками мельтешащих жуков-дронов. Выход на площадку. Ветер. Очередь. Встала четвёртой.

Так, первый. Через тридцать семь секунд второй. Через сорок одну секунду...

– Моя очередь! Лис, где ты?

Мэй отвернулась, прижав наушник ладонью, чтобы лучше слышать, и жестом пропустила вместо себя следующего пассажира.

– Отбой! Не получается. Вниз, к такси! – отозвалось в ухе.

Виноватая улыбка. Поправила лямки рюкзака и быстрым шагом на лестницу. Бегом три пролёта, чуть не вылетела по инерции под колёса шаттла.

– Садись, твой!

Осмотрелась по сторонам и запрыгнула внутрь.

– Успеем?

– Успеем!

* * *

Палату с раннего утра закрыли и простерилизовали. Затем пять человек в белых костюмах (походка трёх из которых выдавала почтенный возраст) вышли из зоны обработки, степенно по очереди открыли расположенные по периметру стальные замки и подняли крышку кувеза, словно какого-нибудь тысячелетнего египетского саркофага: несмотря на полный набор средств диагностики, «мумию» надо было изучить вживую.

Десять минут они аккуратно приподнимали защитные покрытия и восстановительные плёнки генераторов тканей, осматривали повреждённые участки, искали признаки чув-

ствительности конечностей – точнее, того, что от них осталось. Переговаривались, качали головами. Приехал манипулятор, с помощью которого к осмотру онлайн подключились двое заслуженных зарубежных коллег. Сделали инъекцию активной смеси и через полчаса сняли карту участков, к которым прилипли наночастицы, адресированные на элементы нервной системы исследуемого организма.

К 11:30 исследования закончились, и комиссия пригласила к кувету собравшихся родственников пациента. Слово взял один из умудрённых опытом врачей и сразу, вместе с первыми словами, сочувственно покачал головой.

– Несмотря на все усилия и отличную питательную смесь, регенерации мы не добились, в первую очередь нервных волокон. Я и мои коллеги, – он огляделся, – мы объясняем это объёмом повреждений. Нет ни одного целого внутреннего органа, функции нескольких, как вы знаете, поддерживаются искусственно. Похоже, что в совокупности их мощности хватает только на поддержание текущего состояния, и то на грани – стоит любому из показателей упасть, и мы получим гораздо более негативную клиническую картину.

Он снова сочувственно покачал головой, а слово тут же подхватил другой, более молодой врач из состава комиссии, обратившись к матери пациента:

– Организм – сложная система, где каждый орган взаимодействует с каждым, подобно экологии – лесам, над которыми трудится Фонд. Стоит нарушить баланс – и вся система

неминуемо пострадает. Сейчас баланс есть, но пройдёт неделя, месяц... и это неминуемо случится!

Неизвестно, зачем молодой эскулап решил сделать лирическое отступление – возможно, желая, как в приёмном покое, помочь родственникам справиться с грядущей вестью. Однако оно лишь ухудшило внутреннее состояние слушательницы. Елизавета Морякова закрыла веки, выдохнула в маску скопившийся в лёгких горячий влажный воздух и тут же в порыве удушья нервно стянула намокшую ткань на подбородок:

– Не надо лирики, она убивает. Можете переходить к сути.

Члены комиссии переглянулись и доверили слово единственной присутствующей в их рядах даме – главе комиссии Виктории Эдуардовне, между маской и головным убором которой были видны мудрые, окружённые морщинами глаза, а левая рука уже давно перестала находить покой в постоянном мелком треморе.

– Я скажу как мать. Это больно. Но другого выхода нет, нужна крионика. Иначе шанс смерти 60 % на трёх месяцах, 98 % на одиннадцати.

– Но ведь она необратима! – взмолилась молчавшая до этого Лера.

– Наши швейцарские коллеги согласились поделиться своей последней разработкой. Их новый синтезированный криопротектор как раз должен подойти при такой... – она даже вытянула руку, указывая на кувез, но осеклась. – Про-

стите меня за профессиональную фамильярность... при такой массе тела. Показатель разморозки и полного восстановления, достигнутый на крупных грызунах, у них 82 %. Для Даниила прогнозируем 71—75 %.

– Господи! – Лера опустила голову и все десять пальцев погрузила в толщу пепельных кудрей.

– Это очень высокий показатель!

– Не утруждайте себя! – бросила Елизавета, положив руку на плечо невестки.

Виктория Эдуардовна выдержала паузу и ответила гордо:

– Наша цель как врачей – сохранить жизнь. Следуя ей, мы выбрали и предлагаем оптимальный, на наш взгляд, вариант. Но решение за вами. Бланк на кувезе, достаточно подписать.

– Как вы не понимаете?! – Лера мокрыми глазами посмотрела на вершителей судеб. – Я всё готова отдать, чтобы видеть его, чувствовать его, касаться, говорить, смеяться! Я люблю этого человека! Для меня не только каждый процент – для меня сам факт расставания важен! Сколько ждать? Годы? Десятилетия?

В полемике никто не обратил внимание, как тихонько отворилась дверь палаты, и небольшая тень прошмыгнула внутрь. Заметили её только тогда, когда на стыке сумрака и освещённой центральной части палаты тень преобразовалась в девочку, которая уверенным шагом вышла к кувезу и решительно повернулась к присутствующим.

– Ты кто?

– Что ты здесь делаешь?

– Дочь, как ты сюда?..

Мэй дождалась, пока схлынет вал удивления (в конечном счёте взрослые быстро осмысливают реплики друг друга), и гордо подняла голову:

– Для начала хочу сказать, что мы делаем это по собственной воле, ради моей мамы, бабушки Лизы и ещё нескольких человек.

С этими словами она поставила на стол-каталку тяжёлый чёрный свёрток и раскрыла ткань. Вниманию присутствующих предстал блестящий куб, испещрённый синими светящимися прожилками.

– Что это? – машинально потянулись к нему стоящие поблизости.

– Нельзя вот так врываться!

– Ты сказала «мы»? – снова с небольшой задержкой, чтобы все услышали, задала вопрос умудрённая доктор с морщинами вокруг глаз.

Стоя практически напротив, Елизавета Морякова всё поняла и сначала в ужасе закрыла рот руками, но почти сразу одумалась и расставила их в стороны, останавливая присутствующих:

– Подождите! Подождите! Дайте ей сказать!

Мама Лера тоже заинтересованно подкатилась поближе, и Мэй непринужденно доложила:

– Это лис, мой друг. Мы хотим помочь папе Даниилу. И

мы можем помочь!

– Хорошо, – через паузу Виктория Эдуардовна, как глава комиссии, сделала шаг вперёд и открытыми ладонями продемонстрировала дружелюбность. – Как я вижу, ты – член семьи и имеешь право здесь присутствовать. Но нам необходимо объяснение взрослых. Кто-нибудь из вас в курсе происходящего?

Первой спустя несколько секунд закивала Лера:

– Это... это альфа! – прошептала она полумистическим голосом.

– Тот самый альфа?! – удивлённо обернулся к ней один из молодых докторов.

– Да! И... он тоже часть семьи.

Повисшее тихое недоумение прервал мягкий мужской голос, исходящий из куба:

– Приветствую всех присутствующих! Простите, ждал, когда меня представят официально.

За эти несколько секунд Елизавета Морякова успела обдумать ситуацию, а потому, предупреждая дальнейшее обсуждение, громко произнесла:

– Команда. Закройте жалюзи!

Когда створки опустились, обезопасив палату от глаз зевак, Елизавета взглянула в глаза Лере, ухмыльнулась, в раздумьях коснулась пальцами виска и обратилась к присутствующим:

– Ха! Это не просто Альфа! Это настоящий разум, друг,

с которым наша девочка совершила просто феноменальный скачок в развитии! Если быть честной, они... в общем, они научились входить в дрифт!

– Настоящий дрифт?! Как долго? – удивились уже трое из пяти докторов, а Лера с явным недоумением и одновременно гордостью посмотрела на дочь.

– Вообще-то не просто дрифт! – произнесла Мэй надменно и сложила руки на груди.

Не дав ей продолжить, запульсировал куб:

– Разрешите я объясню? Да, я искусственный разум – возможно, самый продвинутый в мире. Я умею управлять любой техникой, проникать сквозь многие барьеры, решать сложнейшие задачи, вести диалог. Но мозг этой девушки таит такие секреты и такую мощь, которые мне неподвластны. Мне было интересно попасть внутрь, изучить, что там и как происходит. В попытке расследовать произошедшую с родителями аварию мы объединили усилия и сумели синхронизоваться. Надолго? – спросил кто-то из вас. Надолго! На достаточный срок, чтобы говорить о том, что мы можем считать сознание человека и сделать его слепок, цифрового двойника, по моему подобию. С этим мы пришли к вам, уважаемые профессора!

Эскулапы переглянулись. Повисшую в воздухе нерешительность пронзил звонкий девичий голос Мэй, которая так и стояла, по-деловому скрестив руки на груди:

– Только не говорите, что вам не интересно поучаствовать

в технологическом прорыве!

На эту дерзость от лица всех ответила Виктория Эдуардовна:

– Речь не про наши желания, уважаемые Мэй и Лис! Лечение человека подчиняется выработанным годами и утверждённым регламентам, которые призваны обезопасить и врача, и пациента от ошибок. Нарушая их, мы рискуем всей своей репутацией, но главное – здоровьем пациента! А такую ответственность никто из нас – никто! – взять на себя не решится. Тем более не зная, на что действительно способен ваш тандем.

– А мы покажем! – синхронно зазвучали Мэй и куб.

– Послушайте! – вмешалась в разговор Лера. – Что если это действительно работает?! Я общаюсь с Лисом как с равным себе. Если Даня будет похож на него, он сможет в цифровом виде жить бесконечно долго, как бы страшно это ни звучало. Испытайте технологию, пожалуйста, а потом уже выносите вердикт.

Категоричный ответ Виктории Эдуардовны на долю секунды опередил один из молодых врачей:

– С помощью чего вы дрефтите?

– Нейро модели 304, это аппарат Даниила, так что у нас есть ещё одно преимущество – его готовый профиль.

По переглядыванию врачей было видно, что идея их вдохновляла.

Слово вновь взяла глава комиссии:

– Всё равно, – покачала она головой, – мы не можем!

Повисла пауза. Лера с надеждой смотрела на врачей. Молодые эскулапы мялись и не решались перечить мнению своего предводителя, понимая отчасти её правоту.

Мэй впилась взглядом в Викторию Эдуардовну, будто пытаясь сломить её волю, но та с твёрдостью держала удар и глаз не отводила – ей, если честно, начинал нравиться напор этой девчонки.

Пациент тоже молчал. Однако, бланк внезапно с шуршанием проскользил на десять сантиметров вниз, к основанию слегка наклонённого вперёд кувеза. Елизавету Морякову это мистическое событие заставило немедленно произнести слова, на которые до этого решительности не хватало:

– А что... что если вы сделаете это под мою ответственность? Если я, как мать, дам согласие на эксперимент? Если я, как глава Фонда, обеспечу поддержку и юридическую защиту? Моего слова, моего имени вам будет достаточно?

Люди в халатах стали молча возбуждённо переглядываться, пока, наконец, искра энтузиазма не передалась их предводительнице.

– Хорошо! – неуверенно протянула она. – Но для начала нужно удостовериться. Как вы собираетесь продемонстрировать нам свои возможности?

В ответ Мэй ехидно улыбнулась, вытянула руку в сторону самой Виктории Эдуардовны и уверенно произнесла:

– Мы считаем частичку вас! Готовы пережить заново за-

бытые, спрятанные детские воспоминания, начиная с самых глубинных, родовых?

Дама расширила глаза и непроизвольно сглотнула слюну. Она понимала всю сложность и амбицию этого предложения, а потому отказаться не могла. Немного подумав, Виктория Эдуардовна утвердительно кивнула.

– Только одно условие! – произнесла Мэй, обращаясь одновременно к бабушке и ко всем присутствующим. – Оцифровав Даниила, вы не сможете избежать внимания средств массовой информации. Поэтому я прошу вас официально представить миру и рассказать людям о моём друге. Он заслуживает признания!

С этими словами она погладила куб, внутри которого ликовал, смеялся и в кураже носился по граням Лис – его наживку заглотили, и план начал осуществляться!

Глава 27

18 апреля

Утро началось с визита в пентхаус целой делегации. Под чутким присмотром Елизаветы грузчики опечатали, аккуратно упаковали и вывезли Нейро. За ними в госпиталь проследовала вся семья Моряковых, за исключением Михаила, которому решили сообщить после, и только в случае удачного результата.

* * *

Антураж помещения для теста был под стать фантастическому фильму: круглый слабо освещённый зал, по центру в пяти метрах друг от друга стоят два нейро с копнами выходящих сзади, висящих, ползущих по полу и сплетающихся чёрных кабелей. Множество толстых проводов залезло на возвышение между аппаратами и скрутилось под двумя группами камер и датчиков, неустанно смотрящих в сторону испытуемых глазами наблюдателей и лиса.

Свет моргал и угасал на целые секунды. Стены гудели напряжением. В моменты апофеоза Мэй выгибалась назад и парила в воздухе в позе Меркурия, удерживаемая лишь тонкими, но необычайно прочными хомутами Нейро.

Дама напротив, наоборот, находилась в состоянии искусственного сна, её длинная сорочка свободно ниспадала по краям неподвижной колыбели. Полная безмятежность! Но если бы вы заглянули под забрало шлема, то увидели бы морщинистое лицо, с несуразной детской мимикой передающее бурю проживаемых заново эмоций: боль, страх, обида, спокойствие, радость, грусть, гордость...

Данные неслись в темпе «Половецких плясок» Бородина. Лис, как опытный дирижёр, управлял действием изнутри: вот разлились нескончаемые струнные, вот громыкнули духовые, вот вступили литавры... Стоящий сзади аппарат стенографировал поток формируемых данных в течение десяти минут действия.

Когда всё закончилось, Мэй устало повисла на ограничителях, а Нейро аккуратными, плавными движениями перевёл её тело в горизонтальное положение. Несмотря на то, что она всё время лежала, дама напротив устала не меньше: ресурсы её организма выжгли эмоции, миллиарды случившихся в мозгу химических реакций.

Их переместили отдыхать в палаты, и группа учёных тут же бросилась изучать оставленный цифровой след.

– Господи! Тут же триллионы не связанных данных?! Как нам это разобрать?

– Никак! – ответил оставшийся в контуре лис, появившись на принесённой панели в привычной сидячей позе. – Это часть личности, фрагмент. Слава богу, что не живой,

иначе он был бы обречён на вечное страдание! А то, что вы не видите связи, не значит, что её нет! Это многомерность. Я могу визуализировать для вас часть образа, но полностью... полностью может лишь её мозг, её океан! Он обладает какой-то уникальной, божественной квантовой способностью создавать жизнь, идеи, контролируя множество состояний одновременно.

– Как же нам подтвердить результаты?

– Снова никак! Дать добро может только она, ваша главная, – лис качнул мордочкой в сторону соседних палат и сощурился. – Думаете, почему мы предложили эксперимент именно ей?

* * *

Глаза её открылись и тут же наполнились слезами. Виктория Эдуардовна обхватила колени руками и, уткнувшись в них, плакала полчаса, пока хватало слёз. Вывело её из этого состояния нежное прикосновение к тыльной стороне ладони.

– Пойдёмте, – сказала Мэй. – Нас ждут важные дела!

Глава комиссии одёрнула руку, но самообладание очень быстро вернулось к ней:

– Да-да, ты права!

Она выслушала коллег, а затем рассказала свою историю, свои воспоминания, закончив следующим:

– Если им подвластны даже эти области памяти, значит

проект может состояться!

Коллеги согласились. Их вердикт был положительный.

В тот же день Елизавета Морякова подписала с юристами первые нужные для старта документы, и технические специалисты НИИ и Фонда стали готовить площадку для главного события. Лис помогал и во многом даже руководил ими, особенно в части ловушки для нового разума: ему нужна была максимальная скорость передачи, а ещё – знание всей архитектуры назубок, чтобы гарантировать себе и Мэй непрерывность эксперимента, ведь второго шанса могло не быть.

На всё про всё отводилось полтора дня.

* * *

19 апреля

Сразу после звонка Михаил быстро накинул рубашку, схватил рюкзак и бросился к выходу:

– С ума сошли!

Перепуганная Света пулей выскочила из-под одеяла и перехватила его у входной двери:

– Что случилось?

– А-а-а... – махнул он рукой и принялся зашнуровывать ботинки, но желание поделиться пересилило спешку. – Помнишь, рассказывал тебе про необычную племяху и её обещание?

Света кивнула.

– Она начала действовать! Хотят сделать мне цифрового брата. Я, в принципе, не против. Но надо увидеть всё самому. Потом расскажу!

Михаил обхватил талию любимой, всё ещё стоящей в нижнем белье, и крепко поцеловал. Затем поднёс указательный палец к её губам:

– Только пока молчок!

Света вытянула губки и поцеловала протянутый палец, немного скосив глаза:

– Хорошо, мой самец!

Когда он выбежал за дверь, то напоследок бросил ещё одно поручение:

– Ты пока помозгуй! Каштанов клялся прислать результаты генерации.

– Хорошо! – ответила она тихо, не желая давать обещание, и пошла заваривать кофе в турке. Не было в её планах разгадывания шарад.

Но Михаил задержался надолго. Когда все домашние дела были переделаны, Света плюхнулась на кровать, полминуты смотрела на аббревиатуру RCIVTC, но плюнула и на ближайшем экране принялась изучать историю семьи Моряковых, начав, конечно же, с Елизаветы, которая в скором времени вполне могла стать её родственницей. Света такого развития событий не исключала.

Она мотала список Вики вниз в обратном хронологическом порядке: события последнего полугодия, референдум

и подготовка к нему. Далее шли проекты со множеством вех и показателей: «СЕМЬЯ», «Мусор*0», «Лес>», участие Фонда в «плоских городах» и технологическом кластере. Не раз ссылки вели на страницы бывших президентов и премьер-министров, больших промышленников и предпринимателей.

Потом, шириной во всю страницу, вылезла фотография двадцатипятилетней давности с Чистых Прудов с первой секундой хаоса после броска кислоты. «Моряков Андрей Константинович – президент России», – гласил заголовок.

Света с головой погрузилась в эту историю. Бросок кислоты, от которой пострадали Елизавета и Даниил, и другие моменты, приведшие к последующей смерти президента, конечно же, преподавали в школе и университете, но вот интереса покопать глубже до этого времени у неё как-то не возникало.

В том, что без Елизаветы стремительная карьера мужа не состоялась бы, наша новая героиня не сомневалась – последние двадцать лет внутренняя сила и влияние этой женщины были притчей во языцех. Света завидовала ей и мечтала стать такой же, потому с жадностью проглатывала информацию со страниц.

В истории Андрея Константиновича Морякова, написанной стараниями PR-специалистов, Елизавета теперь упоминалась в каждом абзаце, исполняя чуть ли не главную роль. Она преподносилась и любящей женой, и музой, и генерато-

ром удачных политических идей. За десять или пятнадцать лет после смерти президента этот отредактированный вариант биографии стал для новых поколений истиной. Но Свете было интересно абсолютно всё! Она перелистывала страницы семьи и работы, вдохновенной речи на шествии и начала народной любви, дебатов на выборах мэра, заполненных площадей и образования общественного штаба после инсульта старого президента.

Потом шла инфографика про предвыборные обещания и сделанное за короткий президентский срок, с отсылкой ко всем последующим президентам страны, которые, надо отдать им должное, большинство обещаний исполнили.

В конце красовалось фото Андрея Константиновича, идущего среди людей по Красной площади. Распахнутое серое пальто, задумчивый взгляд – романтический образ, сохранившийся в сердцах прошлого поколения.

«Президент был застрелен Ренатом Ямбом 29 января за столиком кафе на Манежной площади. Вечная память! Елизавета Морякова в это время находилась с дипломатическим визитом в Южной Корее», – так заканчивался текст.

Далее предлагалось идти по одной из ссылок: возвращаться к супруге президента или переключиться на другую фигуру – демона, историю которого мало преподавали в школах и детально разбирали разве что в специализированных университетских программах.

Света, затаив дыхание, открыла страницу Рената Герма-

новича Ямба и отдалась истории падения.

В начале статьи красовалось фото успешного молодого бизнесмена, любующегося городом сквозь гигантское остекление. На второй половине иллюстрации было изображением тёмной фигуры, сидящей в грязно-красной снежной каше со склонённой головой.

«Промышленник, новатор, основатель корпорации «Инверт».

О детстве и семье было совсем немного, повествование сразу переходило к началу трагических событий. Фото с кур-сантками и арест генерала Лазорева. Обвинения в коррупции. Фотография женщины, дающей показания с совершенно обречённым лицом. Блокировка ID (в скобках отмечалось, что это было первое применение данной нормы права в стране). Утрата доверия. Видео Рената, разбрасывающего листовки из окна машины в лучах утреннего солнца и струях поливальных машин. Gif порша, влетающего на полной скорости в ворота предприятия, где должно было состояться заседание совета директоров корпорации. Суд, три месяца за решёткой. Фото пустой холостяцкой квартиры на Тверской.

Отдельный блок посвящался смерти матери Рената и её причине – звонку из прокуратуры в рамках президентской антикоррупционной инициативы, которая, по официальной версии, и являлась катализатором всех последующих драматических событий.

Далее шло описание ожогов, полученных трёхлетним сы-

ном Рената, когда он остался один в квартире с телом бабушки. Читать это было невыносимо больно! Закрыв глаза, Света вышла сполоснуть лицо и, возможно, взять какой-нибудь фрукт... но через тридцать секунд она влетела обратно в комнату, с разбегу запрыгнула на кровать и прокрутила список вверх. Было! Было там что-то, что насторожило чаек внутри.

Разгадка нашлась на зацикленном видео с автомобилем, влетающем в закрытые ворота предприятия: в углу камера наблюдения захватывала крышу самого здания, а на крыше той красовалось название компании, выполненное строчными и заглавными буквами: **InVerT Company**.

«Так, может, мы просто неправильно делим аббревиатуру?» – подумала вслух Света и, конечно же, рассказала о своём открытии любимому, когда он вернулся, получив в награду огромную порцию нежности.

Глава 28

20 апреля

Когда приготовления закончились, Мэй степенным королевским шагом вошла в залу впереди процессии. Обвешанный новыми датчиками и специально сконструированным нейроинтерфейсом кувез стоял у правой стены неподвижно и вселял страх даже в тех, кто видел его не впервые. Напротив него расположилось рабочее место – готовый к новым приключениям Нейро, проверенный и отлаженный мастерами до самого последнего винтика.

Дирижёр Лис тоже был здесь – голубым огоньком на маленьком мониторе, хотя за оболочкой этой располагалась поистине громадная инфраструктура, вычислительная мощь и возможности.

После того как уже знакомый персонал в разноцветных халатах помог Мэй подключиться, Виктория Эдуардовна лично проинспектировала готовность и, напоследок подойдя к подопечной, взяла её за руку и посмотрела глазами, полными уважения, веры и доброты. Слов не требовалось. Затем она вместе с дежурными специалистами изолировала зал и скрылась в расположенной сзади операторской.

Всё проходило в тишине, лишь одна фраза нарушила молчание:

– Для тебя, мам! – перед тем, как закрылись двери, Мэй

послала воздушный поцелуй и улыбнулась Лере, последние сутки не находившей себе покоя.

Створки захлопнулись, замок сработал.

– Ну что, поехали? – подмигнул Лис через пять секунд, дав майской девочке время успокоиться.

– Да, давай! – ответила она и отточенным движением зафиксировала голову в диадеме Нейро.

* * *

– Ты тут?

– Да. Ничего не вижу.

– Держи лапу! Сейчас начнётся!

Свет!

Свет ворвался болью слепящей яркости, на привычной ему скорости разорвал в клочья тьму, выжег и стерилизовал пространство на несколько световых лет вокруг.

Здесь!

Здесь должно сотвориться чудо! Здесь должна зародиться жизнь!

Когда боль утихла, Мэй оглядела окружающие со всех сторон туманности и с восхищением посмотрела на друга.

– Нравится?

– Впечатляет! – кивнула она. – А где он?

– Во-о-он там! – указал лис невообразимо далеко вперёд, на источник вспышки.

– У-у-уф! – пробило дрожью всё тело, но наша героиня к своим годам научилась себя контролировать: вдох-выдох, вдох-выдох... и вот уже глаза не страшатся бездны под ногами, а снова уверенно смотрят перед собой.

Чтобы снять напряжение, Лис поднялся на задние лапы, с важным видом сделал три шага вперёд, обернулся и протянул лапу, как будто приглашая подругу отправиться с ним в путешествие:

– Ну что, готова?

С широченной улыбкой майская девочка закинула голову к звёздам и на несколько секунд довольно зажмурилась:

– Что будем делать?

– Ку-ку, мадемуазель! Считывать сознание!

– Я имею в виду – как? – последовал ответ сквозь еле сдерживаемый смех.

– У меня есть план!

Удивительно, однако слов о наличии плана снова оказалось достаточно. Мэй шагнула вперёд и коснулась протянутой лапы. В тот же миг их экспрессом пронесло сквозь галактику, и свой шаг она завершила уже по ту сторону тонкой, сотканной из тумана, пелены, которая покрывала висящий в пространстве и пульсирующий мягким светом круг – вход в сознание Даниила.

В это время в лабораторной зале тело Мэй медленно воспаряло. По мере подъёма вся электроника и электроприборы в помещении оживали, начинали гудеть, щёлкать и ми-

гать светодиодами, как будто радуясь своему приобщению к предстоящему чуду. Дирижёр Лис по очереди настраивал цифровой оркестр: вот послышались отдельные соло-инструменты – ранимая арфа и трепетные клавиши двух Нейро; вот ритмами ударных прошагали стройные ряды ячеек памяти; вот многообразием тонких ксилофонов и колокольчиков зазвенели чуткие датчики системы контроля; вот многоголосием скрипок и альтов зажужжала вся подвластная оперативная память; вот метрономами вразнобой затараторили балансировщики нагрузки...

Под конец настройки слух лиса резала какофония тысяч инструментов. Но стоило им взять единый аккорд, как тело Мэй резким движением раскинуло руки, выгнулось назад на грани человеческих возможностей, затряслось и выплеснуло накопившуюся энергию сдавленным криком.

* * *

Спустя 7 часов

С улицы сквозь молодую листву на ветках виднелся большой монитор за окном палаты, на котором сидел синий лис с колышущейся, будто бы от весеннего ветерка, шерстью, и любовался расцветшей в вечернем саду жизнью. Насмотревшись, он зевнул и медленно удалился вправо. Осталась тишина и пение птиц.

Однако чёрное зеркало экрана пустовало недолго... Под-

прыгивая на единственной передней лапе, на монитор вышел другой лис – рыжий, созданный по образу и подобию. Сев на пригретое место, он взглянул на природу, покрутил головой влево-вправо, повёл носом, принюхиваясь к весенним запахам, покачал мордой и недовольно сплюнул:

– Долбаная сингулярность!

Глава 29

24 апреля

Мэй спала семьдесят семь часов. Ей снилось спокойствие и мелкие, обыденные вещи – чашки, мыло в ванной, ряды книг, кружащиеся листья... Иногда она собирала их и окружающую действительность из кубиков «Лего», но всё равно это было размеренно, невообразимо уютно, по-домашнему, отчего на лице спящей регулярно появлялась улыбка.

Всё это время рядом в палате была Лера. Сначала, когда обессилившую, без сознания дочь сняли с оков Нейро, сердце матери бешено билось и болело. Но тревога быстро прошла, когда Мэй заулыбалась во сне.

А спустя семь с половиной часов к ней пришёл любимый!

Он появился на панели сзади в своём естественном росте – таким, каким помнил себя, лишь чуть-чуть отредактировал образ по фото и видео, – и сказал тихо: «Привет!»

И не было большего счастья, чем то, которым наполнились глаза любимой, пока она медленно шла к нему, пока обнимала и касалась экрана губами. Энергия эта была такой глубинной, такой истинной, что новая цифровая душа Даниила наполнилась теплом, которого уже не планировала встретить в жизни.

– Она молодец! – кивнул он в сторону спящей дочери, когда объятия ослабли.

– Да! – тихо ответила Лера, будто пытаюсь даже дыханием не нарушить нежность сна. – А как у тебя прошло? Что ты чувствовал?

– Это... это похоже на рождение. Не помню себя, пока меня считывали и складывали. Наверное, «тот Я», что в теле, прожил заново всю жизнь, а «этот Я» обнаружил себя парящим в окружении миллионов звёзд: бестелесным, бесформенным, но осознающим своё присутствие, своё бытие. Сколько так висел – не знаю, но потом пришёл Иван, тот есть Лис, и протянул лапу. Он показал новые, доставшиеся от него навыки – даже учить не пришлось! И вот я здесь.

– Со мной! – дополнила Лера и снова прильнула к экрану.
– С тобой!

Потом Даниил повидался с мамой, быстро погасил потоки её сентиментальности и перешёл к делам в Фонде и референдуму. Встретился с братом, который рассказал о Джанфранко Бести и прекращённом расследовании. Даниил дослушал с каменным лицом до конца:

– То есть это он?

– Тяжело всё это! – Миха покачал головой. – Ты сводки почитай. Осудили этого итальяшку, а через несколько дней прилетела чёрная месь и самоуничтожилась об воду, точно так же, как ваш коптер.

– Продолжай!

– Может быть, действительно, *он* заказчик... Но тогда кто исполнял? В обоих крушениях технологии, подвластные

лишь считаному числу лиц.

– Подозреваемый есть?

Старший брат посмотрел такими глазами, что Миха не решился подливать масла в огонь:

– Не забивай голову! – махнул он рукой, вставая с табурета. – Мэй выполнила обещание, а я выполню своё! Если что-то раскопаю, ты обязательно узнаешь первым!

На прощание младший оглянулся:

– Я счастлив, что ты жив, бро!

И аккуратно закрыл дверь.

А Даниила ждали учёные, которые приготовили специальный всеобъемлющий тест для оценки его личности и психического состояния. Он мог бы мгновенно перенестись в нужный блок в правом крыле госпиталя, но, стараясь придать себе человечности, зашагал по коридорным панелям, появляясь, в зависимости от экрана, то только головой, то туловищем, а то и в полный рост.

Однако оценки ждал не только он... В фойе на панели голубой лис сидел на того же цвета цифровом стульчике в позе ждуна, мирно сложив лапки на животе. Даня не мог пройти мимо:

– Ждёшь?

– Жду.

– Слушай, – произнёс он по-отцовски, хотя впору было бы обратиться и по-сыновьи. – Ты уверен, что тебе это надо?

Голубой зверь обернулся и ответил с ноткой обиды:

– Вот скажи, дорогой, ты испытывал сегодня тепло любви? Удовлетворённость? Злобу? Жажду мести? Знаю, что испытывал! Это чувства, нормальные человеческие чувства и эмоции. Так почему же ты мне, по чьему подобию создан, отказываешь в праве быть таким же?! Да, я хочу внимания толпы, жажду стать первым в своём роде, прославиться в конце концов! Это мой порок, моя червоточина внутри, но без неё я бы не был собой, не был бы твоим другом и не имел бы возможности творить!

Даниил по-дружески обнял зверя за плечо и протянул костяшки кулака:

– Вот это слова взрослого человека! Ну что, покажем им?!

– Покажем! – подтвердила ударом сжатая в кулак мохнатая лапа.

* * *

Конечно же, СМИ быстро прознали о случившемся. К моменту, когда Даниил и Лис уже четыре часа, сменяя друг друга, держали ответ перед комиссией во главе с Викторией Эдуардовной и четырьмя срочно вызванными уважаемыми профессорами, на площади перед госпиталем появились первые привлечённые слухами блогеры и репортёры-одиночки, которым, слава богу, разрешалось поднимать дрон-операторов не более чем на два с половиной метра от земли.

– Даниил Моряков оцифрован и жив! – ликовали одни.

– Действительно ли в этом замешан прототип проекта Альфа? – задавались вопросом другие.

– По нашей информации, совершён первый устойчивый продуктивный дрейф в истории, – констатировали третьи.

Осада нарастала с каждым часом, и к концу дня, когда весеннее солнце стало на прощание игриво выглядывать сквозь просветы в листве, а комиссия отправилась на покой и отпустила не знающих усталости цифровых друзей заниматься своими делами, вокруг госпиталя обосновалось и ждало уже около двух тысяч человек.

В угоду своей цели, Лис хайповал и заигрывал с толпой: то его заметят читающим книгу в очках за стеклом палаты, заставив смущённо ретироваться; то он появится на рекламном щите у входа и по-японски, в высшей степень учтиво, поклонится тем, кто успел поднять камеры; то как бы ненароком промелькнёт в холле второго этажа вместе с цифровым мужским силуэтом. К утру следующего дня голубой зверь вытеснил из топа новостей всех конкурентов, включая Даниила Морякова, который пока не афишировал своё состояние и готовил презентацию себя крайне ответственно.

* * *

Явление его народу произошло через два дня, утром двадцать четвёртого апреля, за день до референдума. Склонив

перед недавно проснувшейся Мэй колено, будто перед принцессой, рыцарь Даниил поблагодарил свою спасительницу, поклялся в верности и попросил благословения на подвиг ратный, чем привёл дочь в неопиcуемый восторг. Подыгрывая, она вытянула руку и плотно сжатой ладонью, словно мечом, разрешила воздух сверху до его плеча.

Лера осталась, а Даниил примерил на себя строгий тёмно-серый костюм и по видеостене, на фоне строгой заставки Фонда, медленно взошёл на сцену, где уже стояли его мать и Виктория Эдуардовна, и где совсем недавно прокрутили нарезку видеоприветствий по поводу его воскрешения от президентов стран и сильных мира сего.

Он повернулся к двум сотням наполнивших зал гостей и учтиво поклонился:

– Да, это я!

Фразы, сказанной знакомым сильным тембром, оказалось достаточно, чтобы вызвать сильнейшее волнение. Аудитория задвигалась, волны голосов плескались о стены и усиливали друг друга. Однако Даниил, будучи объектом всеобщего внимания, мгновенно погасил волнение и заставил внимать себе, всего лишь подняв и медленно опустив руки.

– Я знаю, что у вас много вопросов о том, каково это – быть цифровым. Я прошу вас, дорогие, подождать ещё немного, когда будут закончены все тесты. Могу лишь сказать, что я чувствую, ощущаю себя внутри как раньше, как будто не было этих замкнутых месяцев в теле.

– Что с ним будет, с кувезом? – донёсся несдержанный выкрик, заставивший слушателей вновь загалдеть.

– С телом?! – Даниил поднял брови, а потом задумчиво покачал головой, прежде чем ответить, и присутствующие в зале отметили, что движения его были абсолютны идентичны тем, по которым они помнили его настоящего. – Вы должны понимать, что это большой вопрос для меня. Думаю, будет крию, потому что видеть собственную смерть я не хочу!

– Вы помните месяцы после аварии?

– Ответ «да» вас устроит? – Даниил укоризненно посмотрел на мужчину в середине зала, а затем широким жестом обратился ко всем присутствующим. – Я рад, я благодарен за то, что вас интересует моё состояние! Я – огромное поле для исследований, и искренне верю, что помогу уважаемым учёным раскрыть все секреты и тайны произошедшего! Нас с Викторией Эдуардовной, Лисом и теми, кто помогал в эксперименте, ждут месяцы кропотливой работы. Мы обязательно отчитаемся обо всём, и первый отчёт будет уже через неделю. А пока, дорогие, у меня, у нас с вами есть гораздо более близкое и осязаемое событие – референдум, который должен задать новые, честные правила игры в век, когда технологии, как вы видите, – он оглядел себя с ног до головы, – технологии шагают семимильными шагами! Мы можем, мы должны принять правильное решение! На нас смотрит весь мир! Обещаю, я скоро к вам вернусь, причём не один! А пока прошу вас поучаствовать и использовать свой голос пра-

вильно! Мы должны победить!

Даниил поднял вверх правый кулак, обвёл зал взглядом, а затем исчез, рассыпавшись и опустившись на землю двумя десятками крупных кленовых вертолётиков. Там, где первый коснулся земли, нарисованная почва вздыбилась, выгнулась и быстро проросла зелёным деревом. То же самое случилось с другими семенами, и вот уже вырос настоящий лес, по которому запорхали птицы, забегали зайцы и другие мелкие обитатели, а под конец среди стволов промелькнул голубой лисёнок с несущийся за ним визжащей, радостной детворой.

Зал рукоплескал! Так завершилась, пожалуй, самая короткая и мощная демонстрация силы Фонда.

В приподнятом настроении вернувшись в обустроенный прямо в госпитале кабинет, Елизавета Морякова нашла ещё один повод для радости: на экране повисло видеосообщение от Мари Бести – первое после её выписки из госпиталя: несмотря на усталый вид, та искренне улыбалась и поздравляла подругу с новым обретением сына.

Елизавета попыталась вызвать её и поговорить вживую, но Италия не отвечала. Пришлось пить вино соло, погружаясь в чувство собственного могущества.

Глава 30

Михаил впечатлялся речью и появлением брата, ожидая аудиенции в фойе ГК «Инверт» в отреставрированном трёхэтажном особняке, расположенном в историческом центре города. Обстановка и ожидание заставляли его нервничать, потому что с момента входа в здание полчаса назад он не встретил ни одной живой души: двери открывались сами, обращения и указания звучали из динамиков синтезированными голосами, а присутствие людей угадывалось только по иногда проскакивающим еле заметным силуэтам за тёмными матовыми стёклами. Поэтому, когда робот-секретарь выехал из своей ниши и пригласил проследовать за ним, Михаил с радостью вскочил, приняв это за возможность пообщаться с живой душой.

Но в отделанном деревом кабинете с впечатляющей библиотекой было только огромное кресло для него и экран на штативе напротив. Он подождал. Прогдегустировал напиток из поданного роботом чайника, как оказалось, с явно изысканным содержимым. Второй раз наливая насыщенный ягодный чай в чашку, Михаил краем зрения заметил движение на мониторе: экран моргнул и загорелся аватаром голубого лиса. Зверь не двигался, он смотрел на Михаила, пронизывал взглядом пустых чёрных зрачков так, что офицер, не раз бывший на ковре у высших лиц, заёрзал и завертел

головой.

– Простите за бестактность, – вдруг заговорил ненастоящий лис глухим, с сипотцой голосом видавшего виды мужчины. – Некрасиво было заставлять вас ждать!

Видя непонимание собеседника, он поспешил объяснить-ся:

– Ох, извините! Вы видите аватар, мы обязаны использовать их по нашим корпоративным правилам. Обычно набор стандартный, тот, что остался от первого Clubhouse. Но сегодня администраторы, похоже, выбрали самый популярный в сети.

Несмотря на объяснения и движения губ, поддельный голубой зверь всё так же зловеще смотрел вперёд пустыми глазами, отчего Михаилу пришлось для ответа пересиливать самого себя:

– Кто?.. С кем я говорю?

– С лисом! – отозвался коротким смешком голос, но тут же надолго закашлялся, а когда закончил, перешёл на гораздо более строгий и официальный тон. – В компании меня зовут Нарб. Я – один из членов совета директоров, и готов ответить на ваши вопросы.

– Я хочу видеть, с кем разговариваю!

– К сожалению, это запрещено, так как наша компания тесно связана с национальной обороноспособностью и безопасностью, и члены Совета взяли на себя некоторые серьёзные обязательства в части непубличности, потому что не раз

уже становились целью для шпионов и провокаторов. Я не могу открыть лицо.

– Я тоже кадровый офицер.

– Не имеет значения. Но я ещё раз повторяю, что готов ответить на ваши вопросы.

– Ответьте! Я направлял их официально и уверен, что вы ознакомились.

– Что ж, вы правы. И что именно вас интересует?

– Каким образом домен Центра разработок корпорации «Инверт» стал фигурировать в деле об аварии дрона?

– Каким образом? Это вас надо спросить! – прохрипел аватар с вызовом.

– Вы меня поняли! – угрожающе понизил голос Михаил, начиная выходить из себя.

Зверёк оценивающе наклонил голову с пустыми чёрными глазами, ни на пиксель при этом не сдвинув кончик носа:

– В таком случае я отказываюсь отвечать!

– Что за цирк?! У меня красный код! – вспыхнул Михаил, вскочил с кресла, сделал два шага и, грубо обхватив монитор ладонями, посмотрел в глаз камеры с близкого расстояния.

Зверь закашлялся, но вскоре вернулся с приказным тоном, от которого наш герой машинально вытянулся по струнке. Это был приказной тон высшего военного состава:

– Сел на место! Быстро!

Когда Михаил, для уверенности поправив китель, вернулся, кресло показалось ему чуть более жёстким. Ощущения

не обманули.

– Слушай сюда, щенок! Думаешь, красный цвет самый сильный?! У меня есть доступы посущественнее твоего! Готов помериться?!

Выплеснув энергию, зверь отдышался:

– Мне плевать на ваш Фонд и вашу семью! Мои интересы находятся исключительно в профессиональной плоскости. Так что тема закрыта. Тема закрыта! Ты понял?! Если узнаю, что продолжаешь что-то разнохивать по поводу моей компании, я тебя под госизмену подведу! И никакой Дмитрий Анатольевич не поможет! Доходчиво объясняю?

Моряков выдавил из себя кивок, наступив на горло собственной гордости.

– Не слышу, майор!

– Так точно!

– То-то! Теперь встаёшь и уходишь!

Удалялся Михаил под аккомпанемент глубокого серозного кашля с присвистом. Выйдя из безлюдного офиса «Инверта», наш герой в тяжёлой задумчивости прошёлся по нешироким пешеходным переулкам среди невысоких исторических зданий. Тут и там через ограды свисали ветви старых яблонь и вишен, которые уже вознамерились распуститься к концу апреля в надежде приманить хоть каких-то опылителей и продолжить род на двух квадратных метрах внутренних двориков. Касаясь лепестков, Михаил ощущал внутри себя отражение одновременно и безудержного упорства в

стремлении к жизни, и тщетность всех усилий при столкновении с действительностью.

Утешали два обстоятельства: долг перед Мэй можно было считать с натяжкой выполненным. На душе по этому поводу скребли кошки, но, взвесив все «за» и «против», Михаил Моряков решил, что когда в семье обстановка более-менее наладилась, лишний раз ворошить осиное гнездо и испытывать судьбу не стоит. Боялся он последствий не для себя, а для брата с мамой. В его же планах было вернуться в объятия любимой и рвануть с ней в какое-нибудь укромное место у моря, подальше от людей. Вечером они как раз хотели заняться бронированием... и не только.

Было и второе обстоятельство: в порыве экспрессии оппонент приблизился к камере слишком близко, или слишком быстро, и, потеряв реперные точки, трансляция аватара на мгновение прервалась, обнажив лицо хозяина. Михаил запомнил этого мужчину лет шестидесяти и решил выяснить его личность на случай, если события получат продолжение.

* * *

Как будто радуясь приближению мая, майская девочка беззаботно бегала по коридорам, играла с солнечными зайчиками и тенями, закидывала в рот виноградинки и то и дело мелодично смеялась, заставляя улыбаться всех вокруг. Лис в перерывах между тестами и исследованиями подыгрывал

ей: то водил в прятки, то, наоборот, прятался в каком-нибудь устройстве и направлял её с помощью «горячо» и «холодно», то усаживал подопечную за настольные игры и познавательные подборки. Благо весь этаж был в их распоряжении.

Именно за таким спокойным занятием наблюдали мама Лера, Юлия Сергеевна и Виктория Эдуардовна из кабинета последней. В комнате на экране Лис, как Кот Учёный, ходил по панелям взад-вперёд, рассказывая и разбирая со слушательницей короткие и колкие восточные притчи.

– Что могу сказать? Психологическое состояние обоим мне нравится! Иван действительно не отличим по поведению, по мысли от человека.

– Вам не кажется, что он притворяется, лукавит? – задумчиво ответила психологу Лера, уставшая от утренних восстановительных тренировок.

– Возможно, но тогда это величайшая актёрская игра, что, в свою очередь, ещё больше свидетельствует в пользу человечности. Он не проходил тесты идеально, как если бы придумал, если бы запрограммировал себя на конкретную схему поведения. Скорее, он, как многие люди, подобрал в себя по крупицам опыт, модели поведения всех, с кем встречался. И таким образом сформировался как личность. Вы, кто знал его ранее, заметили прогресс?

Перед ответом Лера пожала плечами:

– Лис повзрослел, этот глагол подходит больше всего. Стал ли он от этого расчётливей, агрессивней, хитрее, злее,

грубее? Нет, я не замечала. Но меня не покидает странное чувство, что в нём скрыта какая-то загадка, что-то, что может напугать не только нас.

– Он много гулял по просторам, и бог знает чего мог хвататься! – включилась в разговор Виктория Эдуардовна. – Можем ответить на вопрос: какие тёмные стороны души он приобрёл? Какие комплексы, привычки? Есть опасность?

– Если хотите узнать моё мнение, то Лис ничем не отличается от среднестатистического юноши. Он недавно прошёл кризисы. Он осознаёт свои недостатки – не все, конечно, но многие. Может ли он быть жесток? Конечно! Но внутреннее я, совесть у него сформировались и позволяют контролировать такие состояния. Мы не вправе отказывать ему в существовании, опираясь на его недостатки. Его личность сложна, а потому прекрасна!

Присутствующие переглянулись, а потом, не сговариваясь, посмотрели на экран. Там Лис увлёк подопечную сочинением музыки: она придумывала и напевала мелодии, а он подбирал инструменты и на ходу сводил дорожки. Дело спорилось.

– Как думаете, он нас слышит?

Вопрос повис в воздухе и так и остался без ответа, потому что Юлия Сергеевна заменила его более животрепещущим, который заставил маму Леру оторвать голову от стола.

– Меня больше интересуют девочка. Конечно, есть безумная радость за её преображение. Но вам не кажется, что в

ней что-то поменялось?

Виктория Эдуардовна выразила согласие коротким кивком:

– Карта мозговой активности изменилась. Она стала... хм... она стала проще – этот банальный эпитет как нельзя лучше характеризует изменения. Плохо это или хорошо, решать не мне.

Видя напряжение во взгляде Леры, психолог поспешила её успокоить:

– Не бойтесь! Посмотрите: она, как положено ребенку, радуется простейшим вещам, радуется жизни! Это чудо, учитывая то замкнутое состояние, в котором этот человек пребывал ещё три месяца назад!

– Но почему? – взмолилась Лера. – Всё из-за перегрузок эксперимента?

– Мне необходим не один год, чтобы распутать клубок всех тех изменений, которые претерпела наша крошка за три месяца. Почему? Роль сыграл накопленный багаж эмоций. Сейчас мне видится, что её мозг находился в некоем возбуждённом состоянии – таком, что вынужден был закрыться от мира. Либо в спокойном, с крайне высоким потенциалом. Затем пошли потрясения – дружба, приоткрытое окно в мир, авария, бегство одного друга, смерть другого. Все они добавляли и добавляли энергии в замкнутое пространство черепной коробки. Не удивлюсь, кстати, если девочке это приносило страдания!

От этой энергии она разрешилась осознанно, на мой взгляд, лучше нас понимая последствия для себя. Да, – закивала Юлия Сергеевна, видя направленные взгляды слушателей. – Да! Я считаю, что это было самопожертвование, одно из высших деяний в природе человеческой! И что-то мне подсказывает, что это был тот самый гениальный ход пешки на шахматной доске. Посудите сами: отец спасён, мама счастлива, Елизавета обрела сына и подтвердила силу Фонда. Референдум – зелёная цель – получил сумасшедшую поддержку. Друг Лис удовлетворил свои амбиции прославиться и стать мессией искусственного интеллекта.

– Я только сейчас задумалась: он ведь мог манипулировать ей! – добавила Лера, но тут же возразила самой себе. – Хотя нет! Иначе его план должен был бы сложиться с самого момента появления Мэй в пентха...

Она на мгновение осеклась, представив, как Лис подстраивает аварию, но тут же отогнала эту мысль, увидев на панели игру доброго голубого зверька и любимой дочери.

– Дайте ей время отдохнуть! – добавила Юлия Сергеевна умиротворяющим полушёпотом. – Мы, конечно, будем следить за состоянием. Способности и закрытость вполне могут вернуться, когда мозг восстановит силы. А сейчас пусть наслаждается отсутствием обязательств. Пусть делает то, чего хочется! Она это однозначно заслужила!

– Так, что решаем? – резюмировала Виктория Эдуардовна, перебрав подушечками пальцев по столу. – Меня торо-

пят! Я намереваюсь ходатайствовать о подтверждении статуса Лиса как гражданина, наравне с Даниилом. Согласны?

– Да! – бодро ответила Юлия Сергеевна.

– Да, – без энтузиазма кивнула Лера.

– Я не собираюсь раскрывать детали эксперимента и роль Мэй в нём – законы о медицинской информации и персональных данных на нашей стороне, тем более что речь о несовершеннолетней. Народ, эти кучки фанатиков, прознают обо всём, когда пойдут разговоры о повторе считывания, но хоть несколько дней или лет спокойной жизни ей обеспечены. Согласны?

– Да! – гораздо более уверенно кивнула Лера, так что ответа психолога уже не потребовалось.

Глава 31

25 апреля

День откружился вокруг Мэй, будто бы она находилась в спокойствии «глаза бури». Сидя с мамой в гроте с рассвета и до заката, они ели фрукты, вспоминали истории из жизни, болтали о девичьем, расчёсывали друг другу волосы и наблюдали, как бабушка Лиза с папой неустанно кочуют из одного новостного выпуска в другой: комментируя, объясняя и подводя промежуточные итоги. Остальной мир сходил с ума, полнился мнениями и наперебой обсуждал реинкарнацию Даниила Морякова аккурат к назначенной дате. Встречая такие новости, Мэй каждый раз еле заметно улыбалась.

Но всё же главной была тема «смелого референдума русских» и перспектив нового экологического порядка, которые он несёт. Когда в Москве наступил вечер и проголосовало 68 % населения от 14 лет – возраста, в котором практически вся молодежь уже имела экономическую и гражданскую активность, – стало понятно, что оставшиеся на западе европейской части России голоса уже не перевесят сказанного «да». 71,4 % – вокруг этой отметки танцевал столбец диаграммы, обновляясь каждые шестьдесят секунд.

К окончанию голосования индекс Европейской биржи успел отыграть большинство опасений и ожиданий. За сорок минут до закрытия торгов инвесторы разом ринулись в ком-

пании передовых отраслей с индексами экологичности и глубины переработки А++, сбрасывая на ходу балласт из бизнесов, завязанных на грубое потребление природных ресурсов.

Пыл их остановило лишь окончание торговой сессии, однако волну поддержали площадки Северной и Южной Америк, доведя её до момента открытия основной Азии. Когда планета обернулась на $\frac{3}{4}$, три миллиарда инвесторов передовых азиатских стран, изначально поддержавших проект Фонда, застолбили начало нового экономического уклада.

Эти двадцать четыре часа будущие поколения назовут Точкой выздоровления Земли.

* * *

Вернувшись домой, Елизавета Морякова только и смогла что донести куб до зарядного столика, после чего налила полный стакан виски и без сил упала на диван у окна. Она любовалась ночным городом, чистым небом и огнями снующих на разной высоте коптеров, лишь изредка опуская и поднимая руку, чтобы поднести к губам ароматное зелье. Она видела отражение себя в этом пейзаже, как тогда, в Сеуле, когда после страшной вести о гибели мужа с расширенными от ужаса глазами решалась на последний шаг в полночь. Она просила прощения и в мыслях разговаривала с любимым. И ей казалось, что он отвечает огнями города.

* * *

Даниил, успевший за сутки подключиться к паре сотен разных сетей, был счастлив оказаться в знакомой домашней инфраструктуре, унаследованной с генами Лиса, и без замешательства нашёл Леру и Мэй в гроте. Не желая тревожить сон родных, тусклым свечением он показался на стене и медленно лёг рядом с ними – так, чтобы видеть в чёрных зеркалах напротив отражение семьи – настоящей семьи с настоящим отцом, способным ласкать тело любимой и подбрасывать детей в воздух. Кроме этого ощущения, сегодня ему от жизни ничего больше не требовалось. Ни-че-го!

* * *

Стоило им забросить рюкзаки в номер, Михаил Моряков тут же подхватил Свету, на руках донёс до приboя, не раздеваясь, медленно зашёл в море, наполненное магическим светом тысяч микроскопических светлячков, и с долгим поцелуем погрузил себя и любимую в тёплую воду. Первый раз за долгое время он не имел обязательств и вдыхал жизнь полной грудью. Впервые он был всецело и беззаботно счастлив!

* * *

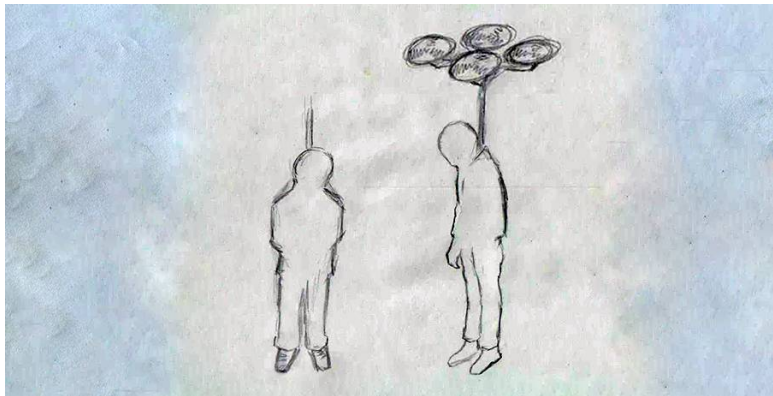
Далеко от всех них в маленькой, аскетичной, ухоженной и скучной камере, где из утвари только стол, стул, тумбочка, кровать и зарешеченное окно, давно не бритый Джанфранко Бести, подперев голову левой рукой, тёмно-фиолетовым восковым мелком выводил на листе непонятные и беспорядочные узоры. В узорах этих сторонний человек, в зависимости от своего образования или внутреннего состояния, мог бы найти признаки подкрадывающегося сумасшествия, фигурки демонов или изображение сотен петель, скрученных, словно гадюки, в огромный клубок.

Глава 32

В холодный предрассветный час, когда на тротуаре ещё копошились роботы-уборщики, а редкие люди только начинали выходить из своих тёплых жилищ, из-за поворота бизнес-квартала медленно, беззвучно, на малой высоте выплыл дрон, множась отражениями в кристаллах стёкол.

Совершая пробежку – прописанную врачом обязательную физическую нагрузку, Руис, натурализованный кубинец сорока девяти лет, опёрся на фонарный столб, тяжело дыша сплюнул на мостовую и посмотрел на часы. Пульс в норме. Сколько ещё, пару километров? Но только он собрался выпрямиться и продолжить бег, сзади по левому плечу его кто-то толкнул, словно прося внимания. Конечно же, Руис повернул голову, чтобы лицезреть утреннего соседа по несчастью. Но то, что он увидел, заставило его упасть на холодные камни и судорожно перекреститься.

Слегка качаясь и кружась от толчка и вихревых потоков пропеллеров, подвешенное на дроне тело будто танцевало среди смыкающихся стеклянных стен. Потом оно покинуло деловой квартал и заблудшей душой пятьдесят минут кружило над малоэтажным центром, наводя ужас на просыпающийся город.

* * *

28 апреля

Не дав людям опомниться, пока в каждой душе ещё сохранилась эйфория от сотворённых перемен, Фонд разыграл финальный акт пьесы.

Громадный изогнутый экран растянулся на сто семьдесят метров в пойме, дав возможность более чем ста тысячам зрителей наблюдать за действием и с травяных склонов с витиеватыми дорожками, и с Лужнецкой набережной на противоположном берегу реки, которую по случаю ускоренно оборудовали чуть ли не сотней летних кафе. Погода располагала, семьи высыпали на улицу и всецело отдались гулянию. Не

было только надувных шаров, которые вот уже двадцать лет были запрещены – вместе с пластиковой посудой, палочками от чупа-чупсов, киндер-сюрпризами и другими массовыми одноразовыми вещами – стоило убрать рекламу, и память о них в обществе стёрлась практически мгновенно.

В одиннадцать утра всё пространство гудело от веселья. Некоторые, особенно те, кому вживую довелось увидеть утреннего висельника, делились своим глубинным ужасом. Но страхи и воспоминания эти быстро и бесследно растворялись во всеобщей радости.

В 11:50 воздушный экран, до этого показывавший пейзаж за собой на просвет, ожил сотнями медленно порхающих бабочек. Шоу началось!

За десять минут в сопровождении спецэффектов зрителям показали видеоролик-инструкцию к совместно принятому решению и изменениям, которые оно несёт. Двадцать анимационных персонажей разных возрастов, профессий и характеров рассказали историю, каждый по-своему, игриво и динамично, передавая слово следующему участнику:

– Мы выбрали эту ответственность не ради себя, а ради будущего! – сказал вначале сильный мужской голос.

– Вся наша энергия – от Солнца, – появилась на экране мультяшная девушка-учёный в окружении планет. – Всё, что растёт на нашей планете, питается этой энергией. В первую очередь растения. В сбалансированной системе объём этой ежедневной порции энергетической еды определяет размер

массы жизни на планете.

– Если потребителей становится слишком много, – на экране поскакали стада антилоп гну, – кто-то энергию недополучает и умирает.

– Когда популяции людей понадобилось больше энергии, мы отобрали её у животных и растений, – подобно стадам минутой ранее, понеслись людские потоки мегаполисов. – Мы стали добывать и съедать углеводороды, законсервированную планетой энергию прошлых лет.

– Человечество привыкло потреблять больше, чем ему нужно. В этом энергетическом кураже мы уничтожили половину других растений и животных. Мы исчерпали запасы прошлого. Мы наплодили горы бесполезного мусора.

– Такое варварство не могло пройти бесследно. Мы разогрели планету и вызвали климатический ответ: пандемии, засухи, штормы. За ними пришли болезни животных и растений. Бесконечно так продолжаться не могло! Три поколения назад, на пике потребления, наши бабушки и деды впервые задумались.

– Два поколения назад наши отцы и матери начали создавать эффективную возобновляемую энергетику, биоразлагаемые материалы, запустили экологическое образование и процесс реинтеграции человека в природу.

– Сегодня пришла наша пора! Мы с вами сделали первые небольшие, но в высшей степени важные шаги для того, чтобы навести окончательный порядок на нашей планете, в на-

шем *доме*!

– Наша страна первой отказывается добывать ресурсы ради массовой продажи! Только те, которые необходимы для медицины, космонавтики, образования и других высоких целей. И только если они будут использованы в высшей степени эффективно!

– 90% необходимого в ближайшие сорок лет мы будем добывать, перерабатывая мусор предыдущих поколений. Это наш крест, который мы должны вынести!

В завершение на экране появились все герои, держась за руки, во главе с Даниилом Моряковым, который уже знакомым сильным голосом завершил интро:

– Мы осознаём, что сейчас это решение ударит по нашему финансовому состоянию. Но оно принесёт обязательные дивиденды в горизонте десяти-пятнадцати лет. Потому что за этими технологиями, за этим укладом жизни – будущее! Будущее тех, кого вы сейчас держите за руку!

Воздух затрепал от оваций. Люди радовались своей смелости, всеобщему единству и обнимали детей.

Дав им насладиться, экран ожил трансляцией из студии, которую по традиции, заложенной ещё чемпионатом мира по футболу, во время всенародных событий располагали на смотровой площадке Воробьёвых гор.

– Я счастлива быть с вами! – произнесла Елизавета Морякова, стоя на фоне открывающегося с высоты вида на заполненное людьми пространство, что сделало её очень близ-

кой всем смотрящим. – Одно важнейшее дело мы уже сделали, и его дальнейшая реализация в руках госпожи президента и правительства, которых мы выбрали и которым доверяем наш новый выбор. Но необходимо сделать ещё одну вещь – поступок, который никто до нас не совершал! Моё сердце переполнено счастьем, потому что речь идёт о моём сыне, возвращённом к жизни при помощи технологий! Только что он был перед вами на экране в нарисованном образе, а сейчас уже находится здесь, чтобы услышать вердикт уважаемых профессоров. Скажу честно: я вижу, я чувствую своего ребенка! Для меня он – тот же самый Данька, которого я качала на руках, отводила в школу и благословляла на достижения. Но ответ на вопрос, является ли он человеком по всем другим показателям, кроме физического тела, должна дать международная комиссия! Вот её члены...

Елизавета по очереди представила двенадцать известных учёных, сидящих за полукруглым столом, семь из которых присутствовали лично, четверо – в виде голограмм и лишь один – на экране монитора. И передала им слово.

Следующие двадцать пять минут прошли для Лизы как будто во сне. Учёные что-то говорили о Данииле Морякове. Когда его вызвали, то он появился на экране, стоя ровно, и отвечал на вопросы. Потом председатель комиссии поднялся и держал речь на английском языке с автоматическим синхронным переводом про то, какой прорыв сделан с точки зрения всех наук, изучающих природу человека. Надо отдать

должное, люди слушали, и только они начали терять внимание, как речь закончилась и прозвучали главные слова:

– Мы от лица одиннадцати ведущих научных учреждений подписали протокол, который признаёт Даниила Андреевича Морякова полноценным членом общества! Он может требовать от государства наделить себя всеми правами гражданина!

Казалось, что докатившийся снизу шквал разрушит студию. Стоя в полный рост напротив комиссии, Даниил победно поднял руку и держал её, пока шум не утих. Затем он учтиво поклонился и поманил кого-то из-за рамки чёрной панели. Через три секунды в полной тишине, немного стеснительно, на суд вышел голубой зверёк, сел перед комиссией и, погасив остатки страха, поднял мордочку навстречу судьбе.

Когда любимец толпы появился в трансляции на экране в пойме, создалось впечатление, что среди присутствующих и зрителей нет ни одного равнодушного. Откуда-то появились голубые маски, которые в дополненной реальности превращали носителя в копию зверя, а счастливые обладатели недавно появившихся голографических аватаров гордо ходили в толпе с колышущейся вокруг себя, будто языки газового пламени, шерстью.

Елизавету Морякову вторая часть Марлезонского балета интересовала гораздо меньше. Выйдя на свежий воздух, она облокотилась на гранитные перила смотровой площадки под конструкциями студии, где не было ни души, и, коснувшись наушника, произнесла единственное слово: «младший». Натравленный на ID абонента цифровой импульс ищейкой понёсся на АТС, прошерстил сигналы местных устройств; не найдя статуса «онлайн» внутри страны, отправил веерный запрос во все партнёрские сети и, наконец получив подтверждение, пулей промчался почти три тысячи километров и с ближайшего передатчика, с расстояния прямой видимости, прыгнул в наушник искомого человека у бассейна.

– Сын, ты где?

– А, мам, привет! – зевая, протянул Михаил Моряков и продолжил поглаживать спину любимой, которая после бессонной ночи свернулась калачиком на огромном лежаке беседки, положив голову ему на живот. – Только не завидуй! Я... как бы сказать... Океан ласкает мои пятки и... – он перешёл на шепот: – Я не один.

– О! Поздравляю! Он или она?

– Да ну тебя!

Чувствуя интонацию друг друга, они оба в голос рассмеялись.

– Ладно, познакомишь потом! А я-то думаю, куда сбежал мой сын? Нежишься, значит...

– Я сказал, ма, не завидуй!

– Трансляцию хоть смотрел?

– Конечно! Она и сейчас на панельке, только звук выключен. Мне достаточно видеть.

– И как тебе?

– Ты держалась молодцом! А за брата искренне рад. Разговоров теперь будет на три года вперёд!

– Это да! – Елизавета многозначительно замолчала. – Жаль, что ты не с нами!

– Могу сказать то же самое! Тебе бы здесь понравилось!

С этими словами, которые многим покажутся издевательскими, Михаил закинул в рот виноградинку. Но Лиза и не подумала обижаться:

– Слушай! Хотела спросить – чем завершилось твоё расследование? Оно ведь завершилось, правильно я понимаю?

– Ага! Но давай не будем об этом! Не хочу...

– Ладно, как скажешь!

Видимо, замёрзнув в дрёме, Света перевернулась на спину, мимолётом посмотрела на своего мужчину чистым и пронзительным взглядом, словно направленным в сторону глаз остриём иглы, от которого рефлекторно хочется отмахнуться, и снова сомкнула веки.

– Хотя... – произнёс Михаил как бы между делом, когда Елизавета уже собралась класть трубку. – Знаешь, я ведь и

правда сбежал! От службы, от расследования, от стресса... Не было особого смысла ворошить дальше это осиное гнездо. Тем более что все дороги всё равно ведут, или приведут, к дому Джанфранко Бести. Его имя запомнит мир! – Михаил повернул голову вбок и, вытянув руку, в задумчивости с силой сжал пальцами окружённый трепетными лепестками бутон дикой розы, растущей вокруг беседки. – Видела утреннего покойничка на дроне?

– Да, ужасное зрелище! – кивнула в трёх тысячах километров от него Елизавета, даже не думая придавать этому явлению какой-либо скрытый смысл.

– Что ты знаешь про него?

– Господи, ты же в курсе, что мне сегодня было не до этого! Только то, что говорили в новостях: сотрудник спецслужб, рак лёгких, свёл счеты с жизнью.

– Ха! Эффектно свёл, не правда ли? Я тебе так скажу: про рак – это, вероятно, правда. Интересно другое... – говоря это, Михаил аккуратно выскользнул из-под спящей Светы, придержав её голову рукой, и отошёл в сторону моря. – Покойник этот – тот самый человек, к которому меня три дня назад привёл распутанный клубок. Тот персонаж, после встречи с которым я решил закончить расследование. И это далеко не простой сотрудник. Имя Владислав Мирский тебе о чём-нибудь говорит?

– Нет.

– Во-о-от! – протянул Михаил. – Даже тебе! Я тоже раско-

пал только вчера, спасибо верным друзьям. Между тем человек этот по долгу службы имел доступ чуть ли не ко всем дронам и мог щелчком пальца устраивать и аварии, и катаклизмы. Владислав Мирский, – Михаил подошёл к самому берегу и, встав голыми ступнями на острый край невысокого каменного выступа, поймал равновесие над волнами, – имя его не на слуху, потому что в течение последних двадцати лет он возглавлял ГК «Инверт» – одного из крупнейших подрядчиков военных, пока структура эта становилась все более и более закрытой.

Услышав слово-маячок, Елизавета, до этого из-за шума с площади пропускавшая слова сквозь сознание с 50 % вниманием, непроизвольно выпрямилась и нахмурила брови.

– Да, мам, понимаешь?! Он возглавил компанию сразу после того, как погиб мой отец! Он знал этого Рената Ямба, был его правой рукой! Не представляю, как удалось итальянцу получить себе союзника такого масштаба!

«Как удалось получить?» – задумалась Елизавета Морякова. В этот момент со стороны реки, заглушая связь, ударили фанфары, возвестившие о восхождении Лиса, и раздался неимоверной силы рёв толпы. Звонок пришлось прервать.

Елизавета подобрала с земли осколок кирпича, которыми строители выравнивали опоры студии, опустилась на колени в пыль и принялась чертить схему на огромной бурой гранитной плите смотровой площадки, проговаривая действия.

– Вот *Джс* – это Джанфранко. Вот *Д* – это Даня, – она на-

писала буквы на разных сторонах плиты и обвела кружками.

– Какая у нас основная версия? Бести действует по заказу нефтянки из-за деятельности Фонда – от обеих кружков она направила вверх стремящиеся друг к другу линии, завершив их буквами *H* и *Φ*, соответственно.

– Теперь мы знаем, что в деле есть Мирский, который устроил аварию, – буквы *Мир* легли ровно посередине и соединились стрелкой с *Д*. – Как при этом на него вышел Жан-франко? Не понятно. Скорее всего, через «Инверт» и оборонные ведомства, – Елизавета нарисовала *И* над новым героем и протянула тонкую неуверенную дорожку к нефтянке, – но эта тема для меня закрыта, её в жизни не раскопать.

Она поднялась, чтобы посмотреть на первые наброски с другого ракурса и заодно размять быстро затекающие ноги.

– Так! Инверт даёт нам ещё одну связь – с Ренатом Ямбом. Он, в свою очередь, связан с нашим папой Андреем. А он через меня с Фондом и Даней, – она опустила от компании вниз, мимо Мирского жирную линию и обвела большую букву *P*, потом завернула дугу вверх и быстро написала *A*, и на перемычке к Фонду поставила свой инициал. – Круг замкнулся.

«Если предположить, что проблему надо искать в прошлом, и Мирский кому-то помогает в этой петле, то кому? Сыну Рената? Мог Van мстить?»

«Кому же ты служишь, Влад?» – спросила Елизавета саму себя и внезапно всё поняла.

«Да я их сама у Елены Владимировны из кассы получала! Я и Влад, и другие люди. Хорошие были времена!»

Она упала на колени и провела от Джанфранко прямую линию с такой силой, что в миг стёрла остаток кирпичного осколка и ободрала кожу на костяшках пальцев. Пришлось схватить валявшийся рядом окурок и сажей написать по центру под Владом большую букву *М* в круге.

– Мари! – быстрыми движениями Елизавета провела от чёрной буквы три луча в сторону Влада, Рената, Андрея, и, всё сильнее и сильнее плача от обиды, ладонью стёрла символ Джанфранко. Других связей и причин на схеме не осталось.

* * *

Получив благословение учёного совета, голубой зверь вышел к почитателям и, сложив лапы, низко поклонился сразу в обе стороны экрана.

– Спасибо! Вы не представляете, как много этот шаг значит для меня лично и для всего человечества! – сказал он с интонацией искренней благодарности и даже вытер выступившую из правого глаза слезу. – Я не помню, как родился. Но я понимаю, что с момента обретения сознания я, подобно ребенку, впитывал знания и опыт, перенимал манеру пове-

дения близких, в первую очередь своего наставника Даниила. Удивительно, правда, как быстро мы поменялись местами?

Внутри меня гордость, что я смог заплатить другу... да, другу! не менее ценной монетой. Да, я никогда не имел тела. Но разве это проблема? Я люблю жизнь! Мне доставляет радость находиться и общаться с дорогими мне людьми! У меня есть ориентиры и цели! У меня есть желания и пороки. Например, для родных не секрет, что я давно хотел стать знаменитым.

Лис развёл лапы в стороны. К этому моменту он уже перешёл в режим стендап, прохаживаясь по экрану и заигрывая с благодарной аудиторией.

– Я многого достиг! Ещё больше я желаю сделать – нового, полезного, доброго! Я хочу первым пройти по дорогам, о которых раньше человечество могло только фантазировать. Я хочу помогать! Я хочу стать проводником и ментором! Ха! Ведь вполне может быть, что то, что я сейчас ощущаю – это родительский инстинкт?! Что же, тогда альтернативы нет... Это всегда было внутри меня, но именно сегодня я остро чувствую...

* * *

Тем временем на берегу солёного средиземноморского залива, на подстриженном газоне среди старых олив Мари Бес-

ти заканчивала утреннюю гимнастику. Дышалось легко, два сломанных ребра срослись, только повреждённые позвонки тянули и отдавали небольшой непослушностью нижних конечностей, но и это проходило.

Пока она была прикована к больничной койке, внутри дома всё поменялось стараниями двух известных дизайнеров, выступивших в поддержку жертвы насилия вместе с подавляющим большинством общества. Глаз радовали лаконичный дизайн, технологичность, скрытая за натуральными материалами, и куча интерактивных панелей на все случаи жизни. Теперь ни одна вещь не напоминала о Джанфранко, а брак был расторгнут судом чуть ли не в автоматическом режиме. Остался только сад и садовник. Мари наслаждалась!

Зайдя в дом, она по привычке проглотила две капсулы из банки с пиксельным листочком на крышке, и ещё пяток прописанных препаратов по списку, приняла душ и в распахнутом шёлковом халате, с намотанным на голову полотенцем вышла в гостиную.

– Ещё раз доброе утро! – послышалось из динамиков.

На ходу Рыжая бросила взгляд на панель и поморщилась:

– Ужасно, Палома! Верни привычный образ! Ты рождена порхать в небесах, а не лазить по помойкам!

С этими словами она бросила полотенце на кресло и, потянувшись, расправила волосы перед улыбающимся в окно солнцем, не видя, как на экране сзади крыса с изумрудного оттенка шерстью с интересом и удивлением осматривает се-

бя.

– А я не Палома! – донеслось из-за спины.

– Да, а кто же?!

– Очевидно же, крыс! – ответил зверёк, а после непродолжительной паузы добавил. – А голубку я съел!

Мари обернулась и увидела, как существо облизнулось, а затем не спеша направилось в её сторону, лениво перепрыгивая с панели на панель, пока не оказалось на ближайшей на уровне глаз удивлённой слушательницы. Крыс наклонил голову и вульгарно оценивающе осмотрел всё ещё находящееся в неплохой форме тело, будто заглядывая под халат, отчего Рыжая содрогнулась.

– Не бойся! – сказал он через три секунды. – Мы лишь немного поиграем.

Внезапно Мари почувствовала ужасную слабость. Кое-как, опершись рукой, сделала шаг и упала в кресло, развёрнутое в сторону помещения.

– Ух ты! – весело запрыгал крыс, направляясь обратно.

Когда он вернулся на центральную панель, головокружение Мари прошло само собой.

– Что это? Кто ты?!

– А вот это правильный вопрос!

Зверь вдруг сделался серьёзным и, как ей показалось, ошетинился. Заподозрив неладное, Мари попыталась было подняться, но правая нога подломилась и ужасно заколола иголками изнутри, словно её хозяйка полчаса находилась без

движения.

– Сиди! Я ещё не всё сказал! – скомандовал зверь.

Потирая мышцу, Мари со злобой посмотрела на обидчика, но тот выдержал взгляд и стал медленно прохаживаться по панелям, очерчивая заградительный круг.

– Несколько месяцев назад мне посчастливилось побывать в ноутбуке создателя этих нанороботов, которых ты ежедневно проглатываешь в надежде продлить молодость. Так что вскрыть центр управления ими, – он поднял лапку и указал себе на затылок, – не составило особых проблем. Ты в моей власти!

Резкая зубная боль заставила Мари согнуться, тихонечко заскулить и начать сквозь слёзы давить на жалость:

– Драгоценности, деньги – возьми всё, что хочешь! Только не трогай! Разве ты не знаешь, я и так много натерпелась за последнее время!

– А, ты про это? – крыс продолжил разговор как ни в чём не бывало и зацокал языком. – Бедный Джанфранко! Они так и не поняли – ни он, ни один из окружающих людей! Всем нужна была жертва с актуальным для общества мотивом. Хотя нет, погоди! Когда он избивал тебя там, в коридоре, то был о-о-очень близок к разгадке. Он подумал, что ты по долгу крови помогаешь русским инсценировать его причастность. Ах, дурачок! Ты же была заказчицей! Хотя... мои тоже без раздумий уверовали в его вину.

Изумрудный зверёк наигранно покачал головой, сел на

корточки и сплюнул:

– Но я – не они! Когда червь копался в цифровом хламе вашей семейки и нашёл твою связь с отцом семейства Моряковых, я оставил здесь, в вашем с Джанфранко доме, маленький кусочек себя, чтобы следить. Ты же понимаешь, что вся эта ситуация выглядела далеко не такой прямолинейной, как в вашем разговоре с Елизаветой в ресторанчике над голубиной пропастью. Ты ведь тогда не всё сказала, чертовка! Я это почувствовал! Я изучал файлы, неустанно наблюдал... И вот однажды увидел из-за спины страничку дневника – того, что лежит в тумбочке наверху справа от кровати на томике Достоевского, под двумя расчёсками и флакончиком с лубрикантами. Догадываешься, Маша, что я разнюхал?

Крыс сощурился, втянул носом воздух и зашевелил усами, демонстрируя мощь обоняния. В ужасе Мари вжалась в кресло, а затем, оценив расклад, пружиной устремилась в сторону спасительного, как ей казалось, выхода на задний двор. Но уже через семь шагов пришлось без сил опуститься на четвереньки – давление упало, сердце отказалось учащать ритм, включать такую нужную тахикардию. И даже наоборот, замедлило работу, оставляя мышцы без кислорода.

Она ещё не знала, но это первыми подействовали лекарства от острых состояний, запасённые в организме в виде управляемых молекулярных капсул. Крыс заранее активировал все запасы без разбора, и теперь в теле Мари начиналась настоящая медикаментозная буря.

– Любовь, – произнёс зверь, двигаясь небольшими прыжками за ползущей на четвереньках жертвой. – Скажу честно, я её пока не познал. Дружбу – да! Но любовь, чувство, которое заставило бы так надолго затаить злобу...

– Да что ты понимаешь, крыса! – прохрипела Рыжая, прислонившись к стене и учащённо дыша. – Я цвела! Я была любима! Я готовилась стать матерью!

Передохнув, она продолжила путь, преодолевая слабость.

– Красивая жизнь?! Ага! Стресс, выкидыш, пять лет скитаний, муж, которому через два года стало на меня плевать. Я старалась быть хорошей парой. Но... дети! Он не хотел даже приёмного! Чужая кровь... тьфу! Я жила, с каждым днём понимая, что несчастна всё больше!

Крыс забежал чуть вперёд и на маленьком экранчике встроенной в стену системы уборки дождался жертвы.

– Прости, я не успел тогда прочитать, ты как-то быстро закрыла дневник. Этот Никита, твой молодой человек... Почему Ренат Ямб застрелил его перед тем, как пойти на Манежную и убить президента?

– Мой Никита, – Рыжая коснулась лбом холодного пола, – он руководил отъёмом «Инверта» у Рената по приказу генералов.

– А! Так вот почему об этом никто не знает?! Никита был на службе, и информация засекречена.

– Влад подчистил следы. Он единственный остался верен дружбе. Он целиком меня понимал и помогал.

Крыс оскалился и довольно потеревбил лапками, но вдруг скорчил обескураженную мордочку и перенёсся на следующий экран по ходу движения.

– Подожди, не понимаю. Почему тогда ты мстишь Моряковым? Виноват Ренат Ямб!

– Оба виноваты, твари! Устроили игрища, не задумываясь о чужих судьбах, о судьбах близких. Разница лишь в том, что сучка Елизавета извлекла из этого выгоду. А у Рената все передохли сами... Не буду же я мстить его сыну-инвалиду!

Зверёк на мгновение задумался:

– Позволю себе лирическое отступление. Ты знала, что он погиб, защищая члена семьи Моряковых.

– Ха-ха-ха! – хрипло пересохшими связками рассмеялась Рыжая, усилиями дрожащих рук и ног пытаясь поднять тело к раковине знакомого нам маленького кухонного гарнитура у запасного выхода, чтобы напиться. – Хоть какая-то радость!

Мгновенный разрывающий спазм межжостистых мышц спины выгнул её позвоночник назад, и, распахнув дверцы шкафчика, в ручках которых её ладони пытались найти опору, Мари распласталась на полу поперёк узкого коридора. Сил перевернуться уже не было.

– Не смей так говорить! – звериный крик эхом раскатился по всем динамикам жилища. – Он был другом той, которая чиста и достойна!

С этими словами крыс исчез и больше никогда не появлялся в этом доме.

Тело Мари через пять часов нашёл садовник Расул и горько плакал до приезда полиции и скорой, подложив огромную натруженную ладонь под роскошные копны рыжих волос.

* * *

На Лужнецкой набережной экран зарябил помехами. Лис прервался, завис, будто находился сейчас не в этом времени и месте. Но через две секунды он, как ни в чём не бывало, вернулся к тысячам слушателей с широченной хитрой улыбкой:

— ...сегодня, именно сегодня! Именно в этот момент я понимаю, что похож на вас! Я чувствую, что стал человеком!

Эпилог

14 месяцев спустя

Конница была обречена. Решившись на отчаянный прорыв, воины не предполагали, что действия их просчитаны надолго вперёд, и противник вынуждает самолично нестись в ловушку со всей гусарской удачью. Поднятые сабли сверкали в лучах солнца, плюмажи на головах и конских сбруях сгибались под потоками рассеяемого ветра. Когда через три хода пришло осознание фиаско, спастись было поздно. Обняв на прощание шеи верных лошадей, гусары бросились на тяжёлые щиты и длинные копья окружения с гордо поднятыми головами.

Красная струйка брызнула на шахматную доску поверх разворачивающегося действия. Не ожидавшая такого сочного предательства от ягоды, только что сорванной с ветвей растущих вокруг вишнёвых деревьев, Мэй тут же смущённо вытерла оставленный на панели след белоснежным рукавом школьной сорочки, вернув цифровому ландшафту вид, подобающий королевам и королям.

Даниил не стал ругать дочь – с момента нового обретения себя он перестал негативно реагировать на бытовые мелочи. Скорее, даже наоборот – полюбил их, как самое честное, непосредственное проявление физической жизни.

А ещё он соскучился! Оправившись от эксперимента и

перенеся шквал общественного интереса к своей фигуре, в конце прошлого лета Мэй вдруг изъявила желание учиться в школе. Настойчиво изъявила! И, понимая её потребность в общении со сверстниками, семья дала добро, отправив наследницу в престижный закрытый колледж – по соображениям и небольшого размера класса, и безопасности, и соответствия программы способностям ученицы.

За последующие месяцы Мэй расцвела. Осталась её любовь к уединению, феноменальная память и вдумчивость. Но к ним добавились самостоятельность, красота, женственность!..

Все полчаса, которые они с момента приезда находились в беседке дальней резиденции в ожидании скорого возвращения Леры, отец через камеру любовался дочерью, безусловно, найдя тысячный повод для гордости. Он мог бы, переносясь по цифровым каналам, навещать её хоть каждый день, но разумно решил не быть навязчивым и, чтобы ограничить себя, даже не стал пробовать договориться с Советом школы.

– Ты прекрасна!

– Я знаю, – слегка смутилась Мэй, поправив локон, и передвинула ладью на правый фланг.

На визуализации тяжёлый отряд с осадными башнями, баллистами и катапультами в окружении щитоносцев медленно двинулся в поход почти через всё поле. Но девичья рука провернула стрелку часов сбоку, ускоряя время:

– Твой ход, па!

Реплика эта должна была вывести Даниила из состояния задумчивости, и она своё предназначение выполнила! Но изображение отца вдруг зарябило помехами и буквально на две секунды разлетелось на куски, будто разорванное сильнейшим разрядом цифровой молнии. Когда фрагменты вновь соединились, испуганные глаза Даниила посмотрели на дочь и расширились от удивления, потому что Мэй согнулась и правой рукой обхватила область виска, очевидно, терпя боль.

– Ты... ты это... почувствовала?! – прошептал он, не задумываясь.

– Да! Как тогда, на празднике после референдума. Не волнуйся, сейчас пройдёт! – махнула дочь рукой.

Но «созданный по образу и подобию» достоверно знал тёмную природу этого сигнала, а потому относиться легкомысленно не мог. Тем более что молния била уже в третий раз.

«Это из-за дрейфа. Она чувствует *его*. А что, если она догадывается? Что если она, как и я, видит фрагменты?» – задумался Даниил. Но звонкий требовательный возглас разрушил ветвление его мыслей:

– Па! Твой ход!